

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д.С. ЛИХАЧЁВА

АРХИВ НАСЛЕДИЯ

Выпуск 15

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ
МОСКВА
2016

ББК 72.3

А87

Составитель В.И. Плужников

А87 Архив наследия — Вып. 15. Научный сборник.

М.: Институт Наследия, 2016. 384 с.: илл.

ISBN 978-5-86443-187-0

Сборник подготовлен в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва Отделом информационного обеспечения и документации наследия и Редакционно-издательским отделом. Содержит статьи нынешних исследователей архитектурного и исторического наследия, а также мемуарный материал.

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д.С. Лихачёва, 2016

ISBN 978-5-86443-187-0

К ЧИТАТЕЛЮ

Вы раскрываете 15-й выпуск научного альманаха, характер которого во многом определился в самом конце 20 века (и второго тысячелетия). Материал в «Архиве наследия» группируется, в основном, по хронологии событий или явлений общественной истории. Отклонения от такой последовательности нарушают статьи, где центр внимания занимает не история, а иные темы — например, реставрационная технология, региональные особенности идеологии, симбиоз природного и социального своеобразия. Поэтому лишь к концу данного выпуска читатель найдёт анализ актуальных технологических проблем древнерусской фрески, сделанный реставраторами **Ю.М. Куксом** и **Т.А. Лукьяновой**, а также обзор физико-географической и религиозной характеристик Афганистана 1950-х годов, в котором **А.Г. Шевченко** — автор этого сводного материала — провёл детство (см. его же мемуары в предыдущем выпуске «Архива наследия»).

Предшествующий, основной массив Сборника начинают две статьи **М.В. Батшева**. Одна помогает скорректировать укоренившееся представление о русском славянофильстве прежних столетий как об идеологии, противостоящей Европе.

Наш автор показывает, что к первому поколению славянофилов такое утверждение в корне неверно. Тогда русские славянофилы отнюдь не противопоставляли Россию Западной Европе, а лишь говорили об особых путях развития этих территорий в русле общеевропейской истории. Русские славянофилы часто посещали Европу и увиденное там отразили в письмах и дневниках. В данном сборнике впервые публикуются эмоциональные европейские письма одного из славянофилов первого поколения, который к тому же был интересен своим современникам как молодой перспективный историк. Другая статья М.В. Батшева в этом сборнике суммирует историю изучения усадьбы графов Орловых «Семёновское-Отрада» — одного из самых знаменитых дворянских имений в Подмосковье. В этой статье впервые публикуется необычный архивный документ гидрологического профиля — описание ключей на территории усадьбы, выполненное по просьбе её хозяев А.И. Тургеневым.

На стыке монархической и постмонархической эпох в истории России немалую активность проявляло высокое военное начальство, обязанное отвечать и за победы, и за промахи своей армии, втянутой в мировую войну. В отличие от Ленина, реализовавшего свои мечты о её превращении в войну гражданскую, высшие военные старались удержать огромную страну и её армию от революционного развала. В этой безнадёжной роли оказался последний главковерх русской армии М.В. Алексеев, а его помощником стал собственный зять С.М. Крупин, которому посвятил статью **М.В. Иванов**. На заре советской эпохи, когда Крупин был убит неизвестно кем, а его родовое имение было разграблено и затем бесследно исчезло, начинал свою врачебную работу будущий классик русской литературы М.А. Булгаков. **Т.К. Пастернак** подготовила статью о его финансовых затруднениях того же периода, породивших одну из крылатых фраз в романе «Мастер и Маргарита», почти сорок лет недоступного советским читателям. Отвлекал

от мыслей о таких затруднениях утопический оптимизм, насаждавшийся большевиками, которые захватили всю власть в нашей стране и оказали немалое влияние на малоимущее население Германии, потерпевшей крах в Первой мировой войне, но раскрутившей Вторую мировую войну. Во многом её породила гипертрофия национального чувства немцев, ущемлённого Версальским договором и доведённого до чудовищной агрессивной патологии фашистами во главе с Гитлером. С отвращением отвергая его и упоывая на пролетарский интернационализм большевистской пропаганды, проявило творческую активность немало германских художников. Много лет их работам уделяла искусствоведческое внимание **Зинаида Сергеевна Пышновская**, недавно ушедшая из жизни в день своего 95-летия (10.12.2013). Нарастание непримиримого конфликта между нацистами и интернационалистами совпало по времени с Первой «сталинской» пятилеткой в СССР и разворотом авторитарного культа И.В. Сталина, чьё номинальное 50-летие официально отмечала в 1929 г. вся страна — на фоне жестокого массового раскулачивания, рождения ГУЛАГа, максимального разгула против религиозного зодчества. О необычном искреннем подарке этому вождю советских коммунистов, сделанном тогда в антисоветской стране, сообщает небольшая статья **В.И. Плужникова**, фрагментарно приоткрывшая судьбы двух ярких деятелей российской культуры — латвийского художника Р.Г. Зариньша и московского искусствоведа В.М. Рудченко, сыгравшего неоценимую роль в фиксации исчезающих памятников архитектуры и монументального искусства. Этот искусствовед-землепроходец, обошедший как фотограф высокого класса едва ли не все европейские земли восточнославянской культуры, спас в годы казённого неуважения к Сталину портрет вождя, необычный по технике исполнения. Вероятно, в дальнейшем это оригинальное произведение искусства станет важным акцентом экспозиции в одном из центральных музе-

ев. Портрет Сталина, сделанный Зариньшем, вряд ли проявит свою оригинальность в чёрно-белой репродукции, даже при высоком разрешении растровым клише. Он достоин цветной фиксации, допускающей значительное увеличение фрагментов. Поэтому томик «Архива наследия» дополнен компакт-диском, позволяющим разглядеть и анализировать структуру необычной мозаики в цветном портрете из фрагментов разноцветных почтовых марок.

Серьёзная научная литература уделила много внимания крупным убыткам от тоталитарных режимов. В бесчисленных вариациях частные проявления таких государственных систем корёжили судьбу и душу тысячам простых людей. Дневниковая память **Э.Н. Фаустовой**, начавшей свою жизнь в советском концлагерном регионе, воспроизводит ожоги в душах людей разных национальностей, не получившие широкой огласки и растворённые в бездушной статистике.

В июле 2016 года, изумляя широкую российскую общественность, прошли обыски в домах главы Федеральной таможенной службы А.Ю. Бельянинова и его приближённых. По словам журналистов, бравших интервью у авторитетов в области экономики, федеральное таможенное ведомство приносило нашей стране почти треть всех денежно-материальных доходов. Понятно, что реальная жизнь этого важнейшего ведомства закрыта от посторонних глаз. Редкий случай нормированного и, конечно, очень осмотрительного ознакомления наших соотечественников, не причастных к силовым структурам, с жизнью таможенников — игровой фильм «Таможня», с В. Гафтом и М. Боярским в главных ролях, вышедший на экраны за день до кончины Л.И. Брежнева. На заре становления «Архива наследия» в портфель его редакции попали свежие мемуары советника таможенной службы **Э.Ф. Емельянова**, которые поначалу показались слишком специфичными и были отложены в резерв на неопределённое время. Из обширного авторского

текста составитель сборника «Архив наследия — 15» выбрал для публикации три разнородных фрагмента. Они познакомят читателя с основательной структурой интеллектуального подразделения в таможенном ведомстве и с неожиданными проявлениями своеобразной морали среди работников ведомств, надёжно закрытых от постороннего взора.

Как и прежде, Центр информационного обеспечения и документации наследия приглашает знающих и бескорыстных обладателей ценной информацией об исторических явлениях, природном и культурном наследии, а также о способах их восстановления, присылать в «Архив наследия» свои материалы для публикации. С его выпусками знакомы на Украине, в Армении, Германии, Великобритании, Швеции, Израиле, Китае, Японии.

Наш адрес: **129366. Москва, ул. Космонавтов, д. 2, комната 001.**

Адрес электронной почты: **cdn_nasledie@mail.ru**

*В. Плужников
ноябрь 2016 года*

М.В. БАТШЕВ

ЕВРОПА ГЛАЗАМИ СЛАВЯНОФИЛА

Современная историография уделяет большое внимание истории эмоций. Источниками, позволяющими увидеть и воссоздать эмоциональный мир людей прошлого, являются их письма и дневники. Особый интерес представляют путевые впечатления путешественников, зафиксированные в дорожных дневниках и письмах. Публикуемые письма Д.А. Валуева открывают читателю картину эмоциональных переживаний московского славянофила, испытанных им от знакомства с Европой.

Дмитрий Александрович Валуев родился 14 сентября 1820 г. в Симбирской губернии. Ему не было ещё и года, когда умерла его мать Александра Михайловна Языкова. Про неё писали, что замуж её выдали *«необыкновенно красивой молодой 20-летней девицей»*. Отец, по словам того же мемуариста, хорошо знавшего их семью, был *«морской офицер»*, который отличался *«всею свободою несколько нахальной речи»*¹.

После смерти матери Валуев до 11-летнего возраста воспитывался в доме отца и там отличался особенными стараниями и любовью к чтению. В 1832 г. отец привозит его в Москву и помещает в пансион профессора Павлова. Однокашникам

запомнился сундучок с книгами, который юный Дмитрий привёз с собой из Симбирска. Часть книг в этом сундучке была им уже зачитана почти до дыр. Отношения с однокашниками не складывались, и потому книги из сундучка на первых порах являлись его единственными друзьями. Как пишет его первый биограф, *«Валуев в пансионе был тихим и скромным мальчиком. Кто бы тогда взгляделся в прекрасные черты и цвет его лица, в красоту его больших голубых глаз, и увидел бы в то же время необыкновенную застенчивость, даже неловкость всех его движений, особенно выказывающуюся всякий раз, как его заставляли участвовать в играх, тот угадал бы уже тогда, что для внутренней жизни, не для радостей мирских и внешних, ему суждено было развиваться»*².

В период обучения в пансионе в круг его чтения входят преимущественно произведения французской литературы: *«В какие-нибудь полтора, много два года, перечёл он почти всё, что в ней было нового и сколько-нибудь замечательного, посвящая на это все свободные от классического учения минуты»*³.

Уникальность и внутренняя осмысленность его личности проявляются уже в отроческие годы. В возрасте 15 лет он достаточно чётко представляет себе, чего хочет в жизни. При этом он уже самостоятельно корректирует свою учебную программу. *«Математикой я мало занимался и ещё хорошенько не вникнул в неё; недавно я недели с три был без учителя и наконец принуждён был взять другого»*⁴. Больше внимания уделяет изучению гуманитарных предметов, в первую очередь иностранных языков — как современных, так и древних, которые, по его мнению, позволяют открыть целый мир: *«Греческий у меня довольно хорошо идёт, немецкий я наконец почти совсем одолел, — я теперь кончаю “Карлоса”; какой новый прекрасный мир, который до сих пор мне совсем был закрыт, и когда подумаешь, что передо мной лежит ещё целый Шиллер, целый Гёте непрочитанным...»*⁵.

Благодаря напряжённой учёбе он лучше начинает понимать окружающих: *«Что касается Шевырёва, я и прежде уважал его как поэта и как человека, но теперь я стал лучше узнавать его; с некоторого времени мы как-то стали короче, я следую его советам в отношении к учению, а других он мне не даёт»*⁶. *«Кроме новых языков, в это время он занимался преимущественно изучением языков древних, и не одним уже чтением, но и исследованиями историческими. Более половины второго года по вступлении его в Университет, он вследствие частных обстоятельств должен был провести в Симбирске»*⁷. Его учёба была очень интенсивна: *«Он занимался здесь, как и прежде, читал бездну, изучал Гомера, Виргилия, Нибура, Канта, Бэкона, Русские летописи. К этому времени относится начало многих его сочинений, оконченных и неоконченных, многих предприятий, исполненных и неисполненных»*⁸.

В 1838 г. он переезжает в дом, который снимают его друзья Елагины (из письма А.П. Елагиной: *«Я наняла дом на Арбатской площади, Савича в приходе Чудотворца Тихона, за 3400, но 400 платит племянник Языкова, Валув, который взял отдельных три комнаты внизу»*⁹). Но, живя с друзьями под одним кровом, Валув старается сохранить свою независимость.

Во время учёбы в университете он близко сходитя с профессорами и со своими однокурсниками. Одним из них был знаменитый впоследствии русский историк и философ Константин Дмитриевич Кавелин. У Валуева и Кавелина было много общего. Они были внутренне собранными людьми и хорошо знали, чего хотели. Валув хорошо понимал и разделял, как представляется, слова Кавелина в письме к нему: *«Я твёрдо и несомненно знаю, что на мне лежит священная обязанность следить за собой и избирать наилучший путь, не предоставляя себя на произвол обстоятельств, минуты*

и временных обольщений. Это уже в моей власти более или менее»¹⁰.

В силу своих природных способностей Валуев умел хорошо разбираться в людях. Это видно на примере Кавелина, который по его совету, во время жизни в Петербурге, старательно избегал различные светские мероприятия, посещать которые ему советовали их общие московские друзья. *«Но не могу согласиться на то, что мне будто очень полезно бывать в обществе, хоть изредка. Они не знают меня хорошенько. Ты возьмишь на себя труд, когда увидишь их, объяснить им, что, при моей подозрительности, непостоянстве, мелочности и способности увлекаться, выезды в здешнее общество могут совсем погубить меня. А нам нечего терять времени. Наше дело теперь — работать и над собой, и над истиной в науке, какой бы частью её мы ни занимались»*¹¹. По мнению Кавелина, главным делом жизни для них с Валуевым должна быть наука, а служебные обязанности и светская жизнь этому только мешают: *«Какой успех в службе, какие отличия в обществе, какие связи могут заменить нам то время, которое мы потеряем на выездах и развлечениях»*¹².

Однако сам Валуев построил свою жизнь в Москве несколько по-другому. Будучи мотором и движущей силой издательских проектов славянофильского кружка, он в последние годы своей короткой жизни находился не в кабинетном одиночестве, как Кавелин, а в постоянном общении и контакте с самыми разными людьми. Первый биограф Валуева так описывал его день: *«Едва раскрывал он глаза, как уже начинал распределять свои занятия. Все столы во всех 3-х или 4-х его комнатах постепенно занимались людьми, которые ему помогали в чёрной работе по его изданиям. Кто принимался за переписывание, кто за выписки, за сличение копий каких-нибудь столбцов с подлинниками; другие переводили*

*что-нибудь под его надзором»*¹³. Он не только успевал руководить своими сотрудниками, но и занимался вопросами, связанными с полиграфическим исполнением различных изданий и их распространением: *«Потом являлись корректуры из типографии, приходили наборщики, переплётчики, гравёры, бумагопродавцы, книгопродавцы и пр.»*¹⁴. Но даже при такой нагрузке он находил время для собственных занятий: *«Наконец он уединялся в своей комнате и сосредотачивался над какой-нибудь собственной оригинальной работой и в это время, хоть он и не отказывал своим посетителям, но никогда не отрывался от своего дела и посетителя своего тоже старался занять делом»*¹⁵. На этом его день не заканчивался: *«Около трёх часов он распускал своих домашних сотрудников, приводил в порядок все свои дневные дела, заготавливал множество записок, корректур, посылок и, выезжая, вручал всё это своему служителю для разноски по городу, продолжавшейся иногда до самого вечера. Сам он отправлялся куда-нибудь обедать»*¹⁶. В это время он позволял себе отдохнуть, пообщаться с различными людьми и отвлечься от своих исследований: *«Время обеда было единственное, которое он определял на посещение самых близких ему семейств. Тут он часто играл с детьми, которым был друг и наставник, которые его любили всею душою и для него свободные от уроков минуты с охотою, с радостью, посвящали на заданные им работы, на переписки, сличения, считывания»*¹⁷.

Страсть, с которой Валуев предавался своим издательским проектам, вскоре подорвала его здоровье. Первые симптомы тяжёлой болезни появились в 1842 г. Друзья считали, что он, не долечившись, получил осложнение от простуды. Лечился он гомеопатией, поклонником которой был его родственник А.С. Хомяков. Но она не помогла, и тогда он начал лечить Валуева хиной. Друзья не надеялись, что она поможет, и, пос-

ле долгих уговоров, Валуев, наконец, отправился лечения за границу.

Подробности этого путешествия можно узнать из предлагаемых ниже писем, написанных в 1844 г. Все письма, кроме второго, адресованы Свербеевым.

Однако поездка не принесла выздоровления, и консилиумом московских врачей было решено отправить Валуева на более основательное лечение. А.С. Хомяков предлагал ему отправиться вместо европейских курортов в Крым, считая, что там он вылечится, но ничего не имел против и других мест, отдавая окончательное решение этого вопроса общим друзьям: *«Мой совет ему — Крым, Крым, Крым. Это лучше, ближе и вернее, чем чужие края; там же есть и доктора искусные, особенно брат Арендта, которого очень хвалят, который знает отлично свойства климата и соединяет благороднейшую душу с великим искусством. Как то вы решите на общем совете? Если в Италию, то я очень рад буду знать, что Попов едет с Валуевым. Всего же более желаю скорейшего решения»*¹⁸.

В конце 1845 г., в связи с обострением болезни, было решено вновь ехать на лечение за границу. С ним отправился московский врач М.Г. Своехотов. Он сумел довести Валуева только до Новгорода, где тот скончался 23 ноября 1845 г.

ПИСЬМА Д.А. ВАЛУЕВА ИЗ ЕВРОПЫ

(из фонда семьи Свербеевых, хранящемся в РГАЛИ)

1.

11 июня

Вчера, наконец, я выбрался из Питера и провёл первый день спокоен и доволен. В 4 ч. мы приехали в Кронштадт на большой пароход; время было чудное, море как зеркало, балмачт, десятки распущенных парусов тянулись со всех сторон,

*Д.А. Валуев.
Портрет работы
неизвестного художника*

*Д.Н. Свербеев.
Фотография*

солнце заходило в море; я взял ялик и катался в гавани и во-круг; всё было ново мне и истинно прекрасно, т.е. такое новое, какого не вообразишь наперёд, чтобы после увидеть что-то далеко не подходящее к своей мечте, как то было со всем, что видел в Питере. Меня радовал сам пароход и каюта, и даже койка, ящик для сна, в который с трудом влезешь, я рад был даже ему, мне казалось чем-то фантастическим и пр. Но всё это фантастическое обратилось скоро в весьма неприятную действительность. В 8 часов я проснулся с чувством, которое не скоро понял, пока не стало рвать и пр. С 8 до 3 я валялся то там и сям, счастлив ещё, что в промежутках всё время спал, как убитый, тогда не поверите, какое чувство от-вращения получил я к пароходу, на который вчера я смотрел с такою любовью. К вечеру время стало лучше, да, вероятно, и я обвыкся, так что теперь пишу Вам, — сначала я нашёл себе тихий уголок, но пошёл дождик, и теперь продолжаю писать Вам среди 15 человек, говорящих на разных языках, поэтому не будьте строги к моему посланию. Слышал между пр. след. похвалу Москве, хотя и безосновательную: она скучна, *on ne peut y faire la cour a moins de se marier*¹⁹, и вообще утешь-те Акс[акова]: сколько ни слыхал я иностранцев, все находят Москву лучше. Ещё забыл Вам написать об Русалке Мольера, сначала, признаюсь, я и не заметил её, но пошёл в другой раз; вероятно, Попов²⁰ судил по своим ногам, забывая свой рост, если не заметил, что предмет его долгого восхищения корот-коножка, в составе всей картины, в обороте головы, глазах есть затейливость и истина, но вся она слишком желта и телесна для русалки, это Лешая, жена Лешего, а не русалка. Ундина — это существо холодное, но не студёное. Сегодня по-года довольно хороша, но ветер всё время противный, мне надо было большое усилие над собой, чтобы не отдаться грусти и хандре, слава Богу, что есть ещё довольно сил в себе, чтобы были возможны усилия. Мысль об ... меня укрепила и застави-

ла стыдиться своей слабости. Сегодня я до 3 ч. спал на палубе, потом пошёл в каюту и видел во сне всё Вас, Kitty, — сон был страшный, но, благодаря Богу, хорошо кончился, а вина была вся Ал. Ст.²¹ (из чего-то, за что мы с ним ссоримся), и как он был жалок. Как счастлив я буду, когда получу Ваши письма.

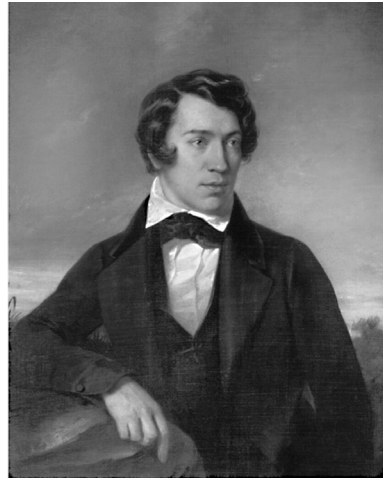
13. Вчера вечером, наконец, я увидел море во всём его великолепии, солнце садилось, и ни одной струйки, потом звёзды, и тоже тишина и зеркальность, лишь стук парохода и дым, который вылетал клубами и стлался за нами длинной чёрной полосой. Это стоило всех видов Невы Петерб[урга], и в первый раз пожалел от души, что Вас нет с нами. Вчера вечером и сегодня я впервые разговаривал с незнакомыми, но со своими разноязычными спутниками. Были всякие толки и о нашем дворянстве, и Церкви. Мне впервые случилось встретиться с понятиями совершенно дикими, неуклюжими и пр. И тут я не раз пожалел, что нет Ал. Ст., какую бы он кашу заварил и как бы мастерски раздражил представителей всяких народов. Один американец очень обиделся, увидав у меня на романе Купера (*Admirals*)²² *Collection of British thors*. После моих толков с французами со мной познакомились какие-то 2 Русские Кожин и Зазецкий Московский и участник в обеде Листу²³. Я очень хорошо покуда разыгрываю всякие роли и, кажись, не высказываю своей игрой натуры.

14/26. Как будто нарочно на прощанье море нас снова попотчевало, встать снова на твёрдую землю было невыразимо отрадно, на берегу первая встреча была великолепная — вишни, которых наелся вдоволь.

2.

В Москву, Екатерине Михайловне Хомяковой, на Кузнецком мосту д. Хомякова²⁴.

10 ч. вечера.

Хомяков А.С.
Автопортрет

На дороге мы узнали, что едем в Любек²⁵ в смутное время. Вчера 3-го дня продолжалась какая-то бутербродная revolution, т.е. разбили стёкла, фонари у каких-то сенаторов, покричали и разошлись. В самом Любеке везде прибиты увещательные афиши и ходят патрули; сейчас я пил чай на балконе какой-то гостиницы, столпилось несколько человек, немки в растопыренных чепцах выбежали тотчас: «da ist es! Was ist denn das?» А они с предовой миной отвечали мне: «Wir sind jetzt im Aufruhr»²⁶, или ещё можно: «Хорош чепешный Aufruhr!» Я до сих пор не привык без смеха смотреть на выстроенные фигуры немок в их чепцах, с корзинкой, метлой и пр., а между тем нельзя не отдать справедливости, народ предобный, что ни спросишь, укажут, проводят и пр., и с какой охотой. Какая разница с немецкими русскими Питера, где ничего не добиться. Меня поразил Любек, не выдавши не поймёшь немецкого города, а между тем, как только увидел, убедился, что Славянский Любоч, без шуток, форм всех домов каменная изба, и мне тотчас живо напомнило село Лысково возле Нижнего; серьёзно, улицы сплошных изб и ряды крыш

совершенно напоминают. Особливо я помню одну, где видно, по какому-то инстинкту, тамошние мужики выстроились такими же каменными избами, только не достаёт черепиц. Смотрел здания церкви, выбелены внутри, а потому всё испорчено, но славная картина Овербака «Вербное»²⁷; вот образ и ученика Дюрера²⁸. В первый раз понял я, как фигуры выходят из полотна, а за ней Мольер.

16. Вчера приехал в Гамбург, был дождик и порядочно, ничего не видал. Вообще там дурно ещё умею распоряжаться временем, и это преглупо, и предосадно всё идёт. Сегодня хочу в 8 ч. в Магдебург на пароход по Эльбе, впрочем, ещё не знаю, решился ехать через Лейпциг и побывать в Дрездене, будет чем душу отвести. Спрашивал везде, и писем нет. Ещё одно авось. Прощайте. Целую Вас, маму, Митю, всем вам поклон. Ал. Ст. работает ли? Ваш Д.В.

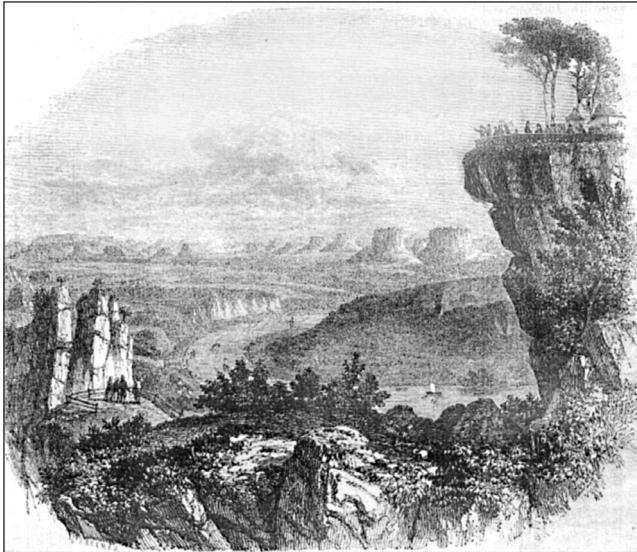
Время идёт невыразимо долго, а всего 2 недели как из Москвы, но столько разного громоздится в памяти, что кажутся месяцы. Не знаю, впереди свыкнусь ли с таким житьём, но куда не похоже на это. Иду осматривать город с Sohntiener. Сообщите письмо, если стóбит оно и кому интересно.

3.

Письмо Валуева Д.А. к Свербеевой Е.А.

Как я выжидал Франкфурт, как под конец спешил в него, с какою радостью побежал сегодня на почту и воротился ни с чем. В первый раз почувствовал сердечную острую боль по родном, казалось, не знаю, что бы отдал за минуту со своими, впрочем, теперь я бодр и свеж духом, не то что в первые дни меня одолевала тяжкая, тупая тоска, лишившая всяких нравственных сил, и мне стоило больших усилий, чтобы победить себя, но, кажется, слава Богу, успел. Я было начал писать Вам в таком расположении на пароходе в Магдебург и бросил, думал

дождаться Вашего письма и не дождался. Впрочем, мне много помог Дрезден, чтобы уравновесить себя и помириться с собой и настоящим. В Мадонне Раф[аэля] я впервые понял искусство, а в Сакс. Швейцарии²⁹ начал понимать природу. Мадонна для меня заслонила всё остальное, и одно осталось во мне: стыдно сказать, и особенно Дмитрию Николаевичу³⁰, первые два раза, как я подходил к ней, я не мог удержаться от слёз и просто плакал, должен был уйти и спрятаться за окошко. Это мечта женщины и матери в её божественности, мечта, которую поймёшь, только увидав Рафаэля, на неё можно молиться и поставить в церковь. В Сакс. Швейцарии я бегал по сторонам и с горы на гору, как ребёнок в радости, что сорвался со школьной лавки, и в истинной радости своих приливших сил; Вы её знаете, и Вам нечего повторять, сколько прекрасного

Саксонская Швейцария

в этой прогулке, несмотря даже на то, что последние 2 полдня шёл проливной дождик. Оное путешествие совершалось с неким Г. Засецким, с которым познакомился на пароходе (он знает Дм. Н.), и его сестрой, м-ль или м-м, с которой он меня познакомил в Дрездене: на первый раз я был рад товариществу. Между прочим, от неё я узнал, что Тургенев³¹ в Мариенбаде³², куда тотчас с большой радостью отправил Ваше послание с приложением своего в общую защиту Москвы и ходатайства за неё; до сих пор — разве увижу Рим, найду город лучше её, а то уверен наперёд, что нет. Немецкие города, кроме Дрездена, безобразны, или, как Питер, выделанная виньетка, а не картина с её смыслом и душой, вложенной художником. Перечтите Гоголя об Риме³³, я прочёл его и, кажется, впервые порядочно, по дороге в Лейпциг, и ещё раз преклонился перед Гоголем. Дорогой я не раз с досадой вспоминал Ваши нападки на неё, особенно когда слышал единогласные похвалы иностранцев, бывших в ней, и странно, чего сам не ждал, даже для всех мелких удобств и приятностей жизни, они все без исключения отдавали преимущество перед Питером. Некоторые из предсказаний Дм. Ник. со мной уже сбылись, — так, я успел не только наделать знакомств, но даже почти подружиться с одним Швейцарским д-ром математики и пр. д-ром Шини, если только может быть трёхдневная дружба и в встречах на лету. Я кое-как взобрался на один довольно опасный утёс, где он преспокойно лежал (в Сакс. Швейцарии), и он с таким участием спросил у меня — что я не мог после без особенного чувства смотреть на его славное открытое лицо. Мы встречались раз 5 в странствиях, успели несколько высказаться друг другу (сколько мне позволил проклятый немец) в надеждах молодости на мечтательное лучшее и расстались с обещаниями на будущие свидания и пр. Мне он надолго останется светлым воспоминанием. Жаль, что ваше письмо, Дмитрий Николаевич, к декану в Гамбург мне только дало узнать, что он, бедный, давно уже умер, сын тоже,

и остались 2 дочери. Зато ко мне являлся в Гамб. какой-то общипанный племянник Шлёцера³⁴, который всё тащил у меня несколько рублей за какую-то свою книжку.

Кноп мне тоже велел морские ванны только в океане, и посему Брейтон³⁵ 3 часа езды от Лондона, как сегодня узнал, и поэтому, думаю, слушаюсь его. Писем опять нет, пишите мне в Лондон, если соберётесь не позже 5-го нашего сентября, а то в Париж. Скучно даже писать всё о себе. Как все вы в вашем Солнышкове? Не раз я вспоминал, сегодня всё видел во сне, что едем со всеми вами на пароходе, только Дм. Никол. никак не хотел взять с собой Николеньку. Каково идёт наше печатанье, Дмитрий Николаевич? Предисловие, столбцы и пр., напишите, пожалуйста, и утешительно. Вы были главной причиной моего отправления, и не заставьте ещё больше раскаиваться, чем сколько буду, вероятно, при всей пользе, которую мне принесёт моё странствие! Помните меня и не поминайте лихом всего вашего Д. Валуева.

Простите мне, что послание сборное, времени совсем нет. Хоть Вы вздумайте поскорее написать ко мне, Николай Дмитриевич. Как идут ваши верховые поездки? Я не раз вспоминал Вас и вашу белую лошадку, когда в Сакс. Швейцарии ехал верхом; ноги доставали до земли, уздечка у меня на шее и в руках зонтик, фигура была потешная. Передайте моё почтение вашим почтенным сестрицам.

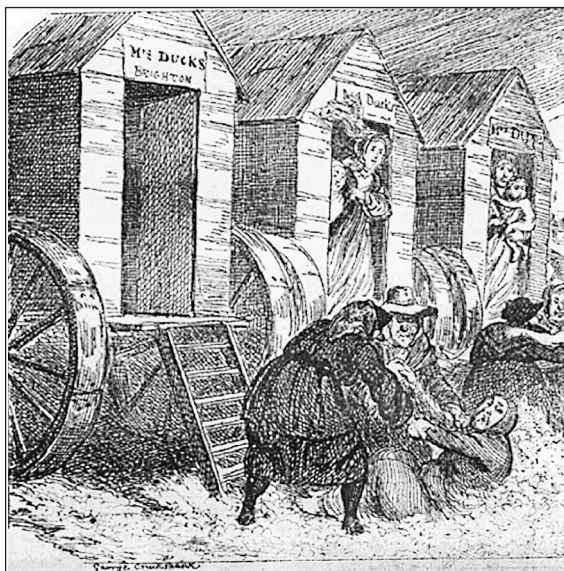
Ваш Д.В.

4.

Катерине Александровне
Свербеевой
На Тверской бульвар
Дом Ухтомского

Брейтон 3 сен/ 21 авг

3-го дня воротился сюда — место моего лекарственного

Купание в Брейтоне

пребывания. Из Лондона поездка моя была недаром — наконец нашёл письмо с родины, и стало легче и веселее на душе, я только что не запрыгал от радости; но вместе с тем не прощу Хом[яковых], что не собрались написать прежде, несмотря на все обещания; они могли рассчитать, что письмо, писанное 3 недели спустя, не застанет меня уже в Франкфурте, а я ещё промедлил лишнюю неделю в Дрездене. Спасибо секретарю во Франкфурте, что переслал сюда. И от скольких тяжёлых дней я был бы избавлен... Сущность же писем, и именно от Вас, меня мало порадовала, Вы опять больны и больны серьёзно, это совсем не весело. Дай Бог, чтобы всё было к лучшему. Одно утешительно — Вы взяли Иноземцева³⁶, я в него верю и особенно в деле серьёзном. Благодарю Вас за приписку и жду письма; рассчитывая по 20 здешнее ок-

тября, пишите мне в Париж, по конец ноября — Прагу, а декабрь — Берлин. Этот план не изменится, если буду только жив и здоров. Между Парижем и Прагой буду ли в Италии, как и где, не знаю, но Алекс. Ив. мне переишлёт письмо. Я в надежде и уповании на Вас — она не обманет. Прав ли я... Сейчас воротился с прогулки или, справедливее, скачки верхом по белым берегам здеишего океана; спасибо ему — он меня свежит и крепит не только телесно. Проскакал вёрст 10 в час и воротился весь усталый. Вспоминаю Солнышиково, Николеньку³⁷ и берега родной Волги, в своём bavrding house, в компании 4 старух, 2 spinslers и одной девочки, дочери одной из old ladies; вообразите мою фигуру в этом обществе, сперва мне было предико, но теперь полюбил своё положение за самую странность его и даже не знаю, изменю ли, пока здесь, хотя сначала твёрдо на то решился, несмотря на свою ненависть к переменам такого рода. Не знаю, за что Вы так недовольны моим письмом из Петерб. и чему было так возрадоваться Аксакову³⁸. Пишите, пожалуйста, о себе и всех Ваших, всем мои низкие поклоны и почтения. М-ll Jenty Николеньки и пр. Здесь пробуду ещё дней 10, а там в Лондон работать в Музее. Завтра сюда ждут королеву после свидания с Jouis Pilippe. Мои англичанки об том и думают, чтобы посмотреть на неё или на её babies, видно везде то же. Моя хозяйка заболела, старухи выбывают из нашей компании, остаются одни spinsters, я переселяюсь. Простите и помните Вашего всего Д. Валуева.

Спасибо Вам большое и поклон пренизкий, Дмитрий Николаевич, за письмо к т-те de (или может le), след., за него самого и всё, чем я обязан ему. Без него мне было бы много труднее здесь. Прочитав Ваше письмо, узнав, что Вы живы, здоровы, и сказав, что он Вам многим будет обязан, он со всюю аккуратностью немца принялся исполнять долг свой — быть моим покровителем, наставником и проч., устроил меня в barad

hause³⁹, которым я очень доволен, расписал мне всё, что надо видеть, не дожидаясь моей просьбы, присылал мне все нужные и сам отвёз меня к портному, чтобы сделать мою особу совершенно gentelemenlike, что у него особенно лежало на душе. Вообще я для него предмет службы долга, как и всякий другой — черта немца вполне и истинно почтенная. Его отношения ко мне чисто отеческие, но я принимаю их со всею покорностью и истинной благодарностью; одному только не покорюсь: чтобы я стал учиться танцевать в Брейтоне, хотя он и не раз настаивал. А вместе с этим, увы, мне пишут из М., что без меня все мои печатанья почти остановились. Что же Вы, Дмитрий Николаевич, Ваша дружба ко мне и любовь к науке? Теперь издали, пораздумав, я увидал, что во многом был ветренен, но надеюсь, авось, и Вы можете надеяться за меня, что исправлюсь и в будущем буду как следует. Мне пишут, что Синб. Сборн.⁴⁰ остановили печатаньем до Вашего переезда в город. Неужели так? Грановский⁴¹, Погодин⁴², который тоже взялся за кое-что перед отъездом, — тоже изменяют. Плохая будущность. Ещё причиной больше домой, скорее домой. — Простите, любите и помните.

5.

Брейтон 8 сент.

Вчера переселился в другой Board-Hause и сбежал от первого, который стал наполняться всё более юнейшими барынями. Здесь компания огромная барынь и мусье, старых и молодых вдовок, с мусье уже разговорился. Благодаря этой перемене я обрёл тоже чудное купанье, далеко в море всё ровно и мягкий песок, когда прежде барахтался у берега и по острым камням. Я счастлив — всё это время погода чудная. Приехал в Англию в глупое время, даже лекции не начнутся до 1/2 октября. Здесь мне пришлось, как последнему пришедшему, сидеть против хозяйки на другом конце стола и раздавать

кушанье на всю честную компанию. 16-го я воротился в Лондон, не знаю, сделало ли мне пользу морское купанье, впрочем я, кажется, свежее, но продолжать не следовало; притом Брейтон мне становится несносен; всё это время колебался между разными решениями — поездки в Иркутск, Ливерпуль или к Лондону и, кажется, решил не ездить никуда — пустая трата времени и денег.

19\7 Лондон. Третьего дня ездил в Hampton Court⁴³ на пароходе по Темзе, в верховьях 2 аришина глубины и пароход. Множество второклассных картин великих мастеров, картины Рафаэля, славный Мурильо⁴⁴ (мальчик с персиками) и Микельанджело особенно остались в памяти. Кажется, довольно ясно могу теперь распознать, чья картина, — был с англичан., хоть бы перед чем остановится, разве позевает над какой-нибудь моделью или штофом мебели.

Вчера был в Виндзоре⁴⁵; в первый раз видел Средние века перед собою, но внутренность дворца совсем не так велико-

Дворец Виндзор

лепна, как ожидал. Зато совсем неожиданно, после длинного ряда позолоченных стен, явились стены с картинами, и много нудных — мадонны Андреа Сорта⁴⁶, Рубенсов, целая комната Вандиков⁴⁷ и Гверчины⁴⁸, его Пётр и Матвей, особенно помнится и мадонна некоего Моратти, очень напоминающая Гвидо и поражающая чистотой образа... Но всё невольно перемишивается в памяти, когда одна картина не заслоняет собой всего другого, как Дрезд[енская] Мадонна. Я сохраняю на память все каталоги и пр. и часть уже отправил вчера вместе с книгами для Вас и кучей брошюр богословских — проповеди Бугея (27-я тысяча) и пр. Славная вещь в Виндзоре, если и не полная в целом, — памятник над Шарлоттой — женой короля Бельг[ии] Wyatt, воротившись в свой Boarding House, я нашёл одного мусье, который был этим летом в Гаштейне⁴⁹ и рассказывал мне про молчаливого русского поэта, который был в одно время с ним. Так неожиданно было мне получить весточку об Вашем Никол. М.⁵⁰, который, вероятно, теперь уже с Вами. Был сегодня в галерее какого-то англ. sir и видел Мадонну Мурильо чудную — после Мадонны Рафаэля я ничего не видел лучше, стройнее и глубже во всём создании; с трудом расстался, но, кажется, не забуду и не расстанусь в памяти. 2 раза был в Маргарет — chapel⁵¹, где служба каждый день, соблюдают все праздники и пр., и об которой англичане говорят, что Papist. Я же был с иным чувством и ещё не раз буду.

25. Вчера в 1-й раз с тех пор, как оставил родину, был до обедни; давно не было так отрадно на душе, и я молился, как давно не молился. Не поверите, как больно, что от Вас нет писем, и как одиноко на душе, что Вы меня так мало помните. Послезавтра еду отсюда, и от Вас ни строчки в Лонд[он].

29. Гавр. Накануне отъезда из Лондона и в день моего рожденья я получил лучший подарок, который когда-либо мог получить: письмо от Вас, Kitty, которое меня сделало счаст-

ливым, как давно не был, — такой полной радости я почти не запомню. Но вместе оно заставило меня краснеть за себя и глубоко почувствовать, какой я негодный малый и как мало во мне веры, даже за то, что всего дороже и чем Бог наградил меня. Поверите ли, неполучение писем от Вас и Ваше письмо из Франкфурта почти совсем разорвало с Вами, я не мог думать об вас и уже привыкал к этому отчуждению — простите ли Вы меня? Я уже написал в Гамб[ургский] почтампт, чтобы переслали письма в Париж. Как же Вам было не сказать мне об этих письмах в следующих? Напишу также в Дрезден, но из приписки Кат. Ал.⁵² к Вашему Франкфурт. письму тоже мало видно, чтобы она ко мне писала прежде, и зачем в Дрезден? На вторник я нарочно остался в Лонд[оне], чтобы быть у обедни и отслужить молебен, — Вы должны быть довольны. Теперь, кажется, оправился и даже потолстел. Сегодня пятница, и с нынешнего дня начинаю соблюдать сред[ы] и пятн[ицы], надеюсь, что этим будете ещё довольнее. Англию оставил без особого сожаления, англичане во многом пренеприятный народ, и весело было вступить на весёлую французскую землю. Я отправился из Лондона через Портсмут, откуда, кажется, никто не отправляется кроме особой необходимости, и должен был с двумя гребцами и в маленькой лодочке среди моря выжидать парохода, чтобы меня принял. День был бурный и ливень, но к счастью ночь чудная, звёзды так и горели, а море — как зеркало; мы подавали знаки пароходу фонарём. По крайней мер, прощанье с Англией было самое поэтическое, а я, кажется, не вспомнил 2-го Nachtzweck.

6.

Дрезден

28/15 Декабря

Наконец после долгих выжиданий получил Ваши письма, но где же — в Берлине и через три месяца, видно, того хо-

тела моя недобрая звезда. Они бы избавили меня от многих глупо тяжёлых часов и предали бодрость моей избалованной натуре, но прошлого не воротишь. Зато теперь я лучше понял истину Ваших слов, чем бы мог понять прежде, ещё обаянный Москвой, и от всей души поблагодарил судьбу за Вашу дружбу, прямую и не потворствующую. Сберегите же мне её, будьте строги, авось и я не изменю ей, как Вам не изменил ваш старый товарищ немец. Его доброты или дружбы к вам я имею ещё новое доказательство в том, что получил Ваши письма к моему несчастью, я воротился из Брейтона и уже не застал его в Лондоне (он ездил по делам в Польшу), и потому уехал из Англии, даже не видевшись с ним, и вдруг получаю от него письмо, где извещает о письмах, спрашивает куда отсылать и пр. Такого внимания (и среди посольских хлопот по угощению М.П.) я не ожидал, право, и оно меня живо тронуло. Ваша правда, у него можно научиться исполнять долг к ближнему, чему не всегда научитесь и в Моск., любовь к своим ближним. Жаль очень, что не получил Вашего письма из Лондона, я бы ему передал, что пишете об нём, ему верно было бы весело слышать. Глупо сделал, что не послушался Вашего совета не ездить в Париж, он меня утомил ужасно, а видеть почти ничего не видал. О другом Вашем добром совете — остаться дольше и не спешить возвращением — 2 месяца тому назад я бы не мог подумать без ужаса, а теперь почти готов был бы ему последовать (если бы только было можно). С удовольствием и пользой остался бы до весны в Берлине слушать Шеллинга⁵³ и других знаменитостей, вчитываться и вглядываться в Германию, но действительно нельзя, дело не в успехе литер[атурных] предприятий, а было бы с моей стороны вследствие иных. По многому, бессовестно не возвращаться в срок, тут дела и денежные, и пр., передать же их решительно нельзя, да и никто на себя не возьмёт. Правда, что я теперь возвращаюсь, когда только теперь мог бы начать

пользоваться и наслаждаться как следует путешествием. Но Бог даст до другого разу. Теперь только начал свыкаться с другою жизнью и выходить из тепличной атмосферы, которою жил в Москве, очень весело слышать, что Вы пишете об Ник. М., авось он освежится между Вами и станет добрее. Здешний д-р Амон Германская знаменитость и который лечил его, пока он был в Дрездене, расспрашивал меня об нём с большим участием и всё твердил, что его болезнь столько же, если ещё не больше, нравственная, чем физическая. Англ. сплин и caisser aller и совершенное отсутствие уверенности в свои силы, что ему необходимы жена или друг, которые бы держали его постоянно и не давали опускаться. Прав ли он? И во сколько, Бог весть, но, как бы то ни было, Вы могли бы быть ему полезны с этой стороны, а чувствительная дружба, о которой Вы пишете, бесспорно, может только вредить, и я понимаю вашу досаду. Авось и ваша досада на Ал. М.⁵⁴ и твёрдое намерение принесёт свои добрые плоды, и Вы настоите насчёт детей. В январе мы съедемся, Нат. Ал.⁵⁵ не будет, и Вы непременно успеете, только надо воспользоваться этим временем. Если решитесь на что-нибудь и будете искать гувернёра, то напишите в Питер. Может быть, мне удастся найти, их там больше, чем в М. Приношу Вам мою глубочайшую благодарность за Разряд[ную] Книгу; а что наделал много вздору, теперь сам ясно вижу, и придётся испулять его в будущем.

В Берлине я ещё застал две недели лекции и впервые понял всё великое значение Герм. науки и Университета, только к великой досаде Шеллинг всё ленится и wegen какого-то Gesichtsübel весь семестр не читал. Следовало бы с концом лекций ехать на родину, но мы решили с Елаг.⁵⁶ прежде съездить в Дрезд. проститься с Герм. Слушали на Рождество капеллу в Церкви Кат. Дрезд. театр и галерея ... всего этого у нас долго не услышишь и не увидишь. Здесь я через Ермолову по-

знакомился тоже со многими немцами, был на их вечерах и пр. Весело видеть образованную простоту их жизни, и вместе такого доброго, услужливого народа почти нигде не встречал. Скажите, пожалуйста, Ник. Мих., что в Берл. посольстве 2 раза спрашивал об его посылке; искали и ничего не нашли. Проездом через Берлин ещё понаведаюсь. Здесь встретил сновца Вигеля⁵⁷, в Париже он не ужился и возвращается на житьё в Москву, говорит, что стал бы отвечать Кюстину⁵⁸, но что ему нужны томы, чтобы вылить всю свою желчь, а то боится только расшевелить её. Простите покуда, до скорого свидания. Как не говорил себе, что рад был бы остаться хоть ещё на чужбине, а не поверите, как отрадно подумать, что скоро буду с Вами, на месте, и за своими книгами.

Весь Ваш Д. Валув.

Простите безладницу моего письма, как-то писалось ужасно туго.

7.

29/14 декабря

Я уже знал от Хом. и Яз., что Вам лучше, но получить уверение от Вас самих и Ваших было тем отраднее; берегите себя, ибо Вы себе не принадлежите — милость божья вознаграждает Вас в Ваших надеждах за Ваши потери; переживать их, я знаю, Вам труднее, чем многим, но уметь чувствовать глубоко и даже горе, если не даны радости, тоже благодать неба, и которая даётся не всем. Ваше письмо было для меня великою радостью, а Ваше первое письмо — больше чем радостью; не раз я его перечитывал и тогда живо почувствовал, скольким Господь ещё благословил меня в жизни; но достоин ли я такого участия в моём существовании и такой дружбы? И не слишком ли большую кладёте на меня ответственность? Вы меня всё-таки переоцениваете. Письмо это было мне тем дорожее, что, признаюсь Вам, не получив ответа на своё моск.

послание, мне было с Вами всё это время как бы неловко, как всегда бывает, когда что-нибудь остаётся недосказанным. От этого и писалось к Вам меньше, чем следовало; а не раз хотелось Вам многое высказать; в Праге я было начал писать Вам новый ответ на Ваше последнее письмо в М. (которое меня нигде не оставляло), теперь было собрался много писать о себе, но оба раза остановили мысли, что грешно и против совести занимать Вас собою и своими мелкими нравственными болезнями среди Вашего святого горя. Скажу только, что этому письму я обязан святым благотворным чувством, которое меня долго не оставит, — убеждением в полную прямоту и настоящую истину Вашей дружбы, что в Вас всегда найду защиту против самого себя, всего, что во мне ещё молодое, себя обманывает и увлекается, — и ещё, что теперь ясно вижу себя, как Вы меня давно видели; но много уже нет, что было, так и этой излишней веры в себя, в которой Вы меня поделом упрекали так же, как и в недостатке самолюбия; *l'ans ce trap de fai en soi ce n'est que l'argueil qui ote l'amour proper ou paus la cache sous le mepris pour autrui* и всё это весьма сродни с тем положительным презрением к народ. и индивид., которому научают отвлечённые теории, о чём поминает мне Дм. Ник. Всё оное я теперь ясно увидал, потому что сам в себе много разочаровался. Как вспомню Москву, мне кажется, что я был в ином мире, в каком-то странном очарованном кругу, — но когда раз вышел из него и стал глаз на глаз с собой, среди Божьего мира на все 4 стороны, как вдруг стало распадаться одно за другим всё, на чём, казалось, стоял так крепко, и мучительная тяжёлая внутренняя работа заменила прежнее Московское благополучие и может быть преступный душевный комфорт. От этого первые месяцы моего странствия мне были невыносимо несносны, тоска по М. доходила до настоящего *tal du pays* и не давала минуты покоя. Только Италия помирила меня с Божиим миром, а с Венец. я уже про-

щался только что не со слезами на глазах. Теперь же вижу, что доселе жил, как ребёнок ходит на помочах — у всего окружающего, и вдруг очутиться без них, может быть, и было самое тяжёлое, хотя и не понимал этого. Что же касается до излишнего патриотизма и православия — сам ещё не знаю, как и в какой мере уложился во мне Запад с Востоком, — разумеется, что все основные убеждения остались те же, но взгляд и понятие во многом изменились; пойму ясно, когда спокойно оглянусь на себя с родины. Не хотел писать о себе, а намарал 3 страницы, простите. Ещё 3 дня здесь, дня 3 в Берлине, столько же в шумном Питере, а там дорогая родная Москва, которая, как Вы ни браните её и как сам я во многом ни объевропился, может быть, стала мне ещё дороже. Благодарю Вас за Вашу добрую заботливость обо мне; письмо к Miss Porter досадно очень, что не получил в Лонд., теперь привезу его назад собой, — выбирал по назначению M-lle Jenty — поблагодарите её очень за письмо, и да простит, что не отвечаю сам; у Miss Frey был, но её не видал, она была, бедная, очень больна и теперь ещё в том же положении, что читал в газетах. Сочинения Kemredu куплю — они все стоят 5 талеров здесь. Весело слышать, что Ваш Николенька Вас так радует; Ник. Мих. мне пишет: «Таким, думаю, был отроком Гектор» — и он Ваших надежд не обманет. Какое доброе дело, что Вы взяли Иноземцева, с ним можно быть покойну за Вас, — поклонитесь ему от меня. Здесь я со своими, со Стаховичем⁵⁹ и Елаг., — с последним доедем вместе до Москвы. В чужие края, Бог даст, через два-три года непременно ворочусь, всё, что видел наскоро и кое-как, лишь побудило во мне любопытство узнать тоже порядочно, а до тех пор буду работать, сколько есть во мне сил, — и авось что-нибудь сделаю порядочное; — в Париже, Берлине и здесь продолжал работать над начатым в Лондоне. Простите покуда — до скорого счастливого свидания; —

в Питере побываю у кн. Одоевского и, если можно, у кн. Вяземского. Теперь, когда видел Евр[опу], невольно отдаёшь справедливость и Пит[еру] — нечего сказать — красавец город.

Весь Ваш Д. Валуев.

Мой низкий поклон Кат. и Варв.⁶⁰ Дм., если меня ещё не забыли. Благодарю Вас, Николенька, за известие о брате. Я и без Вашего напоминания вспомнил стихи Хом[якова] и в первые дни, глядя на маститый, чудный Лондон, говорил себе: «Нет, рано ещё тебе пророчить гибель», — но после пришло и раздумье. Спасибо, что не забыли меня.

Данная публикация подготовлена на материалах фонда семьи Свербеевых, хранящемся в РГАЛИ. В Ф. 472 отложились два дела — 624 и 624а. В деле 624 — оригиналы писем Д.А. Валуева, написанных им в 1842–1844 гг. Они в основном содержат впечатления Валуева от путешествий. В деле 624а хранятся два экземпляра машинописных копий писем из дела 624, подготовленные к печати в начале 20 в. князем Н.В. Голицыным.

Всего в деле 624 пятнадцать писем. Два письма написаны на почтовой бумаге с литерами Д.В. Одно письмо написано на почтовой бумаге, содержащей не инициалы автора письма, а филигрань производителя — в виде короны. Письма из-за границы написаны на бумаге с другими филигранями.

Все письма написаны карандашом. Слова на иностранных языках, встречающиеся в тексте писем, в ряде случаев подчеркнуты красным карандашом, что, вероятно, сделано было предшествовавшим исследователем, который подготовил машинописную копию писем. Эти подчёркивания перенесены и в этот текст.

Публикуемые письма, представленные на лл. 2–3 и 11–21, написаны из поездки автора на лечение в Европу в 1844 г.

По ним можно проследить маршрут его европейского путешествия, которое до настоящего момента не привлекало внимания авторов биографии Д.А. Валуева. Все письма, кроме первого, адресованы Свербеевым.

Остальные письма, находящиеся в этом деле, написаны Д.А. Валуевым во время его поездки в Симбирск в 1843 г., пребывания в Москве и также адресованы в подмосковное имение Свербеевых Солнышково.

Дмитрий Николаевич Свербеев, который фигурирует в том или ином качестве в большинстве публикуемых писем Валуева, был незаурядным человеком. Родившийся в 1799 г., он в начале 1820-х гг. успел послужить при российском посольстве в Швейцарии, много ездил по Европе и хорошо ориентировался в тонкостях политической и культурной жизни Старого Света того времени. С начала 1830-х гг. он жил в Москве, и в его доме функционировал один из знаменитых московских литературных салонов того времени, частым гостем которого в годы учёбы был и Валуев. Кроме этого их связывали ещё и родственные узы. Свербеев оказал большое влияние на развитие личности Валуева.

Примечания

1. *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М., 2014. С. 154.
2. *Панов В.А.* Биография Д.А. Валуева // Русский Архив, 1899. Т. III. С. 130.
3. Там же. С. 131.
4. Письмо Д.А. Валуева И.В. Киреевскому // Татевский сборник С.А. Рочинского. СПб., 1899. С. 103.
5. Там же.
6. Там же. С. 102.
7. *Панов В.А.* Указ. соч. С. 131.
8. Там же.

9. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. М., 2009. С. 443.
10. Письма К.Д. Кавелина к Д.А. Валугеву // Русский Архив, 1900. Т. 1. С. 571.
11. Там же. С. 584.
12. Там же.
13. Панов В.А. Указ. соч. С. 135.
14. Там же. С. 136.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. VIII. С. 110.
19. Здесь невозможно ухаживать, если только вы не собираетесь жениться (пер. с фр. Г.А. Леоновой).
20. Попов А.Н. (1821–1877), русский историк, славянофил, входил в Московский кружок славянофилов.
21. Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), поэт, философ, публицист.
22. «Admirals», роман Фенимора Купера «Два адмирала» (1842) о войне на море между Англией и Францией в середине 18 в.
23. Московские гастролы Ференца Листа в 1843 г. были вторым его посещением России. Его выступление в Москве произвело на современников очень сильное впечатление. Один из посетителей концерта так описал свои впечатления от услышанного и увиденного: *«Лист превосходит всех в мире пианистов в тайне проникать в душу истинных знатоков, восхищая их слух. Он преобразил фортепиано или, говоря правильнее, создал какой-то новый инструмент, которым, по воле, трогает, пленяет или поражает. Он производит действие, как, казалось бы, должен возбуждать один только человеческий голос»*. («Москвитянин», 1843. Ч. III. № 5). Благодарная московская публика дала в честь композитора торжественный обед, который так описывал один из его участников: *«Приготовлен был мастерской рукой извест-*

ного Власа, который был некогда поваром у дяди нашего славного Пушкина... Равнодушно внимал Лист известным увертюрам, которые разыгрывает сам лучшие всех оркестров в мире; но когда раздалась русские песни, он весь превратился во внимание, бил такт, вторил им жестами. “Не белы снега” показались ему слишком печальны, но зато плясовая песня мешала ему спокойно сидеть на стуле. Музыкальная натура его сказывалась при каждом новом звуке. Но вот явился чуть не трёххаришный и не трёхпудовой осетр, который нес- ли несколько человек: он отвлек внимание от звуков. Для Листа было ново такое зрелище. Он рукоплескал осетру; все за ним повторили рукоплескание, и оно было так живо, так одушевлённо, что худож- ник-повар, выступавший на сцену за своим колоссальным блюдом, вы- нужден был раскланиваться на все стороны вместо бесчувственного осетра». («Москвитянин», 1843. Ч. III. № 5).

24. Теперь д. 6/3.

25. Город на севере Германии. В описываемое время там про- исходили волнения.

26. Мы в смятении (нем.).

27. Овербек (Овербак) Иоганн Фридрих (1789–1869), немецкий художник, глава художественного течения назарейцев. В письме име- ется в виду написанный им для церкви Св. Марии в Любеке «Вход в Иерусалим».

28. Дюрер Альбрехт (1471–1528), немецкий художник, один из величайших живописцев эпохи Ренессанса.

29. Саксонская Швейцария — горный массив, который находится недалеко от Дрездена, в верхнем течении р. Эльба.

30. Свербеев Дмитрий Николаевич (родственник Валуева и адре- сат его писем), который так пишет о своём впечатлении от увиденной Мадонны Рафаэля: «Я не знаток и не охотник до картин, но дрезден- скую “Мадонну”, “Ночь” Корреджио и картину Спасителя с монетой увидел через 50 лет после этого путешествия, как старых знакомых, художественное впечатление от которых хранилось во мне как луч- шее воспоминание моей юности» (Свербеев Д.Н. Указ. соч. С. 253).

31. Тургенев Александр Иванович (1784–1845), историк, старший брат декабриста Николая Ивановича Тургенева. Он был не лучшего мнения о многих членах кружка московских славянофилов.

32. Высокогорный курорт в Богемии.

33. Скорей всего имеется в виду отрывок Н.В. Гоголя «Рим».

34. Какого конкретно Шлёцера имеет в виду Валуев, понять не представляется возможным. Родственники знаменитого историка активно занимались научной деятельностью в Германии. Дмитрий Николаевич Свербеев рассказывает о своей встрече с представителями семейства Шлёцеров в Германии: *«В Любеке, похаживая отчасти и на Ревель, и на Ригу своим средневековым видом, отыскивали мы нашего русского консула Шлёцера, сына великого историка и родного брата моего бездарного профессора политической экономии. Он был, как видимо, приветлив ко всем русским по историческим отцовским связям с Россией. Пятнадцатилетний сын его назывался Нестором, и святой инок летописец был у них в гербе, пишущий свои бессмертные сказания»* (Свербеев Д.Н. Указ. соч. С. 577).

35. Брайтон (Брейтон) — город в Великобритании, в графстве Восточный Суссекс, на берегу пролива Ла-Манш; в 19 в. был очень популярным курортом.

36. Иноземцев Фёдор Иванович (1802–1869), врач, профессор кафедры практической хирургии Московского университета, первым в России сделал операцию под наркозом. В дальнейшем был лечащим врачом и самого Валуева. Дмитрий Николаевич Свербеев пишет о его участии в судьбе Валуева: *«Московский знаменитый врач Иноземцев убедился, наконец, сам, что у Валуева чахотка, уверил в существовании её и других членов кружка, способного увлекаться верою в мечты и сомнением в действительность, отправил, наконец, Валуева в чужие края в позднюю осень и уже полумёртвого. Его довели до Новгорода, где он и умер 23 ноября 1845 года»* (Свербеев Д.Н. Указ. соч. С. 154).

37. Свербеев Николай Дмитриевич (1829–1860), старший сын Свербеевых.

38. Вероятно, Валуев имеет в виду Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860), славянофила, поэта, старшего сына Сергея Тимофеевича Аксакова.

39. Гостиница (англ.).

40. Симбирский (Симбирский) сборник — сборник документов 16–17 вв., найденных Валуевым и его друзьями в государственных и частных архивах Симбирской и окружающих её губерний.

41. Грановский Т.Н. (1813–1855), профессор истории Московского университета, кумир московского общества середины 19 в.

42. Погодин М.П. (1800–1875), историк, издатель, литератор, профессор Московского университета.

43. Хемптон Корт (Hampton Court Palace), дворцово-парковый ансамбль, расположенный на левом берегу Темзы.

44. Мурильо Бартоломео Эстебан (1618–1682), крупней испанский художник 17 в.

45. Виндзорский замок, резиденция Британских монархов в г. Виндзор.

46. Андреа дель Сарто (1486/1487–1531), итальянский живописец флорентийской школы.

47. Ван Дейк Антонис (1599–1641), фламандский живописец и график.

48. Барбиери Джованни Франческо (1591–1666), итальянский художник, получивший прозвище «Гверчино» из-за своей косоглазости.

49. Курорт для больных лёгочными болезнями в Тирольских Альпах.

50. Языков Николай Михайлович, поэт.

51. Часовня приходской церкви.

52. Свербеева Екатерина Александровна.

53. Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775–1854), немецкий философ.

54. Языков Александр Михайлович, брат поэта.

55. Языкова Наталья Алексеевна (1799–1874), в девичестве Наумова, — супруга Языкова Александра Михайловича.

56. Елагин Василий Андреевич (1818–1879), историк, публицист, брат по матери Ивана и Петра Киреевских.

57. Вигель Филипп Филиппович (1786–1856), чиновник, литератор, был участником литературного общества «Арзамас».

58. Адольф де Кюстин (1790–1857), французский аристократ, путешественник, писатель. Наиболее известны его путевые записки «Россия в 1839 году», которые в России были восприняты негативно.

59. Стахович Михаил Александрович (1820–1858), писатель, поэт, собиратель фольклора.

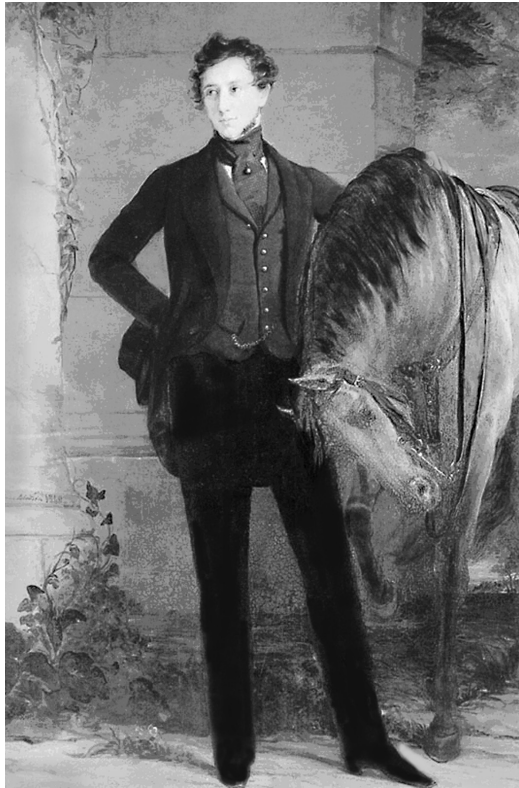
60. Катерина и Варвара Дмитриевна, дочери Свербеевых.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ УСАДЬБЫ «ОТРАДА»

Одна из самых красивых усадеб Подмосковья «Отрада» давно привлекала внимание любителей отечественной истории и культуры.

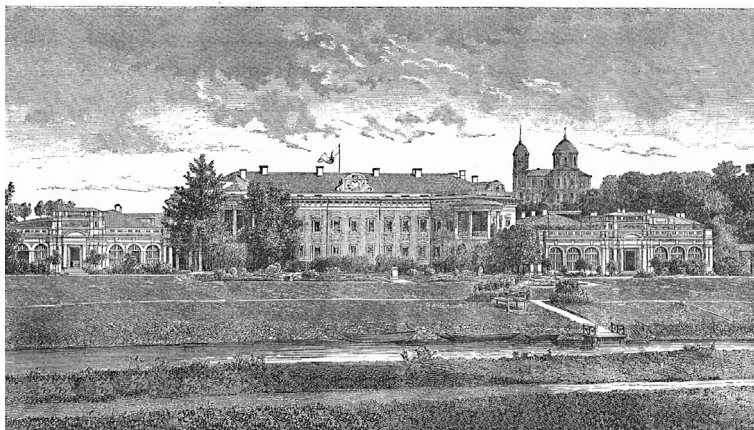
Первым исследователем усадьбы можно считать внука основателя усадьбы — графа Владимира Орлова-Давыдова. В своей биографии деда¹ он посвящает «Отраде» целую главу². Постройку главного дома он относит к периоду с 1775 по 1778 г.: *«Главный дом, кажется, не был отделан для жилья и в 1778 году, как надо заключить из того, что в э том году отданы приказы об отделке форточек, дверей и печей, и о высылке из Москвы изразцов»*³. Автор проекта главного усадебного дома остался для него неизвестным: *«Имя архитектора, составившего план дома, нам не известно, но исполнителем их является Бабакин, как полагать можно из приказа дворецкому Ратькову 1796 года — высечь Бабакина за то, что он, несмотря на запрещение, снял кружала из под свода и вторично уронил свод в кузнице»*⁴.

Орлов-Давыдов в своём очерке описывает историю усадебного парка. Площадь парка он оценивает в 600 десятин, замечая при этом, что *«он велик в сравнении с другими подобными в России»*⁵. *«В самом парке, расположенном по*

*Портрет графа В.П. Орлова-Давыдова.
Художник Кристина Робертсон 1840 г.*

обоим берегам Лопасни, живописная местность сочеталась с весьма значительными садоводственными предприятиями, какие по массе, потребовавшейся на них труда, в настоящее время были бы невозможны»⁶. «В числе других подробностей устройства парка есть неоспоримо такие, которые не подходят к нынешнему вкусу, но они служат памятниками вкуса той эпохи, в которую были устроены»⁷. Называет он парко-

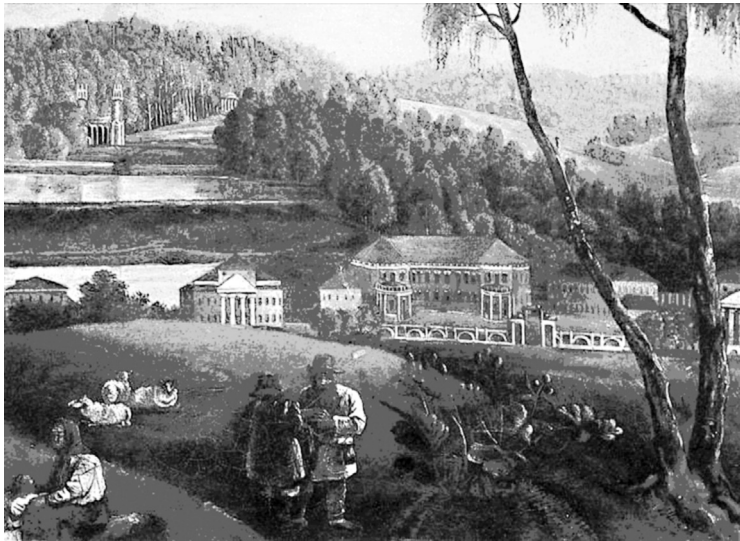
Усадьба «Отрада». Гравюра XIX в. к статье про Отраду

вых архитекторов, садовников: «Парк и сады разбивал некто Питерман, который упоминается в первый раз в 1780 году и получает приказание о посадке фруктовых деревьев в 1786 году; а в 1787 был приглашён английский садовник из Царицына для составления плана всей местности, и по его указанию были разбиты в рожи дорожки»⁸. В 1792 г. с московским садоводом Лебеденко «говорено было, как лучше садить деревья у стенок каменных»⁹.

Обращает внимание внук и на гидротехнические сооружения, которые были сделаны во времена его деда: «Из ключей, изобилующих в парке, ручьи проведены в большие пруды, устроенные в настоящем их виде крестьянином Ананием Морозовым. В 1795 году строен каскад из Щучьего пруда в Лопасню и фонтан против дома, по ту сторону реки, а в 1801 году строен другой каскад в Елизаветинском парке»¹⁰.

На этом водные сооружения в парке не исчерпывались. «Способ провода вод через пространство и возвращения их в уровень истока не был практически применяем в большей

части России в то время. Граф пожелал ввести его впервые в Отраде и провёл в дом свой превосходную воду, бившую ключом из земли в значительном расстоянии от дома. Он доставил себе также удовольствие устройством в парке своём “Кунштюка”, который с первого раза мог привести в недоумение и учёного: посредством чрезвычайно постепенной нивелировки воды двух источников, находившихся один от другого в двухвёрстном расстоянии, сведены им в противоположных направлениях в течение, почти параллельное, и в самом близком расстоянии один от другого. Этот кунштюк (*concetto*) конечно не безукоризненный в отношении садоводства, видимо, отступающий от закона природы, существует и поныне в Отраденском парке»¹¹. В дальнейшем он продолжает тему воды и различных усадебных красот, связанных

Вид усадьбы «Отрада». Неизвестный художник нач. XIX в.

с организацией водного пространства: «Ключевые воды парка, направленные в круглые и четырёхугольные пруды, могли бы, без сомнения, быть расположены с большим вкусом. Беседки, изображая сельские и пустынные убежища снаружи, а внутри заключая небольшую бальную залу с колоннами, доставляют более удовольствия детям, чем знатокам. Сюда-то приходили смотреть кормление рыбы по звонку колокольчика, или пить чай, или устраивать пикники; итак, эти беседки имеют своё право на существование, и потому уничтожить их недостаёт решимости»¹².

Специфику организации дедам пространства в усадебном парке его внук видит в англомании его предка: «Видны также в планах парка следы впечатлений, оставленных в памяти графа английскими парками, о которых он писал в своём дневнике. В расположении садов англичане стараются подражать природе и скрыть работу, которая необходимо и часто много труднее бывает, чем в регулярных (садах)»¹³.

Портрет А. И. Тургенева.
Художник П.Ф. Соколов.
1816 г.

Однако более подробного описания ключей, питающих усадебные пруды с указанием их местонахождения на территории усадьбы, пока в литературе не встречалось. Потому публикуемый ниже документ позволяет лучше понять то, как было устроено снабжение водой усадебных прудов.

Александр Иванович Тургенев, который написал эту записку, в 1820-е — 30-е гг. много странствовал по Европе. Часто бывал в Англии, и в один из приездов познакомился с Владимиром Петровичем Орловым. Знакомство их состоялось в конце 1820-х гг., во время обучения Орлова-Давыдова в Эдинбургском университете. Орлов произвёл на Тургенева самое благоприятное впечатление: *«Я расстаюсь завтра с единственным соотечественником, с коим иногда приятно проводить время или встречаться в Клобе или обществе: это молодой Давыдов, внук Орлова. С душою соединяет он ум и даже благороднейшее, именно Европейское просвещение, и в наставнике, которому завещала его мать его, умирая в Италии, нашёл он друга и не последнего товарища. Он поживёт в Париже, вероятно, ещё там и в Германии поучиться, и возвратиться в отечество»*¹⁴.

Текст «Записки» печатается по писарской копии, находящейся в обширном фонде усадьбы Отрада¹⁵.

Записка о Тиньковских ключах в усадьбе Отрада, составленная А.И. Тургеневым

Вам было угодно, Екатерина Владимировна¹⁶, перед отъездом в Симбирские Ваши вотчины, поручить мне содействовать проведению из горы деревни Тиняковой ключа в Лебединое озеро в селе Отрада. Прибыв, по благорасположению Вашему, 26 мая в Отраду, ненастное время не позволило мне прежде 31 мая приступить к осмотру местоположения. Упомянутого 31 мая, в сопровождении смотрителя замка

Отрадененского, отправился я на место источников, где г-н Ушаков¹⁷ тщательнейше при мне измерил высоту обеих источников, от уровня реки Лопасня. 1-й или ближайший ключ к Отраде находится на высоте перпендикулярно 25 аршин 6 1/2 вершков, т.е. 8 сажень 1 аршин 6 1/2 вершков. 2-й ключ или дальний от Отрады лежит на высоте 22 аршин 12 вершков и 5/4 вершка, т.е. 7 сажень 1 аршин 12 вершков и 5/8 вершка от уровня реки Лопасни, следовательно, более одной сажени ниже первого или ближнего источника.

По сему обстоятельству, соединение дальнего с ближним источником, если несовершенно, должно почитать невозможным; но искусственное возвышение дальнего источника до такой степени, чтобы вода из него катилась в ближайший источник и потом текла в Лебединое озеро, будет сопряжено с большими издержками и трудом.

Предполагая дальний источник вести особым проводом, не соединяя с источником ближним, из которого ныне течёт уже вода в щучий пруд, представляются такие же местные неудобства. 1. Надобно прорывать три горы, для положения водопроводных труб. 2. В 4-х углублениях или оврагах устроить четыре акведука, что будет стоить много значительных издержек.

Чтобы узнать, какое количество воды дальний источник в Тинькове выливает в течение 24-х часов, я сделал наблюдение. При мне в одну минуту ключ налил одно с половиной ведро. В час 90 вёдер или две сорокавёдерных бочки с четвертью. Следовательно, в течение 24 часов источник вылил 54 бочки сорокавёдерные. Столь малое количество воды, если бы оно и без утраты, в продолжение бега своего, достигло озера, конечно не возвысит водяной площади в Лебедином озере.

Соображаясь изложенным обстоятельствам, не следует поощрять Ушакова к начатию работ, но предложить ему, предварительно представить о сем на Ваше благоусмотрение.

* * *

Наиболее ранней работой, посвящённой исключительно истории усадьбы Отрада, является обстоятельная статья С. Кондакова, опубликованная в 1917 г. в журнале «Столица и усадьба»¹⁸.

И.А. Леваков в статье «Усадьба Отрада: Новые исследования»¹⁹, написанной на основании проводимых в 1970-е — 80-е гг. реставрационных работ, приходит к выводам, что автором главного усадебного дома в Отраде следует считать архитектора К.И. Бланка: *«Усадебный ансамбль был сооружён в 1775–1779 гг. по проекту К.И. Бланка с традиционными для того времени коррективами заказчика, каковым являлся владелец Отрады граф Владимир Григорьевич Орлов»*²⁰. Другим архитектором, с чьим именем автор статьи связывает большое количество строений в усадьбе, был М.Д. Быковский.

И.А. Леваков много внимания уделяет реконструкциям наружного оформления зданий на территории усадьбы, описывает убранство мавзолея семьи Орловых, фасады оранжерей. *«Богато были оформлены фасады оранжерей. Среди элементов внешнего архитектурного декора присутствовали не только белокаменные и лепные детали. Необычными здесь являются терракотовые барельефы. Центральный состоит из нескольких блоков, на которых изображена аллегорическая сцена борьбы кентавров с орлом Зевса. Композиция помещена на парковом фасаде павильона, над тосканским портиком. Справа и слева от сюжетной композиции — гирлянды с виноградом и фруктами. На карнизных парапетах помещён ряд терракотовых вставок одинакового размера с сюжетными композициями на темы “искусства и мастерства”. В ходе археологического изучения памятника были выявлены осколки пустотелых терракотовых балясин, первоначально находившихся над центральной композицией»*²¹.

Статья И.А. Левакова отличается от многих последующих работ, посвящённых Отраде, своим оптимизмом и надеждой на будущее возможное возрождения памятника: *«Полученный в результате проведённых изысканий материал позволяет говорить о реальной возможности восстановления не только архитектурного комплекса, но и уникальных интерьеров дворца, библиотечного флигеля, оранжерей, усыпальницы и церкви»*²².

В альманахе «Русская Усадьба» была опубликована небольшая статья В.И. Сахарова «К истории масонского храма»²³. В ней автор утверждает, не приводя никаких доказательств, что автором ряда построек в усадьбе — церкви Успения Пресвятой Богородицы, семейной усыпальницы и кузницы — являлся В.И. Баженов. А кузнецу он и вовсе называет орденским храмом Астреи.

Наиболее значительным исследованием, вышедшим в 21 в., является статья Т.А. Лесниковой «Неизвестные архивные материалы по усадьбе Отрада графов Орловых-Давыдовых»²⁴. Автором впервые вводится в научный оборот фонд документов графов Орловых-Давыдовых, который хранится в Серпуховском историко-художественном музее (СИХМ). Как отмечает Т.А. Лесникова, *«особенно важны и интересны в собрании этого архива данные по строительству Отрады, дающие возможность сопоставить архивный и графический материал о перестройках и перепроектировании отдельных отраденских зданий, их интерьеров и парков»*²⁵.

В этой же статье опубликована часть «Описи архива гр. В.П. Орлова-Давыдова», которая называется «Архитектурные планы и рисунки»²⁶. В ней представлены 85 листов с рисунками, видами и парковыми сооружениями, архитектурными планами и разрезами строений усадьбы, которые относятся к периоду с 1801 по 1870 г. Как пишет автор, *«сами графические материалы не сохранились, поэтому Опись является единственным источником информации по проектным чертежам усадьбы»*²⁷.

Кроме фонда СИХМ Т.А. Лесникова привлекает материалы фонда графов Орловых-Давыдовых, хранящиеся в РГАДА (Фонд 1273) и на основании впервые введённых в научный оборот документов предлагает собственный вариант ответа на вопрос — кто был архитектором главного дома в усадьбе Отрада? Она считает, что это был крепостной архитектор Бабакин. По её мнению, *«возможно, он внёс определённые изменения в проект постройки, который предположительно был сделан московским архитектором Е.С. Назаровым, работавшим с В.И. Баженовым в Кремле»*²⁸. И далее пишет про Бабакина: *«Он делал проекты для Отраденской кузницы и строил её, занимался установкой новых колёс и других механизмом по ремонтируемой мельнице, заготовкой материалов для строительных работ в Отраде в 1792 г.»*²⁹.

В опубликованной описи присутствуют и документы, позволяющие по-новому взглянуть на историю создания усадебного парка в Отраде. Не случайно Т.А. Лесникова пишет: *«Пейзажный парк Отрады кон. XVIII — нач. XIX вв. был предметом особой гордости графа В.Г. Орлова»*³⁰. *«К сожалению, отраденский парк, особенно его часть, занимавшая противоположный по отношению к дому берег р. Лопасни, а именно там находилось Лебединское озеро с островами и беседками на них, сохранился очень плохо. Островные сооружения не дошли до нас»*³¹.

Примечания

1. Граф Владимир Григорьевич Орлов.
2. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова составлен внуком его графом Владимиром Орловым-Давыдовым. СПб., 1878. Т. I–II.
3. Там же. Т. II. С. 3.
4. Там же. С. 2.
5. Там же. С. 7.

6. Там же. С. 6.
7. Там же.
8. Там же. С. 2.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. С. 7.
13. Там же. С. 3.
14. НИОР РГБ. Ф. 219. Карт. 62. Ед. хр. 115. Л. 1.
15. Там же. Карт. 102. Д. 19.
16. Екатерина Владимировна Новосильцева (1770–1849), тётка хозяина усадьбы Владимира Петровича Орлова-Давыдова. Во время его отсутствия и учёбы за границей занималась всеми делами, связанными с управлением усадьбой.
17. Дворецкий усадьбы Отрада.
18. Кондаков С. Отрада // «Столица и усадьба». 1917. № 83–88. Эта же статья была перепечатана в альманахе «Памятники Отечества», 1992, № 25, с. 7–11.
19. Серпухову — 650 лет. Материалы юбилейной научной конференции по истории и культуре русского города. Серпухов, 1989. С. 36–42.
20. Там же. С. 36.
21. Там же. С. 38.
22. Там же. С. 37.
23. Русская Усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 5. М., 1999. С. 240–243.
24. Там же. Вып. 7. М., 2001. С. 210–228.
25. Там же. С. 212.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. С. 214.
29. Там же.
30. Там же. С. 219.
31. Там же. С. 220.

ЗЯТЬ ГЛАВКОВЕРХА

Более десяти лет назад в 4-м выпуске «Архива наследия» была опубликована статья «Смоленск в жизни генерала М.В. Алексеева», в которой мы попытались проследить связь одного из самых значительных военных и политических деятелей России середины — конца 1910-х гг. Михаила Васильевича Алексеева со Смоленском¹. Не пересказывая содержание того материала, всё же напомним, что в течение двух лет накануне Первой мировой войны будущий Главковерх, а также организатор и вождь Белого движения (в его начальной фазе) командовал 13 армейским корпусом, штаб которого размещался в Смоленске. А жена и две дочери Алексеева продолжали жить в этом городе вплоть до ноября 1917 г., когда были вынуждены покинуть Смоленск и уехать на Дон.

Но была и ещё одна ниточка, связавшая генерала и политика не столько со Смоленском, сколько со Смоленщиной (в прежней публикации мы эту связь едва затронули²). Старшая дочь М.В. Алексеева, Клавдия, была замужем за офицером Сергеем Крупиным, сыном смоленской, точнее, рославльской помещицы Е.Р. Крупиной и высокопоставленного правительственного чиновника М.С. Крупина. О состоятельной, но

С.М. Крупин

не родовитой семье Крупиных и, в особенности, о её старшем отпрыске, сумевшем породниться с одним из влиятельнейших деятелей Российской империи и ставшем по сути его наиболее доверенным лицом, мы и постараемся рассказать.

Глава этой семьи, Михаил Сергеевич Крупин, происходивший из так называемых *«обер-офицерских детей»*³, достиг высокого общественного положения и материального благополучия на весьма прозаической бухгалтерской стезе. Он родился примерно в 1857 г. (в 1906 г. ему было 49 лет) в семье *«личных по чинам почётных граждан»*. Получив домашнее воспитание, молодой человек был причислен *«к гражданской службе по 2-му разряду канцелярских служащих»* и с 7 мая 1876 г. [все даты приводятся по старому стилю. — **М.И.**] согласно прошению занял должность канцелярского служащего 2 разряда в Департаменте Государственного казначейства⁴.

В то время Россия вовсю готовилась к очередной войне с Турцией — 1 ноября 1876 г. император Александр II объявил частичную мобилизацию русской армии, и в результате ряд пехотных корпусов (8-й, 9-й, 11-й и 12-й) образовали Действующую армию⁵. Уже 10 ноября юный Михаил Крупин получил назначение на должность канцелярского служителя Главного полевого казначейства Действующей армии, откуда 20 декабря 1876 г. был переведён на аналогичную должность в Полевое казначейство 9 армейского корпуса. 12 апреля 1877 г. последовал Высочайший манифест о начале войны с Турцией, а 22 апреля того же года Крупина назначили помощником бухгалтера в Полевое казначейство 14 армейского корпуса, который также готовился к вторжению на Балканы. В его составе Михаил Крупин не только перешёл границу с Румынией (18 мая 1877 г.), но и провёл большую часть зарубежного похода. Лишь 15 февраля 1879 г. его назначили на более высокую должность бухгалтера казначейства Оккупационных войск. С этим казначейством 9 июля 1879 г. Крупин возвратился в Россию, где 21 июля был назначен бухгалтером его 2-го расходного отделения. Однако через 10 дней, 31 июля 1879 г., Крупина уволили *«от службы по полевому казначейству с зачислением за штат»* с назначением ему *«за штатного содержания в С.-Петербурге»*. Свидетельством участия Крупина в более чем двухлетнем походе осталась тёмно-бронзовая медаль на Георгиевско-Андреевской ленте *«В память войны России с Турцией»*⁶.

Причастность молодого финансиста к кампании 1877–1878 гг. принесла ему неплохие материальные дивиденды. Во-первых, в августе 1878 г. *«за отличие по службе»* он получил чин коллежского регистратора. Во-вторых, в апреле 1880 г. *«В награду понесенных трудов в Действующей Армии»* его наградили орденом Св. Станислава III степени⁷, дававшим, кстати, тогда право на личное дворянство⁸. Наконец, поскольку

ку «*время, проведенное на службе при Армии*» вне пределов Империи, засчитывалось вдвойне (год за два), вполнину увеличился, как сейчас бы сказали, трудовой стаж Крупина. К тому же трудолюбивого, сообразительного и, очевидно, честолюбивого бухгалтера, что называется, «заметили». А, значит, весьма вероятной для него была возможность получить более престижную и высокооплачиваемую должность. И последняя не заставила себя чересчур долго ждать: 1 августа 1880 г. Крупин стал бухгалтером Санкт-Петербургского губернского казначейства, а в конце апреля 1881 г. он уже был переведён на службу в удельное ведомство с причислением к Департаменту Уделов⁹. В этом-то ведомстве, подчинённом императору и обслуживавшем только его семью, Михаил Крупин и сделал удачную служебную карьеру.

16 сентября 1881 г. Михаила Сергеевича назначили младшим помощником Главного удельного бухгалтера. Несколько ранее, в августе 1881 г., за выслугу лет он был произведён в губернские секретари. В дальнейшем пресловутая «выслуга» исправно приносила Крупину очередные чины «Табели о рангах»: в 1884 г. он стал коллежским секретарём, в 1887 г. — титулярным советником, в 1890 г. — коллежским асессором, в 1894 г. — надворным советником, в 1898 г. — коллежским советником, наконец, в 1902 г. — статским советником. 22 декабря 1893 г. приказом по удельному ведомству Михаил Сергеевич был назначен старшим помощником бухгалтера Главного управления уделов. В июне 1901 г., в связи с изменением штатов этого управления, должность Крупина переименовали: отныне Михаил Сергеевич становился помощником Заведующего делопроизводством Главного управления уделов. В управлении он всегда был на очень хорошем счету: свидетельством этого является то, что в течение двух месяцев (с 15 мая по 15 июля) 1904 г. именно статский советник Крупин исполнял обязанности Заведующего делопроизводством¹⁰.

Но высокая репутация давалась непросто. Приходилось наперекор себе безропотно выполнять малоприятные поручения. Так, например, размеренный ход службы Михаила Сергеевича дважды прерывался длительными командировками в один весьма отдалённый уголок страны. Первый раз это произошло в январе 1891 г., когда Крупина назначили делопроизводителем Особой комиссии, образованной *«для подробнейшего и всестороннего рассмотрения всей отчётности Управления Мургабским Государевым имением»*¹¹. Тогда чиновнику пришлось отправиться в продолжительную командировку в Среднюю Азию, где он находился с 5 апреля по 5 ноября 1891 г., занимаясь ревизией и составлением отчётов по царскому имению. Избрание для этой миссии именно Михаила Сергеевича свидетельствует о расположении и доверии к нему не только начальника Департамента Уделов или даже Министра императорского двора, но, возможно, и самого императора Александра III. Вторично Крупин был послан в ещё более длительную командировку, и вновь в Мургабское имение царя, летом 1893 г. (с 21 июля). Крупин был назначен *«Членом-Делопроизводителем Хозяйственного Комитета при гидротехнических работах в имении»*, с упразднением которого (хозяйственного комитета), последовавшим 1 ноября 1894 г., Михаила Сергеевича отозвали в Петербург¹².

За годы службы Крупин ни разу не подвергался взысканиям, а его усердие и безотказность неоднократно поощрялись. К полученным ранее наградам постепенно добавились орден Св. Анны III степени (1893 г.), Св. Станислава II степени (1896 г.), Св. Анны II степени (1899 г.) и Св. Владимира IV степени (1902 г.), а также серебряная медаль «В память императора Александра III» (1896 г.), знак «В память столетия Уделов» (1897 г.) и медаль «В память участия в деятельности Общества Красного Креста во время Русско-Японской войны 1904–1905 гг.». Кроме того, он не раз был премирован еди-

новременными выплатами крупных денежных сумм: в 1882, 1888 и 1891 гг. Михаилу Сергеевичу выплачивали по 200 руб., а в 1897 г. ко дню столетнего юбилея уделов — даже *«полный годовой оклад жалованья и столовых денег»* в размере 2000 руб.¹³.

Венцом карьеры Крупина стало назначение его по Высочайшему приказу от 4 июня 1905 г. заведующим делопроизводством Главного управления уделов (с 21 мая того же года) и пожалование ему императором *«в награду отлично усердной службы»* чина действительного статского советника (2 апреля 1906 г.)¹⁴. Этот чин соответствовал 4-й ступени «Табели о рангах» и давал право на потомственное дворянство (достигших его называли в просторечье «гражданскими генералами»). Поскольку Михаил Сергеевич имел довольно большую семью, у которой отсутствовали аристократические корни, но, очевидно, имелись аристократические амбиции, он не преминул данным правом воспользоваться¹⁵.

Его супругой была Елизавета Рудольфовна Крупина, урождённая Эйхгольц. Она родилась предположительно в

Е.Р. Крупина

1856 г. в семье с.-петербургского купца I гильдии Рудольфа Готтлиба Эйхгольца (Rudolf Gottlieb Eichholtz) (1822 — 1888) и его жены Терезии Александровны, урождённой Коссовой (Therese Kossow) (? — после 1907)¹⁶. Рудольф Эйхголец, швед по национальности, торговал готовой одеждой и изделиями из резины¹⁷(ещё в первой половине 1850-х гг. он держал в С.-Петербурге магазин платьев, размещавшийся в доме Чикванова, у Исаакиевской площади¹⁸). С 1875 г. Р.Г. Эйхголец был директором и казначеем Петербургского комитета Общества попечительства о тюрьмах, а в 1876–1880 гг. — почётным блюстителем Царскосельской Мариинской женской гимназии, на нужды которой пожертвовал 1200 руб. Семья Эйхголец владела двумя имениями в Смоленской губернии, несколькими домами и антикварным магазином на Большой Морской улице в С.-Петербурге. Сам Рудольф Готтлиб коллекционировал произведения искусства — в частности, картины голландских живописцев и швейцарские часы¹⁹. В свою очередь, Терезия Александровна вошла в историю как владелица замечательного исторического особняка на Английской набережной столицы (построен в конце 1730-х гг.), который она приобрела в 1881 г., а через 10 лет перепродала за 150 тыс. руб. миллионеру Я.С. Полякову²⁰.

В этой исповедовавшей лютеранство семье помимо дочерей — уже упомянутой Елизаветы, а также Марии (?–?) — было ещё и трое сыновей: Александр (1854 — после 1919), профессиональный военный, дослужившийся до генерал-лейтенанта и вышедший в отставку генералом от кавалерии²¹, Валериан (?–?), в первой половине 1910-х гг. чиновник особых поручений при Министре юстиции, получивший в 1909 г. чин действительного статского советника, и Евгений (1864–1949), доктор медицины²².

Возвращаясь к Елизавете Рудольфовне Эйхголец, отметим, что для неё брак с М.С. Крупиным был уже вторым.

Первый раз она вышла замуж за барона Фитингофа, но по каким-то причинам этот союз распался. Купеческая дочь, после развода лишь номинально являвшаяся баронессой Фитингоф, 12 ноября 1886 г. повторно сочеталась браком — на этот раз с безвестным, но подававшим большие надежды чиновником Департамента Уделов²³. И, видимо, в своём выборе не ошиблась. В их семье было пятеро детей: дочери Надежда (родилась 23 ноября 1887 г.) и Мария (появилась на свет 23 июня 1891 г.) и сыновья — Сергей (главный герой нашего повествования, родившийся 15 июня 1889 г.), Михаил и Валериан (оба появились на свет 16 марта 1893 г.)²⁴. По всей вероятности, в материальном плане молодая семья не испытывала нужды. К солидному чиновничьему жалованью М.С. Крупина, составлявшему в год несколько тысяч рублей, добавились доходы от имения Елизаветы Рудольфовны в Рославльском уезде Смоленской губернии.

Это имение, числившееся в Жарынской и Епишевской волостях, для Е.Р. Крупиной являлось благоприобретённым²⁵. Скорее всего, оно было куплено в 1880-е гг. (его прежний хозяин — штабс-капитан А.И. Заболотский²⁶). К середине 1900-х гг. крупинские угодья, раскинувшиеся при селениях Жарыни, Бобоедове, Артюхове и Погосте, насчитывали 1785 десятин 1956 саженой удобной для сельскохозяйственных работ земли, что вместе с «неудобьями» составляло 1793 десятины 466 саженой²⁷. В имении культивировалось, как тогда говорили, «хлебопашество», а ещё функционировали винокуренный завод с лесопилкой и водяная мельница²⁸. В декабре 1905 г. жившие по соседству крестьяне попробовали заставить Елизавету Рудольфовну поделиться получаемой со всего этого хозяйства прибылью, насильно забрав у её управляющего 10 руб. (ещё столько же они отобрали у управляющего другого жарынского помещика — Давыдова, да 2 руб. прихватили у супруги местного дьякона). Попытка экспроприации окончи-

лась, однако, печально. Семерых жарынских «Робин Гудов», к тому же выказывавших желание не платить повинности, не признавать начальство и вырубить помещичьи леса, в январе следующего, 1906 г., прибывшие в Жарынь каратели перед всем селом публично подвергли телесному наказанию²⁹.

Попутно отметим, что в противоположной части Рославльского уезда, в Новоруднянской волости, находилось также и имение брата Елизаветы Рудольфовны — Евгения Рудольфовича Эйхгольца (владельческая усадьба Михайловское), где ему принадлежало 322 десятины земли³⁰. Последний, поселившись в середине 1900-х гг. в этой усадьбе, некоторое время служил санитарным врачом Рославльского уезда и был членом уездной земской управы. Правда, в отличие от рачительной сестры, доктор медицины, видимо, не уделял своей усадьбе достаточного внимания, так как ещё до революции имевшийся там у него дом сгорел, а землю раскупили крестьяне. С 1912 г. Евгений Рудольфович работал врачом Смоленской исправительной тюрьмы, а с августа 1913 г. — старшим врачом Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, где сумел снискать славу «второго доктора Гааза»³¹.

Центром имения Е.Р. Крупиной было село Жарынь, где находился деревянный с двумя террасами и двумя крыльцами господский дом (доныне не сохранившийся). Этот дом, считавшийся большим (его размеры 36×13×6 аршин), был построен в 1897 г. В доме имелось девять комнат, которые отапливались шестью голландскими печами³². За отсутствием сведений не приходится говорить о его убранстве, но можно не сомневаться, что хозяйка, следуя традициям своей семьи, обустроила его со всевозможными претензиями на роскошь. Известно, что интерьеры дома украшали некие картины, написанные маслом (после 1917 г. переданы в Рославльский музей), кроме того имелась ценная библиотека (после революции поступила в Отдел образования). На территории усадьбы, площадью

Церковь имения Е.Р. Крупиной в селе Жарынь

в 1½ десятины, наряду с домом ещё имелись три жилых флигеля (один из них использовался в качестве господской кухни), жилая хата для рабочих, погреб, сарай для кормов, скотный двор и хлебный амбар. Все эти постройки, возведённые в период с 1869 по 1902 гг., были из дерева³³.

Видимо, вскоре после повторного замужества Елизавета Рудольфовна избрала Жарынь местом своего постоянного жительства, переквалифицировавшись в селянку-помещицу. По воспоминаниям А.М. Власенковой³⁴ — одной из младших современниц, успевших застать дореволюционный жарынский уклад, Крупина *«По характеру <...> была крута и горда, с соседями-помещиками не дружила»*³⁵. Что касается Михаила Сергеевича, то свидетельств его нрава до нас не дошло. Он, естественно, в основном находился в Петербурге, где продолжал трудиться, хотя отпускное время, почти всегда совпадавшее с летними месяцами, скорее всего, проводил в имении

жены (лишь однажды, в 1899 г., он ездил в период отпуска, пришедшегося на осень, за границу³⁶).

Шло время, подрастали дети Крупиных, а сами Михаил Сергеевич и Елизавета Рудольфовна становились всё состоятельней (в середине 1900-х гг. годовое жалованье Крупина-отца составляло 2250 руб., ещё столько же ему выплачивали так называемых столовых денег и сверх того — 1000 руб. квартирных — всего 5500 руб. в год³⁷). И постепенно сложилась ситуация, когда степень богатства этой семьи стала сильно диссонировать с занимаемой ими сословной ступенью (напомним, что Михаил Сергеевич имел личное дворянство, не передававшееся детям). Случай конвертировать содержание в форму, как уже говорилось, представился с апреля 1906 г. после присвоения чина действительного статского советника главе семейства. 17 мая 1906 г. М.С. Крупин обратился в Департамент Герольдии Правительствующего Сената с прошением о присвоении ему и его сыновьям Сергею, Михаилу и Валериану прав потомственного дворянства. Указом Правительствующего Сената от 24 октября 1906 г. за № 2388 это прошение было удовлетворено, и М.С. Крупина вместе с сыновьями признали *«в потомственном дворянстве, с правом на внесение в третью часть дворянской родословной книги»*³⁸.

Однако с получением потомственного дворянства мужской частью семьи была решена только половина стоявшей перед М.С. Крупиным задачи. Необходимо было добиться обретения «полноценного» дворянства и для женской части, для которого был установлен отдельный порядок. В конечном итоге после ряда бюрократических проволочек (требовалось, например, доказать, что дочери не состояли под судом и следствием) этой цели также удалось достичь. 13 мая 1910 г. Сенат принял постановление о внесении теперь уже всей семьи Крупиных, образовавшей новый дворянский род, *«в третью часть дворянской родословной книги»*³⁹.

Вскоре после окончания этой эпопеи Михаил Сергеевич вышел в отставку и поселился в Жарыни (впрочем, в С.-Петербурге за ним оставалась квартира по адресу Фонтанка, 18)⁴⁰. Дети же, для которых он сделал максимум возможного, обеспечив, как тогда казалось, их будущее, с началом обучения, видимо, бывали в родительской усадьбе всё реже. Почти наверняка можно предположить, что все они получили очень хорошее образование в столичных учебных заведениях. К сожалению, в связи с отсутствием более полных сведений подтвердить это допущение мы можем лишь в отношении одного из двух самых младших отпрысков семьи Крупиных — Валериана, а также его старшего брата Сергея.

Валериан, учившийся в С.-Петербурге, окончил в столице 8-ю гимназию. Избрав далее военную карьеру, молодой человек продолжил образование в Павловском военном училище (юнкеров этого учебного заведения называли «павлонами»), откуда в 1914 г. был выпущен подпоручиком⁴¹ (где обучались его брат Михаил, а также сёстры Надежда и Мария выяснить, увы, пока не удалось). Что же касается Сергея, то в январе 1907 г. он поступил в императорский Александровский лицей (бывший Царскосельский), который окончил осенью 1910 г. с причислением к Министерству внутренних дел⁴². За время обучения Сергей Крупин при отличном поведении продемонстрировал по всем преподаваемым дисциплинам *«хорошие»*, *«весьма хорошие»*, *«очень хорошие»* и *«отличные успехи»*. 3 декабря 1910 г. Конференция лицея⁴³ признала его *«достойным быть выпущенным на Государственную службу с чином десятого класса»*⁴⁴.

После окончания учёбы Сергея Крупина призвали для отбытия воинской повинности в 16-й драгунский Тверской полк. Уйдя в октябре 1911 г. в запас, коллежский секретарь С. Крупин вскоре оказался чиновником особых поручений при Смоленском губернаторе Д.Д. Кобеко⁴⁵. К 1914 г. уже титу-

лярный советник Сергей Крупин занимал должность старшего чиновника особых поручений при губернаторе. Живя в Смоленске в доме Краевской по Большой Вознесенской улице и время от времени навещая родителей в имении под Рославлем, он вёл образ жизни, свойственный человеку его положения, которое, в частности, неофициально предписывало входить в какую-нибудь общественную благотворительную или исследовательскую организацию. Молодой Крупин, следуя этому негласному правилу, состоял в рядах Смоленского отдела Российского общества покровительства животных и даже был кандидатом в члены Правления этой организации⁴⁶. Вероятно, в период со второй половины 1912 по первую половину 1914 гг. и состоялось знакомство, а затем и сближение молодого перспективного чиновника с семьёй получившего назначение в Смоленск генерал-лейтенанта (тогда) М.В. Алексеева.

С его сыном Николаем⁴⁷ Сергея Крупина связывала дружба, а с его старшей дочерью Клавдией — любовь. Видимо, в предвоенный период, а возможно, уже и в военное время, Клавдия Алексеева бывала в имении родителей своего жениха, а потом и мужа — Жарыни (что, кстати, нашло подтверждение в мемуаристике⁴⁸). Особые отношения с семьёй М.В. Алексеева в жизни Сергея Крупина в итоге и сыграли важнейшую роль. И, если бы не привходящие обстоятельства, то, по-видимому, этот молодой и, очевидно, талантливый человек так же постепенно, как и его отец Михаил Сергеевич, двигался бы вверх по ступеням чиновничьей иерархии и, возможно, ему посчастливилось бы достичь на этой стезе каких-то весомых успехов. Однако летом 1914 г. со вступлением России в мировую войну для миллионов людей мирная жизнь кончилась. В том числе и для Сергея Крупина и его братьев, оказавшихся в действующей армии.

Какие-то подробности боевого пути младших братьев — Михаила и Валериана — совершенно неизвестны. Одна-

ко установлено, что первый из них — поручик лейб-гвардии Гренадерского полка Михаил Михайлович Крупин — 4 августа 1916 г. *«скончался от ран»*. Его погребение состоялось 9 августа в имении Жарынь⁴⁹. В дошедших до нас и уже цитированных воспоминаниях А.М. Власенковой, к сожалению, не отличающихся точностью в деталях, эта информация подтверждается. В них говорится, что один из сыновей Е.Р. Крупинной (в воспоминаниях — *Крупениной*), а именно, *«младший — прапорщик, погибший в Первую мировую войну»*, был похоронен в Жарыни⁵⁰. Брат и ровесник Михаила, Валериан, в 1914 г., напомним, подпоручик, в годы мировой войны также служил в лейб-гвардии Гренадерском полку. Ему повезло больше, он выжил, став штабс-капитаном⁵¹.

Значительно лучше известна военная судьба их старшего брата, целиком связанная к тому времени с генералом от инфантерии М.В. Алексеевым. С началом войны призванный из запаса Сергей Крупин некоторое время служил в 17-м гусарском полку, откуда был переведен в 15-й уланский полк, где продолжил службу в чине корнета. По имеющейся информации, генерал М.В. Алексеев вызвал Крупина к себе и держал при своём штабе ещё в пору, когда командовал Северо-Западным и Западным фронтами, став же начальником штаба Главковерха — перевёл офицера и в Ставку, к тому времени находившуюся в Могилёве⁵². Сослуживец Сергея, известный историк и публицист, а тогда военный цензор Ставки, штабс-капитан Михаил Константинович Лемке⁵³ в своих опубликованных дневниковых записях об этом периоде службы неоднократно упоминал нашего героя⁵⁴, дав ему весьма лестную характеристику:

«Скажу о С.М. Крупине. <...> Это молодой человек очень прямой и честный, получивший образование в Лицее, сохраняющий внешний лоск, но не заражённый фанфаронством и самомнением. <...> Человек провёл меньше года в боевом

строю, но производит впечатление знающего кавалерийского офицера. Он как-то сразу понравился мне, и симпатия наша, по-видимому, взаимна. По нему видно, что сделала эта война. По его собственным словам, до войны он был настоящим чиновником, националистом, человеком, не особенно глубоко задумывавшимся над условиями русской жизни. Теперь он понял, что общество и правительство — два полюса; что в новейшей истории России был единственный момент, когда умное правительство, сохраняя своё внешнее достоинство, могло подать руку народу и создать страну, подобной которой не было бы в мире. Этого сделано не было, всё упущено, правительство без созидательной власти, без творческой программы, но с большой злой волей; революция совершенно неизбежна, но она будет дика, стихийна, безуспешна, и мы снова будем жить по-свински. Во всём этом он признался мне, видя, что до известной степени я могу разделить его мысли, иначе, однако, представляя себе революцию: она создаст настоящую жизнь, пройдя тяжёлый путь болезненного процесса... Да, и таких Крупных теперь десятки тысяч. Он говорит, что сам знает многих, уму и сердцу которых ничего не сказал 1905 год, но всё сказали 1914 и 1915 годы... Страшно думать о будущем, но и приятно, что можно его ждать»⁵⁵.

Из дневника М.К. Лемке явствует, что основной обязанностью С.М. Крупина было состоять при особе М.В. Алексева. В частном порядке офицер исполнял функции адъютанта генерала по очереди с собственно адъютантом Михаила Васильевича, графом П.И. Капнистом⁵⁶. Крупину приходилось выполнять различные поручения своего покровителя, в промежутке между которыми офицер должен был заботиться об М.В. Алексееве. Несмотря на то, что генерал в быту был неприхотлив, в повседневной жизни он нуждался в опеке, которую ранее осуществляла его жена, а теперь, в условиях войны, Сергей Крупин, составлявший компанию Михаилу Васильеви-

чу в прогулках после завтрака, участвовавший в совместном с ним дневном чаепитии и т. д.⁵⁷.

Корнета, от которого во многом зависел доступ к начальнику штаба Главковерха, лично знали многие высокопоставленные персоны, в том числе военные и политические деятели, иногда весьма подчеркнуто благоволившие к этому офицеру. В качестве примера приведём описанный Лемке случай, когда получивший назначение на должность коменданта Новогеоргиевской крепости крупный специалист по фортификации, генерал-майор А.В. фон Шварц⁵⁸, выйдя из кабинета Алексеева в бытность того командующим Северо-Западным фронтом, стал прощаться с окружающими и почему-то более всех — трижды — простился с С. Крупиным (1915 г.)⁵⁹. Другой случай, рассказанный Лемке, имел место в середине января 1916 г., когда прибывший в Ставку на продовольственное совещание известный государственный деятель Московский городской голова М.В. Челноков⁶⁰ перед аудиенцией у М.В. Алексеева советовался именно с Крупиным, *«удобно ли сейчас представиться»* генералу⁶¹.

Что касается основного Алексеевского адъютанта графа П.И. Капниста, получившего назначение к М.В. Алексееву ещё в самом начале войны, то генерал избегал давать графу какие-либо поручения. По словам Лемке, Капнист был человеком нервным и крайне несдержанным. Это сделало его героем нескольких неприятных историй. Самая громкая из них была связана с желанием адъютанта ознакомиться с содержанием конфиденциальных телеграмм, предназначавшихся М.В. Алексееву и доставляемых жандармским офицером графу для последующей передачи по назначению. Телеграммы находились в закрытом портфеле, ключи от которого хранились в аппаратной телеграфа и у генерала. Капнист, однажды потребовавший от жандарма, чтобы портфель впредь приносили открытым, устроил скандал, прогнав не подчинившегося его требованию

представителя жандармерии, и угрожал револьвером ещё одному нарочному (журналисту штаба князю Трубецкому), вызвавшемуся-таки вручить взбешённому адъютанту закрытый портфель. Кончилось тем, что Крупин, бывший свидетелем этой сцены, сам передал злополучный портфель М.В. Алексееву. Генерал же спустил дело на тормозах, приказав своему адъютанту лишь извиниться перед Трубецким⁶².

Неважная репутация П.И. Капниста, от которого М.В. Алексеев в силу мягкости характера не мог избавиться, очевидно, усиливала степень влияния С. Крупина. Именно через него окружающие, не имевшие прямого доступа к М.В. Алексееву, нередко пытались заручиться поддержкой последнего или узнать о нём какие-то новости⁶³. Так полковник А.А. Носков⁶⁴, уже являвшийся высокопоставленным офицером, поскольку состоял при управлении генерал-квартирмейстера Ставки и руководил его 6-м делопроизводством — печатью (то есть журналистами), в декабре 1915 г. вдруг пожелал произвести на М.В. Алексеева благоприятное впечатление. В этом он рассчитывал на содействие корнета С. Крупина, которому, по замыслу Носкова, надлежало замолвить за него, полковника, слово перед начальником штаба Главковерха. О том, каким должно было быть это «слово», Носков проинструктировал даже не самого Крупина, а своего подчинённого Лемке, у которого с порученцем Алексеева, как уже говорилось, были дружеские отношения, да и в штабном собрании они сидели рядом за одним обеденным столом⁶⁵. Сейчас уже невозможно установить, сыграл ли Крупин в этом деле сколько-нибудь действенную роль. Но Носкову, с учётом того, что в 1917 г. он стал генерал-майором, кому-то, пусть и не Алексееву, пусть даже и без участия Крупина, удалось-таки продемонстрировать себя с «наилучшей стороны».

Собственно, на наш взгляд, служба С. Крупина в Ставке — это во многом встречи с известными и не очень извест-

ными людьми. Порой эти встречи, дававшие немалую пищу для ума, носили неформальный характер. Вновь предоставим слово Лемке: *«Вчера С.М. Крупин проводил вечер у моряков, где был и Кирилл Владимирович. Говорит [Крупин. — М.И.], что в пьющей компании он [Кирилл Владимирович. — М.И.] держит себя хорошо, просто. После совещания пришёл туда и Александр Иванович Русин, но внёс диссонанс <...>»*⁶⁶. Поясним, что речь идёт о дружеской вечеринке, устроенной, по-видимому, офицерами Военно-морского управления Ставки, имевшей место 11 февраля 1916 г. Упомянутый Кирилл Владимирович — это великий князь, двоюродный брат Николая II, контр-адмирал и командир Гвардейского экипажа⁶⁷. Нам неизвестно, какой диссонанс в ход вечеринки внёс «заглянувший на огонёк» чуть позже вице-адмирал А.И. Русин, однако, деятелем он был ещё более высокопоставленным, чем даже Великий князь, а именно — помощником морского министра и начальником Морского штаба Верховного главнокомандующего⁶⁸.

Наблюдая в Ставке многих деятелей, в том числе военачальников, общаясь с ними лично, а также имея о них информацию от М.В. Алексева, Крупин составил о некоторых из них собственное, вероятно, достаточно объективное мнение, которое он при необходимости высказывал. Так, когда в октябре 1915 г. командующим 7-й армией был назначен генерал от инфантерии Д.Г. Щербачёв⁶⁹ чья кандидатура тогда вызвала споры среди офицеров Ставки (у части из них мнение о Дмитрие Григорьевиче было отрицательным), Крупин отозвался о генерале в весьма лестном тоне. И в итоге оказался прав, так как именно Щербачёв через некоторое время стал одним из творцов Брусиловского прорыва⁷⁰.

В дневниках Лемке нашла отражение и состоявшаяся, по-видимому, в январе 1916 г., встреча С. Крупина в Ставке с его давними знакомыми — А.А. Лодыженским⁷¹, к тому

времени назначенным исполняющим должность начальника канцелярии по гражданскому управлению, и С.П. Валуевым⁷² — старшим секретарём дипломатической канцелярии (Лемке назвал знакомых Крупина его «однокашниками»⁷³). Во время встречи молодые люди, хорошо знавшие друг друга с учебной поры, поговорили, что называется, «по душам». Подобно Крупину, и А.А. Лодыженский, и С.П. Валуев за время войны кардинально изменили свои взгляды. Как пишет Лемке, Крупин *«убедился из их собственных слов, что, бывши ранее правыми, они [«однокашники». — М.И.] теперь сильно полевели. Процесс полевления захватил массу людей, гораздо бóльшую, чем в японскую войну, и вся правизна, наваянная с 1906 года, постепенно исчезает»*⁷⁴.

В начале 1916 г. известную роль С. Крупин сыграл в судьбе своего друга Николая Алексеева, сына начальника штаба Главковерха. Николай, тогда корнет лейб-гвардии Уланского полка, всю войну находился в строю, на фронте, поскольку Михаил Васильевич совсем не желал получать от кого бы то ни было упрёки в связи с безопасным «устройством» близких (отметим, что поводом для подобных упрёков, помимо службы у Алексеева самого Крупина, могло стать ещё и то, что личным врачом генерала в Ставке был его племянник Н.Н. Кельин⁷⁵). Единственная поправка, допущенная в военные годы начальником штаба Главковерха в отношении сына, — это предоставление ему возможности обвенчаться с любимой женщиной. И, как пишет Лемке, *«Под влиянием просьб сына, его невесты и убеждений С.М. Крупина Алексеев, кажется, решил-таки просить царя об отпуске на 27 января (день свадьбы сына) в Смоленск. <...> Это — первый отъезд Алексеева за всю войну»*⁷⁶.

Свадьба Николая Алексеева с его избранницей — Елизаветой Немирович-Данченко⁷⁷ — состоялась, как и было намерено, 27 января 1916 г. в Смоленске. На ней присутствовал и

счастливым отец, генерал М.В. Алексеев, получивший у царя ради такого случая двухдневный отпуск (вечером 26 января Михаил Васильевич выехал из Могилёва, а к 8 часам утра 29 января он уже вернулся в Ставку). По словам Лемке, «Сына Алексеева венчал о. Шавельский⁷⁸; никаких воинских нарядов в Смоленске по случаю приезда генерала не делалось — начальник штаба всё отменил. Царь не поздравлял Алексеева с семейной радостью».

Этой свадьбе мы уделяем особое внимание по той причине, что именно «На свадебном обеде сына Алексеев объявил С.М. Крупина женихом своей дочери». Правда, когда же состоялось бракосочетание Сергея Крупина с Клавдией Алексеевой, пока установить не удалось. В документальной книге младшей дочери генерала М.В. Алексеева, Веры (впоследствии В.М. Алексеевой-Борель)⁷⁹, где, в частности, описываются события 1916–1917 гг., корнет Сергей Крупин упомянут уже в качестве мужа её старшей сестры⁸⁰.

Крупину, выполняя поручения Алексеева и его просьбы личного характера, нередко приходилось бывать в разъездах, в том числе и в Смоленске. В командировке в этом городе поручик был, например, в начале весны 1916 г., откуда вернулся в Ставку 6 марта⁸¹. Известно, что жена Алексеева, Анна Николаевна⁸², а также его дочери Клавдия и Вера, несколько раз за время войны навещали своего мужа и отца, предпочитая, кстати, для визитов в Ставку время, когда в ней отсутствовал царь⁸³. И, по крайней мере однажды, следовавшую к мужу супругу генерала в дороге сопровождал Сергей Крупин. Та поездка оказалась сопряжена с курьёзным случаем, показавшим, тем не менее, сколь высоко у четы Алексеевых было развито чувство собственного достоинства.

Анне Николаевне, севшей с Крупиным в Орше в штабной вагон поезда, который следовал до Могилёва, стало известно, что свободных мест — кроме одного — в купе некоего гене-

рала (Е.З. Барсукова⁸⁴), в вагоне нет. Генерал же, сославшись на то, что везёт секретные бумаги, отказался пустить даму к себе, и жене начальника штаба Главковерха пришлось просто-вать весь путь в коридоре (видимо, и усилий Крупина, чтобы достать место, оказалось недостаточно). Лишь на предпоследней станции Барсуков вышел из купе и пригласил её войти. Тут уже отказалась Алексеева. Не слишком галантный генерал понял свою оплошность поздно, когда увидел, кто встречал его попутчицу в Могилёве... Впрочем, каких-либо неприятных последствий для карьеры Барсукова этот случай не повлёк, так как М.В. Алексеев был выше сведения мелочных счётов⁸⁵.

В какой-то мере дипломатическое поручение Сергею Крупину пришлось исполнить в марте 1916 г., когда он сопровождал в поездке на Кавказ английского подполковника Сайкса (повторно в том же источнике этот офицер назван также полковником). Конечным пунктом поездки, начавшейся 7 марта, был Тифлис, где Сайкса принял наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич⁸⁶. Перед этим английский офицер имел беседу с помощником великого князя по военной части генералом Н.Н. Янушкевичем⁸⁷. Лемке, из дневника которого стала известна эта история, не сообщил каких-либо деталей о личности Сайкса. Не исключено, что британец, принятый на столь высоком уровне, был ни кто иной, как барон Марк Сайкс⁸⁸, крупный эксперт по ближневосточным делам, в начале марта 1916 г. вместе с французом Ф. Жорж-Пико⁸⁹ прибывший в Петроград для переговоров с русским правительством⁹⁰.

Интересно, что Крупин присутствовал не только во время беседы Сайкса с Янушкевичем, который произвёл на порученца Алексеева *«впечатление умного, но вовсе не военного человека»* (это сравнение напрашивалось само собой, так как именно Н.Н. Янушкевич был непосредственным предшественником М.В. Алексеева на посту начальника штаба Главковерха), но и

принял участие в устроенном великим князем Николаем Николаевичем завтраке. Во время этого протокольного мероприятия за столом, помимо Сайкса и Крупина, находились жена Николая Николаевича, Великая княгиня Анастасия (или Стана) Черногорская⁹¹, сын и одна из дочерей другого великого князя, Петра Николаевича⁹², и «какой-то Романовский»⁹³. Отметим, что резиденция, где кавказский наместник принимал своих гостей, размещалась в настоящем, отличавшемся пышностью убранства дворце, к которому примыкал ботанический сад с пальмами, парой чинар, якобы посаженных ещё А.П. Ермоловым, и другими редкими растениями. Кстати, по свидетельству Крупина (в пересказе Лемке), взирать на всё это великолепие могли не только высокопоставленные особы. В управлении коменданта Тифлиса висело распоряжение Николая Николаевича, в соответствии с которым *«все строевые, начиная от командиров рот, сотен и эскадронов, а раненые все без исключения, имеют являться лично к наместнику к 12 часам дня; он беседует с ними и потом некоторых приглашает к столу»*⁹⁴.

После возвращения Крупина с Кавказа (22 марта 1916 г.) в его служебном положении произошло изменение. Уже на следующий день, 23 марта, он был *«назначен состоять в распоряжении полковника Базарова»*⁹⁵ при иностранных военных миссиях». В то время полковник П.А. Базаров занимал должность генерала для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. В функции его нового подчинённого корнета Крупина входил надзор за размещением военных миссий. Вместе с тем право давать указания Крупину, тем самым существенно расширив круг его должностных обязанностей, получил и генерал П.К. Кондзеровский⁹⁶, *«как лицо, ведающее внешней стороной жизни военных агентов»*. Отныне корнет должен был следить за содержанием в чистоте этажа гостиной, где проживали члены иностранных военных миссий, смотреть за дисциплиной приставленных к «дипломатам в пого-

нах» полевых жандармов, а также не допускать проникновения в гостиницу публичных женщин⁹⁷.

Правда, и из подчинения М.В. Алексееву Крупин не вышел, продолжив выполнять мелкие поручения начальника штаба Главковерха, в том числе те из них, что требовали конфиденциальности. Так, когда прибывшие в начале апреля 1916 г. в Ставку члены японской морской миссии во главе с начальником морского генерального штаба Страны восходящего солнца контр-адмиралом С. Акиямой⁹⁸ отправились «кататься за город», узнавший об этом Михаил Васильевич, в обход установленного регламента, немедленно направил Крупина «забросить им в вагон карточки» [очевидно, визитные. — М.И.] — свою (то есть самого Алексеева) и генерала М.С. Пустовойтенко⁹⁹.

Как уже отмечалось, о характере службы Сергея Крупина в Ставке некоторое представление дают дневниковые записи М.К. Лемке. С переводом же Михаила Константиновича из центра управления российской армией к другому месту службы оборвался и его дневник. Переводу способствовала слежка за Лемке, развёрнутая против него контрразведывательным отделением Ставки весной 1916 г. в связи с довоенным сотрудничеством офицера в левой периодической печати, в том числе в журнале «Былое». Крупин пытался помочь другу, сообщив об этом крайне неприятном факте М.В. Алексееву. Тот возмутился действиями жандармов, занявшихся политическим сыском прямо в Ставке. Однако жандармы не отставали от Лемке, и офицер, чтобы не подводить своего прямого начальника генерала М.С. Пустовойтенко, а также и М.В. Алексева, сам обратился с просьбой об отчислении. В самом конце мая 1916 г. с помощью С. Крупина, переговорившего с М.В. Алексеевым о судьбе Лемке, вопрос дальнейшей службы Михаила Константиновича был решён — его перевели в С.-Петербург, в отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Гене-

рального штаба (так называемый «Огенквар»), пообещав помощь в случае возобновления жандармских преследований¹⁰⁰.

Крупин же, о дальнейшей биографии которого помогают судить другие источники мемуарного характера, продолжал служить в Ставке, по крайней мере, до середины лета 1917 г. За это время, как известно, произошли чрезвычайно важные политические события. После отречения Николая II от престола и утраты им поста Верховного главнокомандующего (2 марта 1917 г.) именно генерал М.В. Алексеев 11 марта 1917 г. был назначен Временным правительством на освободившуюся должность Главковерха. С новым вождём российской армии общество связывало определённые надежды, которым, увы, не суждено было сбыться. М.В. Алексеев, так и не нашедший общего языка с Временным правительством, вскоре (21 мая 1917 г.) был отправлен в отставку. Став формально военным советником правительства, он уехал из Ставки к семье в Смоленск. Проживая в этом городе, генерал, помимо официальной информации о положении на фронтах, черпаемой им из газет, отдельные сведения конфиденциального характера получал по телефону от зятя, Сергея Крупина. Известно, по крайней мере, о нескольких таких телефонных беседах.

Так 10 июля 1917 г. Крупин из Могилёва передал Алексееву, что *«11-я армия, отскочив за реку Серет, остаётся сегодня на месте, у противника нет, по-видимому, достаточных сил, чтобы развить свой успех в восточном направлении. Тарнополь¹⁰¹ пока в наших руках. Но зато на правый фланг 7-й армии давление продолжается, и этот фланг за 10-е число отскочил ещё на 10 вёрст, по сравнению с линией, указанной 1-го июля. <...> Развал в наших войсках развивается. Имеются сведения, что в некоторых частях офицеры перебиты руками своих же мерзавцев-солдат. Сегодня получено донесение, что в одной из дивизий убит своими начальник штаба дивизии <...>»*¹⁰².

11 июля Крупин сообщил, что «в 12-й армии на фронте 28-го корпуса из Якобштадского района¹⁰³ была произведена атака, взята часть неприятельских окопов, но войска предпочли затем вернуться в свои окопы. То же повторилось и в 5-й армии. В 10-й армии бой не возобновляется, из резерва уходят назад целыми группами доблестные “товарищи”... В 11-й армии — Тарнополь оставлен нами, при оставлении город разграблен, были насилия над жителями. 7-я армия отходит. <...> А 8-й армии приказано отойти <...>. Корнилов¹⁰⁴ приказал стрелять по отступающим и безобразничающим “товарищам”. Из Петрограда получено вестей мало: Финляндия объявила независимость, и туда посылаются войска. По слухам, Керенский¹⁰⁵ объявил себя диктатором. Итак, в Галиции мы оставляем почти всё, что было взято в 1916-м году <...>»¹⁰⁶.

Отметим, что в условиях постоянно ухудшавшейся внешней и внутренней обстановки находившемуся не у дел М.В. Алексееву было трудно обрести спокойствие и отдых. Потребность же в знаниях и опыте бывшего Главковерха всё ещё оставалась, и его неоднократно вызывали на совещания и консультации то в Петроград, то в Москву, то в Могилёв. По мере возможности Крупин заранее ставил в известность своего тестя-генерала о вероятности таких вызовов. Примером служит разговор Крупина по телефону с Алексеевым вечером 12 июля 1917 г., в ходе которого офицер предупредил Михаила Васильевича о поступившей в Ставку телеграмме А.Ф. Керенского Главковерху А.А. Брусилову¹⁰⁷ с требованием «*собрать совещание для обсуждения военного положения на фронте*». Для участия в намеченном на 16 июля совещании предлагалось вызвать в Могилёв ряд военачальников, в том числе и Алексева. А на следующий день, 13 июля, в очередном телефонном разговоре с генералом Крупин уточнил для того состав лиц, вызванных на это вошедшее в историю мероприятие¹⁰⁸.

Однако со второй половины лета 1917 г. документальные свидетельства службы Крупина обрываются. По неподтверждённым сведениям, осенью того же года Сергей Крупин *«способствовал конспиративному отъезду М.В. Алексеева на Дон»*¹⁰⁹, где уже 2 ноября генерал приступил к созданию Алексеевской организации — добровольческого военного формирования. Вместе с тем известно, что в конце 1917 г. Сергей Крупин сумел заехать на Смоленщину в родительское имение Жарынь.

Об этом, в частности, свидетельствовал участник установления Советской власти в Жарынской волости Ф.Д. Николаев¹¹⁰: *«В имени Крупиной появился старший её сын офицер Сергей Крупин с младшим своим братом — офицером Владимиром»* (видимо, автор воспоминаний не очень хорошо знал семью Крупиных, иначе он не назвал бы Валериана Владимиром). Далее Николаев сообщал, что 17 декабря 1917 г. была упразднена Жарынская волостная земская управа, и состоялись выборы в Жарынский волостной комитет Советов, на первом же заседании которого *«был решён вопрос об аресте семейства Крупиной и передаче её сына Сергея в распоряжение ревкома как опасного человека»*¹¹¹.

Другой участник борьбы за Советскую власть в Жарынской волости — С.Н. Сотников¹¹², вторя Николаеву, в своих неопубликованных автобиографических заметках много лет спустя вспомнил следующее: *«Приходилось бороться с сопротивлением враждебных реакционных сил. В первую ночь после выборов [в Жарынский волостной комитет Советов. — М.И.] помещица Крупина со своими сыновьями — офицерами царской армии, один из которых являлся зятем начальника штаба Верховного командования Ставки генерала Алексеева, бросили имение и пытались бежать на юг к Деникину, увозя имущества на 8-ми подводах. Мы их задержали, обнаружили пулемёты, винтовки и много патронов и доставили беглецов в Рославльский уездный Совдеп»*¹¹³.

Трудно сказать, каким образом семья Крупиных сумела выбраться из-под ареста в Рославле, но только уже зимой 1918 г. Сергей Крупин объявился в Добровольческой армии, в составе которой он участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе. Этот поход с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыцкая и Мечетинская) продолжался с 9 февраля по 30 апреля 1918 г. Вместе с генералом М.В. Алексеевым, являвшимся одним из вождей Добровольческой армии, в походе приняли участие четверо представителей его семьи — сын Николай вместе с женой Елизаветой, двоюродный племянник генерала врач Николай Кельин и Сергей Крупин¹¹⁴ (где в это время находились родители, сёстры и брат Крупина — неизвестно).

Жена Алексеева, Анна Николаевна, и обе дочери в походе не участвовали, а почти всё время оставались в захваченном большевиками Новочеркасске (проживали они в маленьком доме на окраине города под чужими паспортами, изготовленными на имя Афанасьевых, снабдил этими документами их всё тот же Сергей Крупин). И именно Крупина Алексеев планировал оставить с этими самыми близкими для себя людьми. *«Отправляю к тебе Сергея Михайловича — пусть он останется при семье и будет вашей опорой»*, — писал Алексеев жене 5 февраля 1918 г. из Ростова. В том же письме он сообщал, что лишь Крупин знает, где в Ростове оставлены вещи генерала. Однако корнет, передав семье Михаила Васильевича это письмо, а также доверенную ему денежную сумму, предназначенную для поддержки остававшихся в Новочеркасске раненых, против воли Алексеева вернулся в армию¹¹⁵.

Как и во время мировой войны, в 1-м Кубанском походе Крупин также был «тенью» генерала, несмотря на наличие у того официального адъютанта ротмистра А.Г. Шапрона дю Ларре¹¹⁶. В боях Крупин, как мог, пытался оградить Алексеева от опасности. Удавалось это не всегда. Так 10 марта 1918 г.

Михаил Васильевич, сидя под пулями на каком-то бугорке, наблюдал за тяжелейшим боем «добровольцев» с красными, происходившим под хутором Филипповским (неудачный исход этого боя был бы гибелен для армии). Крупин и врач Кельин в итоге не смогли тогда уговорить генерала перейти в более защищённое от обстрела место, так как Алексеев, *«сознавая себя как бы последним моральным резервом армии, оставался на виду у борющихся частей и лишь старался отогнать от себя своих попутчиков»*¹¹⁷. И, похоже, этот эпизод за время «ледяного» похода был не единственным.

К концу апреля 1918 г. закалившаяся в боях, но и узнавшая горечь утрат (в числе погибших оказался даже командующий добровольцев — генерал Л.Г. Корнилов, убитый при штурме Екатеринодара), Добровольческая армия вновь вернулась на Дон. 25 апреля в Новочеркасск, который в тот день по стечению обстоятельств освободили от красных «казаки-повстанцы», пришёл конный разведывательный разъезд находившейся неподалёку Добровольческой армии. В его задачу входило выяснение обстановки в городе и установление связи с казаками. С этим разъездом в Новочеркасск приехал и Сергей Крупин. Дальше дадим слово его свояченице Вере Алексеевой:

«Как горело сердце, как трепетала душа благодарностью к Богу, когда мы узнали, что все наши живы и что они в данные дни в безопасности, что поход, страшный, тяжёлый, окончен, и они сравнительно недалеко от нас.

С<ергей> М<ихайлович> пробыл с нами несколько дней. Рассказам не было конца. Но, наведя все нужные справки, он вместе с разъездом должен был вернуться в Армию. С ним мать послала письмо отцу, в котором писала:

“Истомились мы страшно, живя так далеко без малейшей весточки о вас, потеряв с вами всякую связь. День 25-го неожиданно принёс нам столько радости, что мы не знали, как и благодарить Господа Бога за Его великую милость

к нам... Бог знает, что ждёт ещё впереди, но эти дни мы действительно отдыхаем душой от пережитого нервного напряжения, сплошного гнёта и кошмара. К нам лично Господь был бесконечно милостив, и мы не подверглись никаким бедам, а могло быть совсем иначе...»¹¹⁸.

Сейчас, спустя 98 лет после тех событий, мы знаем, что впереди семью Алексеевых ожидало продолжение Гражданской войны, до окончания которой трое её представителей не дожили¹¹⁹. И первым из ушедших в этой семье из жизни был сам Михаил Васильевич Алексеев, скончавшийся в Екатеринодаре 25 сентября 1918 г. от крупозного воспаления лёгких. С его смертью связано и одно из последних упоминаний в мемуаристике имени Сергея Крупина, в тот тяжёлый для всех добровольцев день отдававшего своему покровителю и близкому родственнику последние земные почести. *«В штабе корнет Крупин сразу передал нам различные распоряжения и разослал нас по всем концам города с извещением о смерти, о первой панихиде с приглашением священников и т<ак> д<алее>»*, — писал впоследствии один из очевидцев этого скорбного события¹²⁰.

Тем не менее, с потерей генерала М.В. Алексеева Белое движение не прекратило вооружённой борьбы. И наш герой, корнет Крупин, какое-то время продолжал в ней участвовать. Однако, несмотря на цветущий возраст, он ненадолго пережил своего тестя и в июне 1919 г. умер в Таганроге¹²¹. Казалось, обстоятельства его смерти вряд ли когда-либо прояснятся. И всё же некоторый свет на них пролили мемуары А.А. Литвинова¹²², однокашника и соратника Крупина по борьбе:

«...Возвращаясь к моему пребыванию в Новороссийске, должен сказать, что, будучи не очень занят, я неоднократно ездил на поезде в Екатеринодар, оказавшийся временно в положении столицы. Там мне пришлось встретить моего товарища по лицу Сергея Крупина. Поступил он в один из старших

классов, и потому знал я его меньше других и специальной дружбы между нами не было. Но человек он был неплохой, предприимчивый и большой кутила. Отбыл он воинскую повинность в Тверском драгунском полку, потом служил чиновником для поручений при смоленском губернаторе и в 1914 году был призван из запаса в Татарский уланский полк. Ещё будучи в Смоленске, он женился на дочери генерала Алексеева, ставшего одним из основоположников Добровольческой армии. С фронта Великой войны Крупин вместе с генералом Алексеевым проехал на Дон, участвовал в обоих кубанских походах, и когда в Кубанской области появилось сильное сепаратистское движение, он в один прекрасный вечер застрелил некоего Быча, главаря сепаратистов¹²³. Он, видимо, думал уйти незаметно, но кто-то его выследил, устроил политический скандал, в результате коего был военный суд над Крупиним, разжаловавший его в солдаты. Фактически это судьбы его не изменило. Как он был до сих пор в штабе генерала Алексеева, так он там и остался, но ходил только в солдатской форме. Однако озлобленные левые кубанцы его из виду не упустили, и в июне 1919 года он был убит вечером на улице в Таганроге. Убийцы не нашли!»¹²⁴.

Так, по-видимому, ушёл из жизни этот находчивый, решительный и даже отчаянный человек, бессменный неформальный, но от того не менее верный «адъютант его высокопревосходительства». Отметим, что опубликованная в книге В.М. Алексеевой-Борель и заимствованная в своё время оттуда для нашей статьи «Смоленск в жизни генерала М.В. Алексеева» дата гибели Крупина — *май 1918 г.* — на самом деле, либо опечатка, либо ошибка¹²⁵. Что касается супруги С.М. Крупина, Клавдии Михайловны, то и она прожила совсем не долгую жизнь. Родившись в 1892 г., она умерла, по одним данным, в 1925 г., а по иным — в 1929 г.

О том, что стало с другими представителями семьи Крупиных, неожиданно помогла узнать «Смоленская газета», в одном

из номеров которой за ноябрь 2012 г. была опубликована статья М. Соколовой «Деревня Жарынь обзавелась историей»¹²⁶. Автор сообщила, что на рославльских краеведов, интересующихся историей местных усадеб и регулярно общающихся на форуме «Электронный Рославль», вышел гражданин Франции Пьер Колломберт, оказавшийся в некоторой степени родственником Крупиных. Завсегдатаем форума он поведал, будто его тёща, Татьяна Иосифовна Кононович-Фернандес, родившаяся в октябре 1917 г. в Жарыни, является дочерью Марии Михайловны Крупиной (напомним, младшей сестры зятя генерала М.В. Алексеева) и офицера русской армии Иосифа Иосифовича Кононовича¹²⁷ (сына генерал-лейтенанта И.К. Кононовича¹²⁸).

Если верить месье Колломберту, то за исключением Сергея Крупина, его брата Михаила и их отца Михаила Сергеевича, умершего в Геленджике (правда, неизвестно когда), остальные представители семьи Крупиных, уцелев в водовороте Гражданской войны, благополучно оказались в эмиграции (так же, кстати, как и их родственники — члены семьи генерала М.В. Алексеева). Супруга главы семейства, рославльская помещица Елизавета Рудольфовна, видимо, попала в Монако, так как её могила, по словам Колломберта, находится в Монте-Карло. Старшая дочь Крупиных, Надежда Михайловна, вышедшая замуж за некоего Виктора Фёдоровича Иванова, проживала в Италии, где и скончалась. Её сестра Мария Михайловна (Кононович), осевшая в Париже, погибла в 1942 г. во время бомбёжки¹²⁹. Во Франции оставшуюся часть жизни провёл и их брат Валериан Михайлович, который, будучи председателем объединения лейб-гвардии Гренадёрского полка, в 1958 г. вместе с остававшимися в живых двумя офицерами передал сберегаемую ими реликвию — полковое знамя — на временное хранение в Гренадёрский полк Королевской гвардии Великобритании (условием возврата знамени на родину было падение большевистского режима в России)¹³⁰. Он умер

в 1959 г. в Париже¹³¹ и похоронен на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Что касается Жарыни (той её части, что принадлежала Крупиным), то к концу 1921 г. национализированная усадьба была занята райсовхозом. А дальше с ней произошло то, что и с большинством помещичьих усадеб России — её просто не стало. Не сохранилось ни хозяйственных построек, ни, как уже отмечалось, господского дома со всей его «начинкой». Утрачена и могила поручика М.М. Крупина (как, собственно, и все захоронения на старом жарынском погосте, ещё существующем, но безнадежно разорённом). Лишь остатки Троицкой церкви да «обсаженная липами подъездная дорога и пруд на р<еке> Прожода»¹³² являются памятью о некогда процветавшем хозяйстве, да и о достаточно культурной и просвещённой семье, имевшей к тому же столь высокие родственные и дружеские связи. Напоминают о ней и воспроизведённые здесь фотографии, запечатлевшие какие-то усадебные сюжеты и некоторых членов семьи Крупиных. Упоминавшиеся потомки последних, ныне проживающие во Франции и носящие фамилию Кононович-Фернандес, благодаря посредничеству П. Колломберта и Ю.Н. Шорина любезно поделились с нами этими бесценными артефактами безвозвратно ушедшей эпохи. За это всем им, а также сотруднику Рославльского историко-художественного музея С.В. Гайдамаковой, краоведам Л.Л. Степченкову (Смоленск) и И.С. Юденичу (Москва), огромное спасибо.

Примечания

1. Иванов М.В. Смоленск в жизни генерала М.В. Алексеева // Архив наследия — 2002. М., 2004. С. 181–203.
2. Указ. соч. С. 194, 198.
3. Большинство детей чиновников, не выслуживших потомственного дворянства, писались в документах «из обер-офицерских детей».

4. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 3.

5. *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4-х томах. Т. 2. М., 1993. С. 204.

6. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 3, 4.

7. Там же. Л. 3, 4.

8. См. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений до-революционной России. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 135.

9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 4. Удельное ведомство — государственное учреждение в России. В 1797–1892 гг. Департамент Уделов, в 1892–1917 гг. Главное управление уделов Министерства Императорского двора (Литейный проспект, 39). Ведало удельными крестьянами до 1863 г., удельными землями и имуществом, в том числе дворцами и императорской Петергофской гранильной фабрикой; в функции входил также отпуск денежных средств на содержание членов императорской фамилии. В начале 20 в. главой этого управления был генерал-майор Свиты князь В.С. Кочубей, а министром императорского двора — генерал-адъютант граф В.Б. Фредерикс.

10. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 4–7.

11. Мургабское Государево имение, находившееся в юго-восточной части Мервского оазиса (ныне — в Республике Туркменистан), образовано по Высочайшему повелению от 6 августа 1887 г. из земель по правому берегу нижнего течения реки Мургаб. Имение занимало территорию древнего Мерва и включало парк, пашни, питомник и ирригационную сеть (площадь около 80 000 десятин). Оно располагалось среди развалин древнего города и называлось Байрам-Али (по названию одной из разрушенных крепостей, окружавших усадьбу).

12. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 5.

13. Там же. Л. 3–7, 26.

14. Там же. Л. 7.

15. Там же. Л. 1.

16. Отцом Терезии Александровны, возможно, являлся купец Александр Карлович Коссов, в середине 19 в. проживавший в доме Бекренева на Галерной улице С.-Петербурга. Дата венчания Терезии Александровны и Рудольфа Готтлиба — 30 апреля 1853 г. См. *Игнатьева Г.П.* Тюремный врач — Евгений Рудольфович Эйхгольц // История Петербурга. 2012. № 1 (65). С. 10.
17. <http://88.217.241.77/amburger/index.php?id=64500&mode=1>
18. Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского села, Петергофа, Гатчины и прочие. 1854. СПб., б. г. С. 232.
19. *Игнатьева Г.П.* Указ. соч. С. 10.
20. *Антонов В.* Оспенный доктор Голидей // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 28 августа. № 160.
21. *Волков С.В.* Генералитет российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. II. М., 2009. С. 790.
22. http://forum.vgd.ru/1282/30384/10.htm?a=stdforum_view&o=. Отметим, что все дети семьи Эйхгольц «играли на музыкальных инструментах: Елизавета и Мария — на фортепьяно, Евгений — на виолончели, Александр — на скрипке, Валериан — на флейте», нередко устраивая дома концерты камерной музыки. См. *Игнатьева Г.П.* Указ. соч. С. 10–11.
23. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 26об.
24. Там же. Л. 4.
25. Там же. Л. 3.
26. См. *Чижков А.Б., Гурская Н.Г.* Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. Смоленск, 2009. С. 104.
27. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 27.
28. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Св. 2. Д. 15 ОЦ. Л. 563об., 564.
29. Революционное движение в Смоленской губернии в 1905–1907 гг. Сборник документов. Смоленск, 1957. С. 216.
30. ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Св. 2. Д. 15 ОЦ. Л. 575об., 576.
31. *Игнатьева Г.П.* Указ. соч. С. 11–12. В марте 1917 г. Е.Р.

Эйхгольц вместе с семьёй переехал на постоянное жительство в Финляндию.

32. ГАСО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1216. Л. 180.

33. Там же. Л. 178, 180, 180об., 181.

34. Власенкова Анна Михайловна, уроженка села Лахи Рославльского уезда. Из семьи священника (М.П. Колосова). Впоследствии учительница. В годы Второй мировой войны участвовала в партизанском движении.

35. Из воспоминаний Анны Михайловны Власенковой (1898–1991), учительницы деревни Скороходово Рославльского района // *Власенков В.В.* Записки партизана. Смоленск, 2009. С. 13.

36. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 4.

37. Там же. Л. 3.

38. Родословная дворянская книга подразделялась на 6 частей: в 1-ю часть вносились роды дворянства жалованного или действительного; во 2-ю — роды дворянства военного; в 3-ю — роды дворянства, приобретённого на гражданской службе, а также через пожалование одним из присваивавших это достоинство российских орденов; в 4-ю — все иностранные роды; в 5-ю — титулованные роды; в 6-ю — древние благородные дворянские роды.

39. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 12973. Л. 21, 27, 30.

40. См. Весь Петербург на 1913 год. С. 330. Другими, более ранними адресами местожительства М.С. Крупина в столице были Загородный проспект, 9; улицы: Николаевская, 42 и Ивановская, 3.

41. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 259.

42. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 252. Л. 17, 29.

43. Орган коллегиального руководства.

44. РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 252. Л. 20.

45. Кобеко Дмитрий Дмитриевич (1867–1914), смоленский губернатор в 1912–1914 гг.

46. Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год. Смоленск, 1914. С. 25, 146.

47. Имеется в виду Николай Михайлович Алексеев (1891–1960), штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского полка.

48. Из воспоминаний Анны Михайловны Власенковой ... С. 13.

49. Смоленский вестник. 1916. 8 августа. № 208. С. 1.

50. Из воспоминаний Анны Михайловны Власенковой ... С. 13.

51. Волков С.В. Офицеры российской гвардии... С. 259.

52. С 18 августа 1915 г. М.В. Алексеев — начальник штаба Верховного главнокомандующего, которым с этого же дня стал император Николай II. Ставка Верховного главнокомандующего, с начала мировой войны размещавшаяся в Барановичах, с 8 (21) августа 1915 г. находилась в Могилёве.

53. Лемке Михаил Константинович (1872–1923), историк русской журналистики, цензуры, революционного движения. Из дворянской семьи, был офицером. В 1915–1916 гг. военный цензор в Ставке Верховного главнокомандующего. Сотрудничал в «Русском богатстве», «Былом», «Современном мире», «Русских ведомостях» и других журналах и газетах. Занимался эпохой Николая I и 1860-х гг. В его книгах наиболее ценны опубликованные документы, извлечённые им из различных архивов. В ряде случаев производил фальсификации фактических данных для подтверждения своих гипотез. Незадолго до смерти вступил в РКП(б).

54. Всего 22 упоминания.

55. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Мн., 2003. С. 201–202.

56. Капнист Пётр Ипполитович (1880–?), граф, корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (1908 г.), адъютант генерала М.В. Алексеева в годы Первой мировой войны.

57. Лемке М.К. Указ. соч. 1914–1915. С. 194, 201.

58. фон Шварц Алексей Владимирович (1874–1953), из дворян. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор с 1914 г., генерал-лейтенант с 1917 г. С марта 1917 г. начальник Главного военно-технического управления. В эмиграции в Италии, затем в Аргентине. Автор трудов по фортификации.

59. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1914–1915. С. 281. Отметим, что автор дневника не мог быть свидетелем описанного им случая и, скорее всего, изложил его с чьих-то слов.

60. Челноков Михаил Васильевич (1863–1935), крупный промышленник и домовладелец. Видный земский деятель. Один из основателей и вождей партии кадетов. Депутат II, III и IV Государственных Дум. С сентября 1914 г. — главноуполномоченный Всероссийского союза городов. В 1914–1917 гг. — Московский городской голова. После событий 1917 г. — в эмиграции.

61. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 147.

62. Там же. С. 268–269.

63. Там же. С. 177.

64. Носков Александр Александрович (1877–?), участник Русско-японской и Первой мировой войн. С декабря 1914 г. начальник отделения управления генерал-квартирмейстера Юго-Западного фронта, затем штаб-офицер для поручений при главнокомандующем армиями Северо-Западного фронта, с сентября 1915 г. — при управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного Главнокомандующего. В эмиграции. Вернулся в СССР.

65. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1914–1915. С. 42, 374.

66. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 273.

67. Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь, второй сын великого князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II. В 1924 г., в эмиграции, самопровозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I, с чем не согласилась значительная часть Императорской семьи.

68. Русин Александр Иванович (1861–1956), российский военно-морской деятель. Контр-адмирал с 1909 г., вице-адмирал с 1912 г., адмирал с 1916 г. В 1914–1917 гг. — начальник Морского генерального штаба, руководил разработкой военно-морских операций во время Первой мировой войны. После прихода к власти большевиков эмигрировал во Францию, а в 1939 г. — в Марокко.

69. Щербачёв Дмитрий Григорьевич (1857–1932), из дворян. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-майор с 1903 г., генерал-лейтенант с 1908 г., генерал от инфантерии с 1914 г. С 1907 г. начальник академии Генштаба. С 5 апреля 1915 г. командующий 11-й, с 19 октября 1915 г. — 7-й армиями, с 11 апреля 1917 г. главнокомандующий армиями Румынского фронта. В апреле 1918 г. создал в Париже представительство Добровольческой армии. Умер в Ницце (Франция).

70. Лемке М.К. Указ. соч. 1914–1915. С. 240. Брусиловский прорыв — наступательная операция войск Юго-Западного фронта в период с 22 мая по 31 июля 1916 г. под общим командованием генерала А.А. Брусилова; в ходе операции противник потерял до 1,5 миллиона человек.

71. Лодыженский Александр Александрович (1886–1976), возглавлявший канцелярию Ставки Верховного Главнокомандующего по гражданскому управлению. С марта 1916 г. старший делопроизводитель Государственной канцелярии сверх штата. В эмиграции во Франции.

72. Валуев Сергей Павлович (? — после 1929), чиновник Дипломатической канцелярии Ставки Верховного Главнокомандующего; секретарь миссии в Варшаве (1920–1922). В эмиграции в Польше.

73. Вопреки утверждению Лемке, по крайней мере Лодыженский не мог быть однокашником Крупина, поскольку получил образование не в Александровском лицее, а в Училище правоведения.

74. Лемке М.К. Указ. соч. 1916. С. 189.

75. Кельин Николай Николаевич (?–1920), двоюродный племянник М.В. Алексеева, врач. Участник Первой мировой войны. В конце 1916 г. во время тяжёлой болезни Алексеева был отозван с фронта и назначен личным врачом генерала. Умер в июле 1920 г. в Крыму от тифа.

76. Лемке М.К. Указ. соч. 1916. С. 188.

77. Алексеева Елизавета Александровна, урождённая Немирович-Данченко (?–?), родом из Киева. Летом 1916 г. была сестрой

милосердия Кауфманской общины (носившей имя генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана). В Добровольческой армии служила сестрой милосердия 2-го конного генерала Дроздовского полка.

78. Шавельский Георгий Иванович (1871–1951), священнослужитель. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В 1904–1906 гг. — Главный полевой священник 1-й Маньчжурской армии. С 1911 г. протопресвитер военного и морского духовенства. В годы мировой войны находился в Ставке, откуда выезжал на передовые позиции. Был членом Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. и Высшего Церковного Совета. В декабре 1918 г. назначен на должность протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии. С апреля 1920 г. в эмиграции в Болгарии.

79. Алексеева-Борель Вера Михайловна, урождённая Алексеева (1899–1992), младшая дочь генерала М.В. Алексеева.

80. *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 530.

81. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 374.

82. Алексеева Анна Николаевна, урождённая Пироцкая (1872–1960), жена генерала М.В. Алексеева. С марта 1920 г. в эмиграции в Белграде.

83. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1914–1915. С. 278.

84. Барсуков Евгений Захарович (1866–1957), генерал-майор с 1915 г. С 5 января 1916 г. начальник управления полевого генерал-инспектора артиллерии. С 1918 г. в РККА.

85. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 285.

86. Николай Николаевич (младший) (1856–1929), великий князь, первый сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Николая I. Участник Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Первой мировой войн. Генерал-майор с 1885 г., генерал-лейтенант с 1893 г., генерал от кавалерии с 1900 г. С 1905 г. главнокомандующий войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа, с 20 июля 1914 г. Верховный Главнокомандующий, с 23 августа 1915 г. намест-

ник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. 2–11 марта 1917 г. Верховный Главнокомандующий, с 11 марта 1917 г. в отставке. В эмиграции с 1919 г., сначала в Италии, потом во Франции. Умер в Антибе.

87. Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), российский военный деятель, участник Первой мировой войны. Генерал-майор с 1909 г., генерал-лейтенант с 1913 г., генерал от инфантерии с 1914 г. С 1913 г. — начальник академии Генштаба, с 1914 г. — начальник Генерального штаба, с 19 июля 1914 г. — начальник штаба Верховного Главнокомандующего, с 18 августа 1915 г. — помощник по военной части наместника на Кавказе. С 31 марта 1917 г. — в отставке.

88. Сайкс Марк (1879–1919), британский писатель, политик и дипломат, с 1911 г. депутат Палаты общин британского парламента. Во время Первой мировой войны вместе с французским дипломатом Франсуа Жорж-Пико подписал Соглашение Сайкса — Пико, в соответствии с которым Османская империя была поделена на британские, французские, а позже российские и итальянские сферы влияния.

89. Жорж-Пико Франсуа (1870–1951), французский дипломат в Бейруте. Приходится двоюродным дедом бывшему французскому президенту Валери Жискар д’Эстену.

90. *Цветянский А.В.* Великобритания и обсуждение будущего Ближнего Востока в годы Первой мировой войны // Электронный научный журнал «Исследовано в России». С. 1104 / <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2009/083.pdf>.

91. Анастасия (Стана) Петрович-Негош, также известная в России как Анастасия Николаевна (1868–1935), принцесса черногорская, герцогиня Лейхтенбергская и русская великая княгиня. Дочь короля Николы I Черногорского, родная сестра великой княгини Милицы Николаевны. В первом браке замужем за герцогом Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским, во втором — за великим князем Николаем Николаевичем (младшим).

92. Пётр Николаевич (1864–1931), великий князь, второй сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Николая I.

Генерал-майор с 1903 г., генерал-лейтенант с 1908 г. Во время Первой мировой войны находился при штабе своего брата Николая Николаевича (младшего). В эмиграции во Франции. Умер в Антибе. Имел сына князя императорской крови Романа Петровича (1896–1978), по причине болезни дослужившегося лишь до младшего офицерского чина, и дочерей княжон императорской крови Марину Петровну (1892–1981) и Надежду Петровну (1898–1988).

93. Титулом «князь Романовский» были наделены некоторые роды, родственные Романовым, например, герцоги Лейхтенбергские. Кроме того, фамилию «Романовский» мог носить представитель нетитулованного дворянского рода, в частности, генерал-майор Борис Степанович Романовский (1870–?), с 1909 по 1917 гг. являвшийся военным губернатором Батумской области (он-то и мог быть приглашён на завтрак к великому князю).

94. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 439.

95. Базаров Павел Александрович (1871–1948), участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор с 1917 г. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии и Вооружённых силах Юга России. В эмиграции во Франции. Умер в Антибе.

96. Кондзеровский Пётр Константинович (1869–1929), участник Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-майор с 1909 г., генерал-лейтенант с 1914 г. (по другим сведениям, с 1916 г.). С 19 июля 1914 г. дежурный генерал Верховного главнокомандующего. Со 2 апреля 1917 г. член Военного совета. Во время Гражданской войны — в Северо-Западной армии. В эмиграции в Финляндии, затем во Франции.

97. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 441, 444–445.

98. Японская морская миссия прибыла в Могилёв 4 апреля 1916 г. В её состав вместе с контр-адмиралом Санейюки Акияма (1868–1918) входило 7 морских офицеров Страны восходящего солнца, в том числе капитаны 2-го ранга К. Яманаси и Т. Тоссу и четыре младших чина.

99. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 498, 507. Пустовойтенко Михаил Саввич (1865–?), участник Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-майор с 1913 г., генерал-лейтенант с 1916 г. С 30 августа 1915 г. — генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего. Во время Гражданской войны — в Вооружённых силах Юга России.

100. *Лемке М.К.* Указ. соч. 1916. С. 573, 644, 661–662, 669–670.

101. Тернополь (с 1944 г. — Тернополь), город в Украине на реке Серет, центр Тернопольской области.

102. *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 530.

103. Якобштадт — безуездный город в Курляндской губернии России. Ныне в Латвии (современное название Екабпилс).

104. Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор с 1911 г., генерал-лейтенант с 1915 г., генерал от инфантерии с 1917 г. С 2 марта 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа, с 29 апреля 1917 г. командующий 8-й армией, с 18 июля 1917 г. Верховный главнокомандующий. 27 августа 1917 г. выступил против политики Временного правительства, был арестован, содержался в Быхове. С 5 декабря 1917 г. в Новочеркасске, где возглавил Добровольческую армию. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

105. Керенский Александр Фёдорович (1881–1970), российский политический и государственный деятель. В 1917 г. входил в состав Временного правительства: министр юстиции (март–май), военный и морской министр (май–сентябрь), с 8 июля министр-председатель. С 30 августа Верховный главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции (сначала во Франции, с 1940 г. в США).

106. *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 531.

107. Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), участник Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Первой мировой войн. Генерал-майор с 1901 г., генерал-лейтенант с 1906 г., генерал от кавалерии с 1912 г. С 19 июля 1914 г. командующий 8-й армией, с 17 марта 1916 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом, с 21 мая по 19 июля

1917 г. Верховный главнокомандующий. В 1917–1918 гг. содержался под арестом. С 1919 г. — в РККА.

108. *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 533.

109. *Смирнов А.* Генерал М.В. Алексеев; *Алексеева-Борель В.* «Ради спасения Родины и Армии». Из архива генерала М.В. Алексеева / Публикация Э.К. Борель, комментарии А.М. Кузнецова // Наше наследие. 1994. № 31. С. 85.

110. Николаев Фёдор Дмитриевич (1895–?), уроженец села Жарынь Рославльского уезда. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С начала лета 1918 г. секретарь Рославльской уездной чрезвычайной комиссии. Впоследствии кандидат медицинских наук и доцент 1-го Московского медицинского института имени И.М. Сеченова.

111. *Николаев Ф.Д.* О тех, кто боролся за установление Советской власти // Воспоминания участников борьбы за власть Советов в Смоленской губернии. Смоленск, 1957. С. 110, 113.

112. Сотников Степан Никифорович (1890–1964), уроженец деревни Бехово Жарынской волости Рославльского уезда. Из крестьян. Участник Первой мировой войны. В советское время работал врачом, в частности, в Москве.

113. Рославльский историко-художественный музей. Вспомогательный фонд. Ед. хр. 801. Л. 5.

114. *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах... С. 667.

115. Там же. С. 658, 663–665.

116. Шапрон дю Ларре Алексей Генрихович (1883–1947), участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1917 г. командир эскадрона и ротмистр, кавалер шести боевых наград. С осени 1917 г. адъютант генерала М.В. Алексеева, сопровождал последнего во время его тайного отъезда из Петрограда в Новочеркасск. С конца сентября 1918 по начало июля 1919 гг. — адъютант генерала А.И. Деникина. В чине полковника командовал 2-м Офицерским конным полком генерала Дроздовского. С марта 1920 г. генерал-майор. В эмиграции сначала в Великобритании, затем в Бельгии. Был же-

нат на дочери генерала Л.Г. Корнилова Наталье Лавровне. Умер в Брюсселе.

117. *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 677.

118. Там же. С. 696–697.

119. Имеются в виду сам генерал М.В. Алексеев, а также офицеры С.М. Крупин и Н.Н. Кельин.

120. *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 740.

121. *Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 287.

122. Литвинов Алексей Алексеевич (1890–1972), участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции в Бельгии, директор отделения бельгийского банка в Конго.

123. Автор воспоминаний ошибается. На самом деле казачий политик и общественный деятель, первый председатель Кубанского краевого правительства Лука Лаврентьевич Быч (1870–1945) прожил довольно долгую жизнь и умер естественной смертью в эмиграции в Чехословакии. Вместе с тем другой казачий политик, председатель Кубанской Законодательной Рады Николай Степанович Рябовол (1883–1919), действительно был застрелен неизвестным лицом 14 (27) июня 1919 г. в Ростове-на-Дону.

124. *Литвинов А.А.* Воспоминания кирасира её величества // История Петербурга. 2004. № 4 (20). С. 13.

125. См. *Алексеева-Борель В.* Указ. соч. С. 667; *Иванов М.В.* Указ. соч. С. 194.

126. *Соколова М.* Деревня Жарынь обзавелась историей // Смоленская газета. 2012. 14 нояб. № 116. С. 26.

127. По-видимому, имеется в виду Кононович Иосиф Иосифович (?–1973), капитан лейб-гвардии Гренадерского полка. В Добровольческой армии в 1-м Офицерском полку генерала Маркова, затем — в Сводно-гвардейском полку. В эмиграции в Югославии и во Франции. Полковник. Умер в Монморанси (Франция). Известно, однако, что жену этого офицера звали Вера Александровна.

128. Кононович Иосиф Казимирович (1863 — после 1939), участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор с 1914 г., генерал-лейтенант с 1919 г. С 1915 по 1917 гг. — командир лейб-гвардии Литовского полка. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии и Вооружённых силах Юга России. В эмиграции во Франции.

129. <http://www.rosislav1.su/forum/showthread.php?t=2321&page=33>.

130. http://vk.com/album-35236816_181436031?act=comments&z=photo-35236816_315892094%2Falbum-35236816_181436031. 24.06.2003 г. знамя было возвращено в Россию.

131. Волков С.В. *Офицеры российской гвардии...* С. 259.

132. Чижков А.Б., Гурская Н.Г. *Указ. соч.* С. 104.

Т.К. ПАСТЕРНАК

ДЕНЕЖНЫЙ ВОПРОС В ЖИЗНИ М.А. БУЛГАКОВА (смоленский период)

*«Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было...
Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны,
из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота.
Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди...
в общем, напоминают прежних...
квартирный вопрос только испортил их...»¹.*

Деньги далеко не всегда отвечают людям взаимностью. Одни говорят, что деньги портят людей, другие, что проверяют на прочность, раскрывая в человеке его внутреннюю сущность. Ю.М. Лотман, говоря о противопоставлении «дом — антидом», отмечает *«иррациональность противоречия между всеобщей погоней за “площадью” <...> и несовместимостью этого понятия с жизнью»*². Тут необходимо дополнить — с духовной жизнью, выражающейся в богатстве внутренней культуры, творчестве, любви. Когда мастер выиграл сто тысяч, то он потратил все свои деньги на книги и превратился из музейного работника и переводчика в писателя и мастера. Но стоило мастеру отказаться от творчества, его дом превратился в подвал: *«...меня сломали, мне скучно и я хочу в подвал»*³. Всеобщая погоня за деньгами также имеет

иррациональную природу. Люди проживают жизнь в погоне за деньгами, так и не осознав, что всю жизнь были в рабстве. И тогда Дух, призванный творить и создавать, превращается в страсть обладания материальными ценностями. Вспомним как сборщик податей Левий Матвей, вставая на путь духовной эволюции, бросает на дорогу деньги и своим поступком вызывает недоумение Римского Прокуратора.

Когда Булгаков в 1916 г. приехал работать в третий Никольский врачебный пункт, он оказался в очень специфических квартирных условиях: *«я содрогнулся, оглянулся тоскливо на белый облупленный двухэтажный корпус, на небелёные бревенчатые стены фельдшерского домика, на свою будущую резиденцию — <...> протяжно вздохнул»*⁴. Хотя вскоре автобиографический герой Булгакова, описываемый в «Записках юного врача», после шокирующих на первый взгляд впечатлений приходит к выводу, что *«человеку, в сущности, очень немного нужно. И прежде всего ему нужен огонь»*⁵. Что касается самого автора «Записок», то, несмотря на трудности, связанные с деревенским бытом, отсутствием опытного врача-наставника, Булгакову в течение нескольких месяцев приходилось работать, не получая ни копейки жалованья от земства. Но это был не случайный жизненный эпизод одного человека, а частный случай, неотделимый от общей, катастрофически сложной экономической ситуации в стране.

*«К 1917 г. задачи, стоявшие перед городами, требовали значительных финансовых средств; изыскивать их мешала узость налоговой базы, сопряжённая с ограничениями, зафиксированными в правовых актах, и мелочным контролем над деятельностью городов со стороны государства. Накануне Февраля положение усугублялось огромным государственным бюджетным дефицитом и быстрым обесценением рубля»*⁶. Примерно в таких исторических условиях оказался молодой

врач Михаил Булгаков, когда прибыл на Смоленщину для работы в селе Никольское, а потом направлен в Вязьму. *«Я в отчаянии, — писал он своей сестре Н.А. Земской, — что из Киева нет известий. А ещё в большем отчаянии я оттого, что не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2000 р. ухнут в море русской революции. Ах, как пригодились бы мне эти две тысячи! Но не буду себя излишне расстраивать и вспоминать о них»*⁷.

Михаил Стеклов в статье о Булгакове пишет, что 24 сентября в Сычёвскую Земскую Управу поступил документ, согласно которому врачу Булгакову полагалось выплачивать *«185 рублей в месяц при разъездах на счёт земства. Из этой суммы Губернская Земская Управа просит Вездную уплачивать врачу Булгакову <...> 125 рублей»*⁸. Перед началом работы *«врачу Булгакову в счёт жалованья Губернской Управой выдано 50 рублей»*⁹.

2 октября 1916 г., когда Булгаков уже находился на службе в Никольском и полностью отдался врачебной деятельности, дефицит бюджета набирал обороты. В результате ему и его коллегам систематически задерживали выплату жалованья. Проводя аналогию с рассуждениями Ю.М. Лотмана о доме и антидоме, где дом выступает средоточием духовности, находящей выражение в богатстве внутренней культуры, — *«духовность образует у Булгакова сложную иерархию: на нижней ступени мёртвая бездуховность, на высшей абсолютная духовность.<...> но между этими полюсами находится широкий и неоднозначный мир жизни»*¹⁰, — перед нами жизненный материал реальных, происходящих с самим писателем. Попытаемся посмотреть на него через призму духовности: катастрофическая экономическая ситуация в стране, смена власти и, несмотря ни на что, необходимость выполнять свой врачебный долг. В условиях экономической

нестабильности всем земским врачам задерживают законное жалование, но при этом каждый из них реагирует по-своему. Так на какой духовной иерархии находится врач Булгаков, в сравнении со своими коллегами, в этой непростой ситуации? *«В распоряжение Губернской Земской Управы врачи резерва призваны: Булгаков 16 июля 1916, Родионов 1 августа 1916 года, Нестеровский 13 сентября 1916 г, Мангуби 27 августа 1916 года и Юсин 22 августа 1916 года»*¹¹.

Первым не выдержал Борис Юсин: 14 сентября 1916 г. — *«Доношу, что мне надлежит получить жалование, квартирные, столовые и дополнительные со времени моего призыва, т. е. с 22 августа»*¹².

4 октября 1916 г. — *«Доношу, что мне надлежит получить жалование, столовые, квартирные и дополнительные деньги с 27 августа 1916 года, каковые прошу выслать в Бельскую Уездную земскую Управу. Лекарь Мангуби»*¹³.

4 октября 1916 г. — *«Доношу, что мне надлежит получить жалование, столовые, квартирные и дополнительные деньги с 1 сентября 1916 года, каковые прошу выслать в Бельскую Уездную земскую Управу. Лекарь Нестеровский»*¹⁴.

6 октября 1916 г. доктор Лазарь Гольдин: *«Прошу выслать мне причитающееся денежное довольствие со дня призыва через Рославльское казначейство по адресу: Рославль, Брянское шоссе, д. Невскаго»*¹⁵.

12 октября 1916 г. — *«Доношу, что мне надлежит получить жалование, квартирные, столовые, и пр. 115 рублей за сентябрь месяц, врач резерва Борис Юсин»*¹⁶.

Следующим не выдержал чиновник Смоленского Губернского правления, который написал в Москву, что *«врач Михаил Афанасьевич Булгаков, согласно отношению Врачебного Отделения от 27 сентября с. г. за № 6638, значится призванным на военную службу с 16 июля. Ввиду продолжительного срока со дня призыва и до сего времени, за которое он, Булгаков,*

не получал жалованья, также отсутствие его личного заявления о выдаче ему жалованья, возникает сомнение, не был ли врач Булгаков уже удовлетворён жалованьем раньше, или же ему, как и другим врачам, согласно отношению Врачебного Отделения от 14-го сентября с. г. за № 6315, подлежит жалованье со дня призыва, о чём Губернская Управа и просит ей подтвердить»¹⁷.

В то же время коллега Булгакова врач С.Д. Родионов обратился в Губернскую Управу с тем же вопросом: *«Покорнейше прошу сообщить, полагается ли мне какое-либо жалованье, если полагается, то в каком размере, и каким образом я могу его получить. Врач земской больницы села Каськово, Дорогобужского уезда, Смоленской губернии»¹⁸.*

В это время, а именно: *«26 октября 1916 года № 7321 Казённая палата открыла по казённому казначейству кредит в сумме 1619 руб. 95 коп.»¹⁹.* Из этого кредита было выплачено жалование в сумме 60 рублей на два месяца — *«8 рублей столовых, 22 рубля добавочных и 25 руб. 71 коп. квартирных в месяц для 15 врачей»²⁰.*

Не обращавшийся на тот момент за жалованием Булгаков в число удовлетворённых жалованьем не входил. Да и до того ли ему было: *«Порою нас заносило вовсе снегом, выла несусветная метель, мы по два дня сидели в Муравьёвской больнице, не посылали даже в Вознесенск за девять вёрст за газетами, и долгими вечерами я мерил и мерил свой кабинет и жадно хотел газет»²¹.* Даже в переписке с родственниками — с момента последнего письма, датированного 20 марта 1915 г., и до 3 октября 1917 г. — значительный перерыв²¹. Хотя подсознательно Булгаков понимал, что работать без жалованья — это грабёж, может быть именно поэтому одна из деревень, описываемых им в «Записках юного врача», носит название «Грабиловка». По данным краеведческого отдела города Вязьмы, деревни с таким названием в начале 20 в. не было.

4 ноября 1916 г. в земскую управу приходит ответ: *«из отношения Московского окружного Военно-санитарного инспектора от 23 августа 1916 года видно, что командированные в распоряжение губернатора г. Смоленска врачи резерва названного управления подлежат удовлетворению содержанием со дня призыва, а потому врачебное отделение, на запрос Губернской Земской Управы от 2 октября с. г. за № 1486/5925, имеет честь сообщить, что врачи Георгий Васильевич Нестеровский, призванный 13 сентября 1916 года, и Михаил Афанасьевич Булгаков, призванный 16 июня 1916 года, должны быть удовлетворены содержанием, как разъяснено Московским Окружным военно-санитарным инструктором, со дня призыва»*²².

После этого сообщения Смоленская Губернская земская Управа принимает решение: 13 врачам резерва, в их числе уже был и Булгаков, выслать жалованье из резервов военного ведомства. *«Врачам резерва обращаться в Уездную земскую управу, командированным врачам, по мере поступления соответствующих кредитов от казначейства, [жалованье] будет высылаться почтой»*²³.

В Госархиве Смоленской области хранится ведомость с расписками в получении жалованья, где отдельной строкой стоит забытый Булгаков и сумма жалованья 404 руб. 98 коп. Сумма жалованья его коллег составила 115 руб. 41 коп. в месяц. Следовательно, жалование Булгакову выплатили за 3,5 месяца²⁴. В том же архивном деле находится телеграмма, датированная 20 мая 1917 г., в которой Булгаков, напоминает губернским властям о своём существовании: *«прошу выслать мне военное жалование за март и апрель. Врач Булгаков»*²⁵. В этом же фонде хранятся возмущённые письма коллег Булгакова: *«Прошу в самое непродолжительное время выслать мне жалованье»* — врач Б. Юсин, *«Прошу сообщить о причине задержки жалованья, не получаю 3-й месяц. Врач*

Любиненко. Гжатская городская больница». Врач с. Биберево в своём письме грозно заметил: *«прошу сообщить, почему мне до сих пор не выслали казённое жалованье в сумме 133 руб. 33 коп. В то время как товарищи врачи Бельского уезда получили таковые за июль, август, я ещё до сих пор не получил за июль и август. Врач А. Шапир*». Примерно то же написал врач Родионов из села Каськово, Дорогобужского уезда. Словом, полная неразбериха творилась с удовлетворением жалованьем врачей Смоленского уезда. А если заглянуть в материалы по Смоленской Губернской земской больнице, то среди прочей информации найдём экономию средств, несовместимую с благоприятными условиями жизни: *«дежурному врачу по 1 руб. 50 коп. в сутки, чай вместо завтрака. Семи врачам по 14 руб. 22 коп. в год каждому»*²⁶.

Как видим, молодой врач Михаил Булгаков, которого никто в России и мире ещё не знал в качестве выдающегося писателя 20 в., оказался в очень сложных общественно-политических и экономических условиях. На его долю выпал жребий работать в глуши, с невежественными людьми, где у него был выбор опуститься до неузнаваемости или укрепить свой характер. С Булгаковым произошло второе. Автобиографический герой Булгакова в «Записках юного врача» заметит: *«Ничего не изменилось, казалось бы, вокруг. Но я сам сильно изменился»*²⁷. Он мог бы опуститься, как сторож Егорыч, и пропивать все деньги:

« — Это свинство. Больничный сторож, а ходишь как босяк.

— Какие ж это деньги, — злобно огрызался Егорыч, — за двадцать целковых в месяц муку мученскую принимать <....> Деньги... тут не то что сапоги, а пить-есть не на что...

*— Пить-то тебе самое главное, — сипел я задыхаясь, — оттого и шляешься оборванцем...»*²⁸.

Понимая, что люди таких убеждений как Егорыч не смогут составить ему компанию, автобиографический герой Булгакова

сравнивал себя с отшельником, оказавшемся на необитаемом острове. И втайне восхищался одним англичанином, который, находясь на необитаемом острове, брился каждый день. И при этом Булгаков не потерял себя, вдали от родных и близких, любимого оперного театра. Несмотря на полную неразбериху с оплатой своего труда, он выполнял свой врачебный долг, без оглядки на перипетии своего времени. И в тот момент, когда озабоченный чиновник писал в Москву, для того чтобы выяснить, почему Булгаков не обращается за жалованьем, Михаил Афанасьевич укреплял свой дух. Во всех его произведениях, особенно в романе «Мастер и Маргарита», лейтмотивом проходит мысль о тщетности человеческих надежд на «спасительную» функцию денег. Ведь никакими деньгами невозможно спасти заблудшую душу, вернуть утраченную честь, воскресить любовь. А примером из своей врачебной практики Булгаков доказал, что врачебная клятва, выражающая основополагающие морально-этические принципы поведения врача, и её выполнение зависят от того, на какой ступени духовной иерархии находится человек, а не от размера выплачиваемого ему жалования.

Примечания

1. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // Собрание сочинений в 5 т. М., 1989. Т. 5. С. 123.
2. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. СПб., «Азбука», 2014. С. 284.
3. *Булгаков М.А.* Указ. соч. С. 284.
4. *Булгаков М.А.* Записки юного врача // Собрание сочинений в 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 77.
5. Там же. С. 72.
6. *Ривкин Б.Б.* Финансовая политика в период Октябрьской революции. М., 1957. С. 15.

7. *Михаил Булгаков. Дневник. Письма. 1914–1940.* М., Современный писатель, 1997. С. 10.

8. *Стеклов М.* Загадка писателя Михаила Булгакова // *Край Смоленский.* № 3–5. 1994. С. 222.

9. ГАСО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.

10. *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 287.

11. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Связка 8. Д. 59. Л. 11.

12. Там же. Л. 12.

13. Там же. Л. 18.

14. Там же. Л. 19.

15. Там же. Л. 17.

16. Там же. Л. 21.

17. Там же. Л. 29.

18. Там же. Л. 40.

19. Там же. Л. 44.

20. Там же. Л. 33.

21. *Булгаков М.А.* Записки юного врача // *Собрание сочинений* в 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 125.

22. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Связка 8. Д. 59. Л. 48.

23. Там же. Л. 50.

24. Там же. Л. 54.

25. Там же. Л. 95.

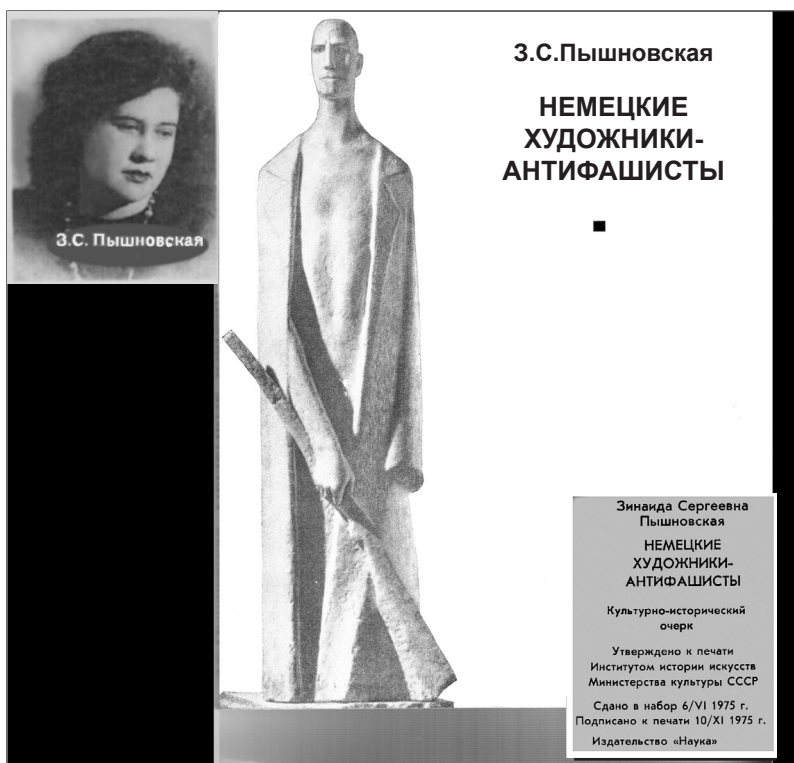
26. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Связка 1. Д. 17.

27. *Булгаков М.А.* Записки юного врача // *Собрание сочинений* в 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 122.

28. Там же. Пропавший глаз. С. 123.

З.С. ПЫШНОВСКАЯ

**ХУДОЖНИКИ — ЖЕРТВЫ ФАШИЗМА
И ЕГО ПРОТИВНИКИ**
(Германия, 1933–1945 гг.)

Редакторскую доводку рукописи покойного автора З.С. Пышновской выполнила Т.В. Васильченко. Все уточнения сделаны по книге З. Пышновской «Немецкие художники-антифашисты», её личной картотеке и Интернету.

АБАРБАНЕЛЛ, Ганс¹ — график и скульптор. После 1933 г. эмигрировал в Прагу, в 1939 г. в Англию. Октябрь 1942 г. — участник совместной выставки английских и немецких скульпторов в Лондоне (5 рисунков). Жил в Англии, торговал произведениями искусства.

АДЛЕР, Янкель (26.07.1895, неподалёку от Лодзи² — 25.04.1949, Лондон) — живописец. 1914 г. — живёт в Германии, учится в школе прикладного искусства в Бонне, 1922 г. — Дюссельдорф. Член группы «Новая рейнская земля»; член группы «Прогрессивных». Вместе с А. Редершайдтом и В. Гиллисом издаёт журнал «Z-A». Член Дюссельдорфского отделения АССО. 1933 г. — эмигрировал в Париж. 1935–1937 гг. — Польша, Италия, Балканы, Советский Союз. Выставка работ в Варшаве. 1937 г. — вернулся в Париж. 1939 г. — идёт добровольцем в польский легион (Франция). 1941 г. — выставка в Глазго. В 1943 г. переселился в Лондон.

Работы — «Два раввина», х., м., 1942; «Искалеченные», х., м., 1942–43.

АЙКМАЙЕР, Петер-Пауль (1890–1962, Берлин) — график, работал для «Роте Фане», «Голоса рабочего» (Дрезден). 1911 г. — член Социал-демократической партии Германии; 1921 г. — член КПП; 1928 г. — член Дрезденского отделения АССО; 1933 г. — превентивный арест. После 1945 г. жил и работал в ГДР.

АППЕН фон, Карл (12.05.1900 — ³) — театральный художник. Учился в Дрездене, член Дрезденского отделения АССО. 1935–1941 гг. — один из активных участников дрезденской подпольной организации, созданной по инициативе художника Ф. Шульце и писателя Х. Бохова. 11–13 марта 1942 г. вместе с товарищами предстал перед судом по

¹ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

² Тушин, близ Лодзи, Польша (Прим. ред.).

³ 12.05.1900, Дюссельдорф — 22.08.1981, Берлин (Прим. ред.).

художник Айкмайер

обвинению в «измене родине». Был приговорён к пожизненному заключению, освобождён частями Советской Армии 8.05.1945 г. из тюрьмы Вальдхайм. Работал в «Берлинер Ансамбль» (ГДР).

БАЙЕР, Херберт (1900, Австрия — ⁴) — художник-прикладник. 1919 г. — учился в школе прикладного искусства в Линце, 1921–1923 гг. — Баухауз (Веймар), ученик В. Кандинского. 1925–1928 гг. — Баухауз (Дессау) — мастер-шрифтовик; 1928–1938 гг. — руководитель Дорланд-студии в Берлине. 1938–1946 гг. — Нью-Йорк. С 1946 г. занимался архитектурой и графикой в Колорадо.

БАЙЕР-РЕД, Альфред (1.11.1902 — ⁵) — график. 1917–1923 гг. — типографский рабочий, учился на вечерних курсах при Берлинской школе прикладного искусства. 1923 г. — член КПП. 1928 г. — один из основателей Берлинского отделения АССО. 1924–1933 гг. — карикатурист, сотрудничает в коммунистической прессе. 1930–1932 гг. — несколько карикатур для «Правды». 1933 г. — уходит в подполье. После 1945 г. работает в прессе ГДР. Участник выставки «Карикатура как оружие» (Берлин, Москва, 1969–1970 гг.).

БАЛУШЕК, Ганс (9.05.1870, Вроцлав — 28.09.1935, Берлин) — график и живописец; 1889–1894 гг. — учился в Высшей Берлинской художественной школе. С 1897 г. — член «Берлинского сецессиона», с 1913 г. — «Свободного сецессиона»; сотрудничал в журналах «Дер варе Якоб», «Симплициссимус», в газетах «Зихель унд Хаммер» и «АИЦ» — печатных органах Межрабпома. 1933 г. — запрещено выставлять свои работы как «марксистскому художнику».

⁴ 5.04.1900, Хааг, близ Зальцбурга — 30.09.1985, Монтесито, Калифорния (Прим. ред.).

⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

БАЛЬДЕН, Тео (Св. Катарина, Бразилия, 6.02.1904 — ⁶) — скульптор и график. 1922–1923 гг. — учился в Баухаузе, у Л. Мохой-Надь и О. Шлеммера. 1928 г. — член КПП; 1929 г. — член Берлинского отделения АССО; 1933 г. — член одной из подпольных антифашистских организаций берлинских художников; 1934 г. — арестован гестапо; 1935–1939 гг. — Прага; 1937 г. — один из основателей и председатель «Союза Оскара Кокошки». 1939–1947 гг. — Лондон, один из основателей «Лиги свободной немецкой культуры». Лето 1942 г. — участник выставки немецких художников; октябрь 1942 г. — совместной выставки немецких и английских художников; апрель — май 1946 г. — персональная выставка в помещении интернационального клуба «Дерби»; передвижная выставка в городах центральной Англии. Всё, сделанное в Чехословакии, исчезло бесследно, как и работы, оставшиеся в Германии. Находясь в Чехословакии, вместе с М. Кайльзоном выпустил три номера журнала «Антикунсткамера» (Геббельс выпускал журнал «Кунсткамера»), предназначенного прежде всего для распространения в Германии. Жил и работал в Берлине. Лауреат национальной премии, член-корреспондент Германской Академии искусств (ГДР).

БАРЛАХ, Эрнст (22.01.1870, Ведель — 24.10.1938, Росток) — скульптор, график и писатель. 1891–1895 гг. — учился в Дрезденской Академии художеств. Затем — Париж, Флоренция. С 1900 г. — Берлин. 1906 г. — поездка в Россию, по городам и сёлам Украины, сыгравшая большую роль в творческом становлении художника. С 1910 г. — Гюстров. 1919 г. — действительный член Прусской, в 1925 г. — почётный член Мюнхенской Академии художеств. После 1933 г. 381 произведение Барлаха было изъято из государственных собраний. Многие скульптуры проданы

⁶ Настоящие фамилия и имя Кёлер Отто, 6.02.1904, Рио-Рафаэль, близ Блуменау, Бразилия — 30.09.1995, Берлин (Прим. ред.).

художник Э.Барлах

в Швейцарию, значительная часть графических листов уничтожена. Из церквей Любека, Киля, Гамбурга, Магдебурга, Гюстрова удалена мемориальная скульптура. Одна из лучших работ Барлаха — «Памятник жертвам войны» (Собор в Гюстрове) была уничтожена. В 1937 г. лишён возможности выставлять и продавать свои работы, вынужден «добровольно» покинуть Прусскую Академию художеств.

БАРТЕЛЬС, Рудольф (11.1872, Шверин — 02.1943⁷, Росток) — живописец. 1897–1900 гг. — обучался ремеслу художника-декоратора в Берлинской школе прикладного искусства, затем занимался у художника-пейзажиста Теодора Хагена. С 1908 г. — Шверин. 1914–1917 гг. — солдат. В 1917 г. отпущен из армии как «непригодный к несению воинской службы». 1933 г. — запрещено выставляться: «Дружба с еврейскими семьями, отрицательное отношение к фашизму, которое он не пытался скрывать, привели его в тюрьму»⁸.

БАРЦ, Матиас (1896 — ⁹) — живописец. Дюссельдорф, Круг Отто Панкока. В 1936 г. был арестован вместе с женой. Выпущенный на свободу, скрывался до 1945 г. Жил в ФРГ.

БАУМАЙСТЕР, Вилли (22.01.1889,¹⁰ — 31.08.1955, Штутгарт) — живописец и график. Учился в Штутгартской Академии художеств. 1914–1918 гг. — солдат. 1924–1927 гг. — Париж. 1928 г. — проф. Художественного института Штеделя во Франкфурте-на-Майне. 1933 г. — освобождён от занимаемой должности, объявлен вне закона, возвращается в Штутгарт. 51 работа конфискована. 1933 г. — Париж, восстановил связи с Ф. Леже и Корбюзье. С 1946 г. в Штутгарте — профессор Академии художеств.

⁷ 1946 (Прим. ред.).

⁸ *Bernitt I.* Rudolf Bartels — ein mecklenburgischer Maler // *Bildende Kunst*. 1966. № 1. S. 24.

⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁰ Штутгарт (Прим. ред.).

Работы: «Шагающая фигура», х., м., песок, 1934; «Фигуры с белым прямоугольником», уголь и карандаш, 1935; «Каменный сад», х., м., 1939.

БЕЙЕР, Том (14.05.1907, Мюнстер — ¹¹) — живописец. 1924–1927 гг. учился в школе прикладного искусства в Мюнстере, Дюссельдорфе, у Эрнста Норлинда (Швеция). Был в Дании, Финляндии, Франции, Испании, Швейцарии, Венгрии, Югославии, Италии и Албании. 1931 г. — осел в Берлине, член КПП, активное участие в партийной работе, которую продолжал и после 1933 г. в подполье. В конце концов должен был уехать из Берлина в Гэрен на Рюгене (Северная Германия). Было запрещено выставлять свои работы. Жил в ГДР.

БЕКМАН, Макс (12.02.1884, Лейпциг — 27.12.1959, Нью-Йорк) — живописец и график. 1899–1907 гг. — учился в Веймарской художественной школе, ездил в Париж, Женеву и Флоренцию. 1907–1914 гг. — Берлин. 1914–1915 гг. — санитар на фронте. В 1920-е гг. примыкает к художникам «Ноябрьской группы». 1915–1925 гг. — профессор художественного института во Франкфурте-на-Майне. 1933 г. — освобождён от занимаемой должности, запрещено выставлять работы; 509 картин, рисунков, литографий удалены из музеев. Художник объявлен вне закона. 1933–1937 гг. — Берлин. 1937–1947 гг. — Амстердам. Связи с участниками голландского движения Сопротивления, с немецкими художниками в Англии и Франции. 1947–1950 гг. — США, принимает американское подданство. Рисунки 1925–1940 гг. были уничтожены в то время, когда в Голландию вошли фашисты.

БЕЛЛИНГ, Рудольф (26.08.1886, ¹² — 9.06.1972, Мюнхен) — скульптор. 1911–1912 гг. — учился в Берлинской Академии художеств у П. Бройера. Один из основателей «Ноябрьской группы». В 1933 г. Беллинг был вынужден эмигрировать

¹¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹² Берлин (Прим. ред.).

в США; в 1936 г. получил приглашение в Истамбульскую Академию (Турция). Ряд работ Беллинга был экспонирован на выставке «выродившегося» искусства в Мюнхене. В 1966 г. вернулся в ФРГ.

Работы: Памятник Ататюрку в Анкаре.

БЕРГЕР, Маргарет¹³ — живописец. Училась в школе прикладного искусства в Вене. Выставляла свои работы в Берлине, Праге, Вене и Риме. В 1936 г. эмигрировала в Англию. Участник совместной выставки английских и немецких художников в Лондоне в июне 1946 г.

БЕРТ (псевдоним, за которым скрывается неизвестный художник) — карикатурист. С 1933 г. в Чехословакии. Работал в «Геген-ангрифф», «Форвертс», «Симпликус», «Прагер прессе», «Прагер тагеблатт». Участник выставки карикатуры, организованной обществом «Манес» в 1934 г. в Праге, 18.04.1934 г. нота австрийского посла — «удалить с выставки работы... Берта и Хартфильда». С 1938 г. — Париж. Пропал без вести.

БЁКШТИГЕЛЬ, Петер Август (1889,¹⁴ — 22.03.1951, Арроде) — живописец и график. Учился в школе прикладного искусства (Билефельд), в Дрезденской Академии художеств. 1919–1946 гг. живёт в Дрездене. Один из основателей «Дрезденского сецессиона» и «Группы 1919». 91 работа конфискована. В 1945 г. во время одной из бомбардировок Дрездена погибла мастерская со всеми находящимися там работами.

БИРКЛЕ, Альфред (21.04.1900, Берлин — ¹⁵) — график и живописец-монументалист. Учился в Берлинской Академии художеств. 1923 г. — член «Берлинского сецессиона»;

¹³ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

¹⁴ Вертер, Северный Рейн — Вестфалия (Прим. ред.).

¹⁵ Год смерти неизвестен. Возможно, это Биркле Альберт (21.04.1900, Берлин — 29.01.1986, Зальцбург) (Прим. ред.).

преподаватель Кёнигсбергской Академии художеств. 1933 г. — преследуемый художник уехал в Зальцбург (Австрия). Жил в Австрии.

Работы: «Вторжение фашистов в Австрию», рисунок углём, 1939.

БИШОФ, Эрих Арнольд (1899 — ¹⁶) — живописец и график. Член КПП. 1933 г. — превентивный арест, исключён из «имперского союза художников», эмигрировал в Чехословакию. В 1939 г. — в Англию. Член «Лиги свободной немецкой культуры», участник совместной выставки немецких и еврейских художников в феврале 1943 г. в Лондоне (5 рисунков).

БЛЕНСДОРФ, Эрнст¹⁷ — скульптор, профессор. Эмигрировал в Англию. Член «Лиги свободной немецкой культуры». Участник совместной выставки английских и немецких скульпторов в Лондоне в октябре 1942 г. (4 рисунка).

БЛЮМЕНТАЛЬ, Герман (31.12.1905, Эссен — 17.08.1942, убит на советском фронте) — скульптор. Учился в Фолькванг-шULE (Эссен), в Высшей Берлинской художественной школе, ученик проф. Герстля. Один из организаторов «Красного студенческого союза» в Высшей Берлинской школе.

Работы: «Блудный сын», бронза, I-й и II-й варианты, 1933–1934; «Автопортрет», 1935; «Шагающий», 1935–1936; «Всадник», 1936; «Звездочёт», 1936; «Пастух», 1937; «Поющая девушка», 1939.

БРУЗЕ, Герман (7.04.1904, Хамм, Северный Рейн — Вестфалия — 25.05.1953, Берлин) — живописец и прикладник. С 1917 г. в Магдебурге, учился на вечерних курсах при школе прикладного искусства. 1932 г. — член КПП, работает для подпольной газеты «Трибуна». 1933–

¹⁶ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁷ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

1936 гг. был арестован (тюрьма в Луккау), затем находился под надзором гестапо, запрещено работать и выставяться. С 1943 г. — член подпольной организации Зефкова, 1944 г. — арестован и приговорён к смертной казни. Освобождён частями Союзных армий. С 1947 г. в Берлине, с 1948 г. преподаватель института художественного воспитания при Гумбольдтовском университете.

Работы: «Моя мать в гробу», м., 1938; «Автопортрет с зеркалом», м., 1933; «Агитатор», м., 1941; «Освенцим», 1942, «Сумасшедший на развалинах», 1942, «Мать», 1943 — гравюры на дереве; «Товарищ в тюрьме Луккау», 1933–1935, карандаш.

1959 г. — мемориальная выставка в Магдебурге.

БУРКХАРД, Генрих (1904, Альтенбург, Тюрингия — ¹⁸) — график. 1924–1931 гг. учился в Дрезденской Академии художеств. 1931 г. — член «Дрезденского сецессиона». В 1937 г. — конфисковано 5 работ. В 1945 г. во время одной из бомбардировок Дрездена погибла мастерская со всеми находившимися там работами. Жил и работал в ГДР. Профессор прикладного искусства Высшей Берлинской школы изобразительного искусства.

ВАЙЗЕНБОРН, Хельмут (1898, Лейпциг — ¹⁹) — живописец и график. Учился в Лейпцигском университете и Академии графических искусств. 1926–1937 гг. — доцент этой Академии. 1937 г. — эмигрировал в Лондон. 1939 г. — член «Лиги свободной немецкой культуры».

ВАЙНБЕРГ, Эрвин (1914, Фрайберг — ²⁰) — живописец. 1937 г. — эмигрировал в Палестину. Затем учился в Парижской Академии искусств. С 1940 г. в Англии. Член «Лиги свободной немецкой культуры». Участник совместной выставки немецких

¹⁸ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

²⁰ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

и европейских художников в феврале 1943 г. и выставки немецких художников в июле 1946 г. в Лондоне.

ВАЙСС, Эмиль Рудольф (1875–1942²¹) — живописец, график. 1.04.1933 г. — «марксистско-еврейский элемент» (плакат у входа в Прусскую Академию). Июль 1937 г. — «добровольно» вышел из состава Прусской Академии художеств.

ВЕБЕР, Андреас Пауль (1893— ²²) — график. 1914–1918 гг. — солдат. 1932 г. — иллюстрации к очерку Эрнста Никиша «Гитлер, судьба Германии». Вплоть до ареста (1937 г.) сотрудничал в журнале Э. Никиша «Сопrotивление». Один из прогрессивных графиков ФРГ, работы которого часто воспроизводились в прессе ГДР. Участник выставки художников круга журнала «Тенденцен» в ГДР (1966 г.).

ВЕРКМАН, Хендрик Николас (— 10.04.1945²³) — график. Эмигрировал в Голландию (Гронинген). Там опубликовал и иллюстрировал «Хасидские легенды» М. Бубера, стихи Г. Тракля, Ф.Р.А. Хенкельса, Шарля Пеги и др. Средствами искусства боролся «за право человека на терпимость и свободу»²⁴. Был арестован в конце 1942 г. и расстрелян 10.04.1945.

ВИНКЛЕР, Отто²⁵ — скульптор. Дрезден. В 1934 г. запрещено работать.

ВИНКЛЕР, Фриц²⁶ — живописец и график. Учился в Дрезденской Академии художеств. Член социал-демократической партии. Друг Эриха Кнауфа. 1933 г. — для фашистов он — «дегенеративный» художник. 1937 г. —

²¹ 12.10.1875, Лар — 7.11.1942, Меерсбург (Прим. ред.).

²² Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

²³ 1882, Гронинген — 10.04.1945, Гронинген (Прим. ред.).

²⁴ *Grieshaber H.* Hommage á Werkmann // *Tendenzen*. 1961. № 9.

²⁵ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

²⁶ 1894–1964 (Прим. ред.).

художник Вебер

24 работы конфискованы. 1945 г. — почти все работы и мастерская погибли во время бомбардировки Дрездена.

ВОЛЛЕ, Ганс-Петер (1905, Трир — ²⁷⁾ — график-карикатурист. Учился в Высшей школе Бремена. 1927–1933 гг. — редактор «Арбайтер-Цайтунг» (Бремен). Руководитель агитпропгруппы «Роте Репортер». После 1933 г. — тюрьма, концлагерь, штрафной батальон. Подвергался преследованиям за политическую деятельность в ФРГ (процесс 1958 г. в Карлсруэ — В. — главный редактор «Бадишен Фольксботен»). Жил в ФРГ, участник выставок «Интерграфика» в ГДР 1967 и 1969 гг.

ВОЛЬС (Альфред Отто Вольфганг Шульце, 1913–1951²⁸) — живописец. 1932 г. — уехал в Париж. 1939 г. — был интернирован во Франции, бежал и скрывался от мобилизации в фашистскую армию.

ВОЛЬСФЕЛЬД, Эрих (1884–1956²⁹) — живописец и график. 1936 г. — освобождён от занимаемой им должности преподавателя Государственной Берлинской объединённой школы (еврей). 1939 г. — эмигрировал в Англию. Член «Лиги свободной немецкой культуры».

ВОЛЬХАЙМ, Герт Хайн (1894, Дрезден — ³⁰) — живописец и график. Учился в Веймарской художественной школе и у Л. Коринта в Берлине. 1920–1925 гг. — один из основателей и членов группы «Молодая рейнская земля» в Дюссельдорфе. Член КПП и АССО (Дюссельдорф). 1933 г. — эмигрировал в Париж. Конфисковано 20 работ. 1936 г. — член «Союза свободных немецких художников» во Франции. 1939–1940 гг. — Мексика, потом США. Жил в Нью-Йорке.

²⁷ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

²⁸ 27.05.1913, Берлин — 1.09.1951, Париж (Прим. ред.).

²⁹ 1884, Пруссия — 1956, Англия (Прим. ред.).

³⁰ 1974 (Прим. ред.).

Работы: Гурс I. Смешанная техника, 1940; Гурс II. Смешанная техника, 1941.

БОРНЕР, Гайнц (12.12.1910, Берлин-Шарлоттенбург — ³¹⁾ — скульптор. Учился в школе прикладного искусства (Берлин). 1929–1931 гг. работал штукатуром на стройке. 1931 г. — член КПГ, в составе рабочей делегации был в СССР. 1934–1937 гг. работает как скульптор. Был арестован гестапо (Колумбия-Хауз и «знаменитые» подвалы принц Альбертштрассе); весной 1937 г. угрожал второй арест (подпольная антифашистская работа). 1937 г. — эмигрировал в Прагу. Один из основателей «Союза Оскара Кокошки». 1939 г. — эмигрировал в Англию. Руководил там секцией изобразительного искусства «Лиги свободной немецкой культуры». В 1939 г. был интернирован. В 1946 г. вернулся в Германию. Преподавал скульптуру в Высшей школе изобразительного искусства (Берлин-Вайсензее — ГДР).

Работы: «Болотные солдаты», бронза, рельеф, 1940; «Портрет Мины Фритч» (подпольщицы, 40 раз переходившей чешскую границу с опасностью для жизни), бронза, 1943; Автопортрет в канадском лагере для интернированных, рисунок, 1940; «Наш путь» — серия из 6 барельефов, тонированный гипс, 1939–1940 гг. Участвовал во всех выставках, устраивавшихся немецкими художниками в Лондоне.

БЮСТЕН, Иоханнес (4.10.1896, Гейдельберг — 26.04.1943, тюрьма Бранденбург-Гарден) — график, живописец, публицист (псевдоним Петер Никль) и писатель. 1914 г. — учился живописи у О. Модерзона в Ворпсведе. 1916–1918 гг. — солдат. 1919 г. — один из основателей «Нового сецессиона» в Гамбурге. С 1922 г. живёт в Гёрлице. 1931 г. — сотрудничает в «Вельтбюне», член МОПРа. 1932 г. — член КПГ. 1933 г. — один из руководителей антифашистского подполья в Гёрлице.

³¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

1934 г. — эмигрировал в Прагу. Статьи и карикатуры для антифашистской прессы — «АИЦ», «Роте Фане», «Гегенангриф», «Фольксцайтунг», «Фольксиллюстрирте», «Симиль», «Прагер прессе», «Богемия». Член «Союза Оскара Кокошки». 1938 г. — эмигрировал в Париж. 1941 г. — арестован гестаповцами в одной из парижских больниц и выслан в Германию. 1942 г. — приговорён к пятнадцатилетнему заключению. 1943 г. — умер.

ВЮСТЕН-КЭППЕН, Дорстен (1893—³²) — живописец и график. (Жена И. Вюстена). Училась в Мюнхене, Берлине, Дюссельдорфе. 1935 г. — эмигрировала в Прагу и в 1939 г. — в Англию. Член «Союза Оскара Кокошки», член «Лиги Свободной немецкой культуры». Жила в Берлине.

ГАЙГЕР, Вилли (27.08.1878, Шёнбрунн — 1971, Мюнхен³³) — живописец и график. 1903–1905 гг. учился в Мюнхенской Академии художеств. 1905–1914 гг. — Италия, Испания, Мюнхен, Берлин. 1915–1916 гг. — солдат. 1919–1927 гг. — профессор школы прикладного искусства (Мюнхен). 1928–1933 гг. — профессор Академии графических искусств (Лейпциг). 1933 г. — освобождён от занимаемой должности за то, что во всеуслышание назвал Гитлера «величайшим разбойником нашего века». Многие работы художника были уничтожены. С 1946 г. жил в Мюнхене.

Работы: офорты «Диктатор», 1931, «Война» (I-й и II-й варианты), 1943, «Расплата», «Страх», «Умоляющие женщины» (1944).

ГАРТУНГ, Ганс (1904, Лейпциг —³⁴) — живописец и график. 1924–1927 гг. учился в Лейпцигском университете. 1927–1931 гг. — Франция и ряд других стран. 1934 г. — вернулся в Германию. 1935 г. — эмигрировал в Париж. Был близок

³² Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

³³ 27.08.1878, Ландсхут, Бавария — 11.02.1971, Мюнхен (Прим. ред.).

³⁴ 1989, Антиб (Прим. ред.).

к «Союзу свободных немецких художников», принимал участие в его художественно-политических мероприятиях. 1939 г. — вступил в иностранный легион (1944 г. — тяжёлое ранение). С 1945 г. жил в Париже.

Работы: «Акварель», 1935; Т 1935 — 2; Т 1936 — 2; Т 1937 — 1; Т 1938 — 31. Масло, холст.

ГЕЙНЕ, Томас Теодор (1867, Лейпциг — 26.01.1948, Стокгольм) — график. Учился в Дюссельдорфской Академии художеств. С 1889 г. — Мюнхен. Сотрудничал в «Флигенде блеттер», «Югенд». 1896 г. — фактический основатель журнала «Симплициссимус». 2 мая 1933 г. перешёл чешско-немецкую границу, жил в Праге, Брно. С октября 1938 г. — Осло, с декабря 1942 г. — Стокгольм. 20.09.1946 г. — стал гражданином Швеции. Июнь — сентябрь 1933 г. — выставки его работ в галерее Г. Файгля; февраль 1934 г. — Брно, 6.04–6.05.1934 г. — интернациональная выставка карикатуристов («Манес»). В числе работ, удалить которые требовал немецкий посол, — рисунок Г. «Чёрная мельница» (1903). В Чехословакии был опубликован целый ряд статей Гейне (воспоминания).

Работы: Чехословакия — около 300 рисунков (из них 190 в «Прагер Тагеблятт»), в «Прагер прессе», «Прагер Монтаг», «Людове Новини». Норвегия — в «Ослоер дагбладет». Швеция — в «Зондагениссе штрикс», «Гётеборгер хандельстыдинг».

ГЕРИГ-ТАРГИС, Франц-Эдвин (22.05.1896, Берлин — ³⁵⁾ — живописец. По образованию художник-прикладник. 1918 г. — участник революционных боёв, был арестован. 1925 г. — член КПП. 1928 г. — один из основателей АССО (Берлин). 1933–1945 гг. — подпольная антифашистская работа. Жил в Берлине, доцент Высшей школы прикладного искусства.

ГИМПЕЛЬ, Бруно (1886, Росток — 28³⁶.04.1943, Дрезден) — живописец и график. Учился в Дюссельдорфской

³⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

³⁶ 27 (Прим. ред.).

школе прикладного искусства и Дрезденской Академии художеств. Член социал-демократической партии. В 1935 г. — запрещено работать и выставлять свои работы. 1938 г. — арест; 27.04.1943 г. покончил жизнь самоубийством во избежание отправки в лагерь уничтожения.

ГИСС, Людвиг (1887—³⁷) — скульптор, профессор. 1.04.1933 г. — «марксистско-еврейский элемент» (плакат у входа в Прусскую Академию). Июль 1937 г. — «добровольно» вышел из состава Прусской Академии художеств.

ГЛИХМАН, Отто (1887—³⁸) — живописец и график. 1906–1910 гг. учился в Дюссельдорфе, Вроцлаве и Веймаре. 1914–1918 гг. — солдат. 1933 г. — для фашистов он — «дегенеративный» художник. Многие работы были изъяты из государственных собраний и уничтожены. Жил в Ганновере.

ГОВА, Герман-Генри (1902, Гамбург —³⁹) — театральный художник, живописец и график. 1922–1924 гг. — учился в университете и Академии художеств (Мюнхен). В качестве театрального художника работал в Мюнхене, Лейпциге, Шверине, Кёнигсберге. Дружба с Ф. Мазереелем. Работал во Франции в качестве живописца и архитектора. Жил в Берлине.

Работы: «Отступление», масло, 1941.

ГОДАЛЬ, Эрих⁴⁰ — живописец и карикатурист. 1933 г. — эмигрировал в Чехословакию. Участник выставок «Манес» (Прага). 1935 г. — эмигрировал в США (Нью-Йорк).

Работы: «Второй удар. Выбирайте Гинденбурга!» (10.04.1932 — плакат).

ГРАФ, Артур (1911, Карлсруэ —⁴¹) — живописец и график. Учился в Высшей школе изобразительного искусства

³⁷ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

³⁸ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

³⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁴⁰ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

⁴¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

(Карлсруэ). После 1933 г. — получил 5 лет концлагеря за участие в подпольной антифашистской работе. Жил в Карлсруэ.

ГРЕЦ, Рене (1908, Берлин — ⁴²) — скульптор, график и живописец. 1930 г. — Капштадт; 1939–1940 гг. — Лондон, лагерь для интернированных; член «Лиги свободной немецкой культуры». Участник совместной выставки немецких и английских скульпторов (октябрь 1942 г.), немецких и еврейских художников (февраль 1943 г.) в Лондоне. 1946 г. — вернулся в Германию. Жил в Берлине.

Работы: «Эмигрантское семейство», рисунок пером, 1943.

ГРЖИМЕК, Вальдемар (1918, Растенбург — ⁴³) — скульптор. 1929–1934 гг. — Высшая Берлинская художественная школа, ученик проф. Герстя. Член «Красного студенческого союза». До 1961 г. — ГДР, после 1961 г. — Западный Берлин.

ГРИБЕЛЬ, Отто (31.03.1895, Мееране — 7.03.1972, Дрезден) — график и живописец. 1909–1915 гг. учится в Дрезденской школе прикладного искусства. 1915–1918 гг. — солдат. По возвращении с фронта — член Совета рабочих и солдатских депутатов (Дрезден), член только что основанной КПП. 1922 г. — заканчивает учение. Один из основоположников немецкого «веризма». Член «Дрезденского сецессиона». Сотрудничает в коммунистической прессе. Делает листовки и плакаты для Межрабпома и МОПРа. Для Штриеливица и его «Красной труппы» выполняет костюмы и декорации. Для кукольных театров, которыми КПП пользовалась как средством массовой агитации, делает куклы. Участник выставок в Берлине («Ноябрьская группа»), в СССР (1-я общегерманская выставка, 1924 г.). Один из основателей АССО в Дрездене. Май 1933 г. — арестован гестаповцами и заключён в «Матильду»⁴⁴. Затем

⁴² 1974, Берлин (Прим. ред.).

⁴³ 5.12.1918, Растенбург — 26.05.1984 (Прим. ред.).

⁴⁴ Тюрьма в Дрездене (Прим. ред.).

был установлен полицейский надзор. Работы Грибеля были на выставках: сентябрь 1933 г. — «Зеркало упадка в искусстве» (Дрезден); 1937 г. — выставка «Выродившееся искусство» (Мюнхен); 1939 г. — все его работы в числе многих других были сожжены в Берлине.

ГРИММЕ, Отто (1883–⁴⁵) — живописец. После 1933 г. для фашистов он — «дегенеративный» художник.

ГРИСХАБЕР, Хельмут Андреас Пауль (сокращённо ХАП, 15.02.1909, Рот,

Верхняя Швабия — ⁴⁶) — график, живописец, скульптор и дизайнер. 1926–1928 гг. учился в школе прикладного искусства Штутгарта. С 1928 г. живёт в Ройтлингене. После 1933 г. художник-антифашист, почти не работает. Для узкого круга единомышленников, вместе с рядом других художников (в том числе В. Баумайстером), выпускает цикл «Ройтлингенских гравюр». После 1945 г. — жил в ФРГ. 1956–1960 гг. — профессор Академии художеств в Карлсруэ (преемник Э. Хеккеля), 1956 г. — действительный член Западберлинской Академии художеств. Известен своими работами в защиту демократической Кореи, Греции и Вьетнама.

ГРОМАН, Ганс⁴⁷ — живописец и критик. Член АССО (Дрезден). 26 мая 1933 г. убит эссовцами в Калькумском лесу, неподалёку от Дуисбурга. (Эти сведения даёт Р. Хипе. Д. Шмидт пишет, что в числе Дрезденского АССО такого художника не было).

ГРОСС, Георг (26.07.1893, Берлин — 6.07.1959, Западный Берлин) — график и живописец. Учился в Дрездене и Берлине (1909–1912 гг. Академия художеств; 1912 г. — школа

⁴⁵ Год смерти неизвестен. Возможно, это Гримм Артур (1883–1948) (Прим. ред.).

⁴⁶ 12.05.1981, Энинген-унтер-Ахальм, Баден-Вюртемберг (Прим. ред.).

⁴⁷ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

Zeichnung von George Grosz

ist Euch immer gewiß!

Zerschossene Glieder, Arbeitslosigkeit, Abbau, Wohnungsnot, Krankheit, Siedruhm, Kälte, Hunger, Lumpenkleidung, Teuerung

... unaufhörlich ist dieser Dank des Vaterlandes

Alle Regierungen der letzten 6 Jahre, wir wurden sie müde, diese Gaben mit vollen Händen über Euch auszusütten.

Jetzt kauft Ihr Gelegenheits, diesen alten Volksgenossen alle ihre Wohltaten zu vergelten.

Bedankt Euch am 7. Dezember für den Dank des Vaterlandes!

Schließt Euch den Kommunisten an!

Nur die Kommunisten stehen Euch bei, es ihnen heimzuzahlen!

художник Гросс

прикладного искусства; 1912–1916 гг. — ученик О. Орлика), 1914 — начало 1916 г. — солдат. 1918 г. — член КПП, один из основоположников немецкого дадаизма, член «Ноябрьской группы», «Красной группы», АССО. 1916–1933 гг. рисует для издательства «Малик», коммунистических газет и журналов — «Пляйте», «Кнюппель», «Гегнер», «АИЦ», «Роте Фане» и др. 1923 г. «за оскорбление морали» (серия «Ессе Номо») предан суду и должен заплатить денежный штраф в сумме 6 000 марок. 1928 г. за богохульство (серия рисунков «Кулисы») приговорён к денежному штрафу в сумме 2 000 марок. Летом 1932 г. получает приглашение «Art Students Leaque» (Нью-Йорк). Едет в США, возвращается в октябре месяце и в январе 1933 г. вновь уезжает в Нью-Йорк. 1937 г. — произведения Гросса на выставке «Выродившееся искусство» в Мюнхене. Многие из его работ были сожжены в «Третьей империи». 1938 г. — лишён германского подданства, гражданин США. 1937–1939 гг. — премия Гугенхайма; 1940 г. — премия Ватсона Ф. Блэра, Институт искусств (Чикаго); 1945 г. — премия Карнеджи (Карнеги). 1959 г. в середине июня возвращается в Берлин (Западный).

ГРУНДИГ, Ганс (19.02.1901,⁴⁸ — 11.09.1958, Дрезден) — живописец и график. 1920–1926 гг. — учился в Дрезденской Академии художеств. 1926 г. — член КПП. 1929 г. — один из основателей АССО (Дрезден). 1934 г. — запрещено работать, обыски в мастерской. 1936 г. — первый арест; 1938 г. — второй; 1940–1944 гг. — концлагерь Заксенхаузен. Сентябрь 1944 г. — солдат бригады СС Дирлевангера. 25.12.1944 г. — вся его рота перешла на сторону Советской Армии. В январе 1946 г. вернулся в Германию. Профессор Дрезденской Академии художеств и общественный деятель.

⁴⁸ Дрезден (Прим. ред.).

ГРУНДИГ, Леа (23.03.1906, Дрезден — ⁴⁹) — график. 1922–1926 гг. — училась в Дрезденской Академии художеств. 1926 г. — член КПГ. 1929 г. — член АССО. 1934 г. — запрещено работать. 1936 г. — первый арест; 1938 г. — второй. 1939 г. — эмигрировала в Палестину. С 1949 г. — Дрезден; Президент Союза Германских художников (1964–1970 гг.), член ЦК СЕПГ, действительный член Германской Академии искусств (Берлин).

Работы: циклы «Война угрожает», сухая игла, 1935–1937; «Под свастикой», сухая игла, 1935–1938; «Во время бегства», рисунки, 1940–1944; «Антифашистский букварь», тушь, чернила, кисть, перо, 1941; «Долина смерти», тушь, 1943; «Больше никогда», тушь, 1944–1947. 1946 г. — персональная выставка в Лондоне, была отмечена О. Кокошкой.

ГЮНТЕР, Курт (1893–1955, Гера) — график и живописец. Учился в Дрезденской Академии художеств, у проф. Р. Мюллера. 1932–1952 гг. — жил в Кальтенборне, неподалёку от Геры, до 1955 г. — в Гере. 1933 г. — обыски гестапо, запрещение выставлять работы. 1937 г. — 11 произведений изъято из государственных собраний. После 1945 г. — профессор Высшей народной школы.

Работы: Автопортрет, рисунок, 1935.

ДИКЕР⁵⁰, Фридль (Вена — ⁵¹) — график. Баухауз (Веймар). Терезиенштадт, а затем Освенцим. Была убита там (еврейка).

ДИКС, Отто (2.12.1891, Гера — 25.07.1969, ⁵²) — живописец и график. 1905–1914 гг. учился в Гере и Дрездене (школа прикладного искусства). 1914–1918 гг. — солдат (Бельгия и Франция). 1919–1922 гг. продолжает образование в Дрезденской

⁴⁹ 0.10.1977, Средиземное море (Прим. ред.).

⁵⁰ Дикер-Брандейс (Прим. ред.).

⁵¹ 30.07.1898, Вена — 9.10.1944, Освенцим (Прим. ред.).

⁵² Зинген (Прим. ред.).

Академии художеств. Член «Группы 1919», «Дрезденского сецессиона», член «Ноябрьской группы», «Молодой рейнской земли» (1922–1925). 1927–1933 гг. — профессор Дрезденской Академии художеств. 1931 г. — действительный член Прусской Академии искусств. 17.05.1933 г. вынужден «добровольно» покинуть Прусскую Академию, освобождён от обязанностей профессора. 1934 г. — запрещено выставлять свои работы. 260 картин и гравюр были конфискованы из государственных собраний. На выставке «Выродившееся искусство» (Мюнхен, 1937) было выставлено 8 работ Дикса. С 1936 г. и до конца его дней жил в Хемменхофене на Боденском озере. 1939 г. — арестован (в связи с мюнхенским покушением на Гитлера). 1945 г. — служба в фольксштурме⁵³, плен. 1955 г. — действительный член Западноберлинской Академии художеств. 1956 г. — член-корреспондент Германской Академии искусств в Берлине; выставки работ О. Дикса в ГДР — 1957, 1963 и 1966 гг.

ДОДЕЛЬ, Вилли (1907, Москва — 22.01.1944, убит под Ленинградом)

1927–1933 гг. учился в Дрезденской Академии художеств; 1927 г. — декоративному искусству у проф. Росслера; 1928 г. — рисованию у проф. Мюллера; 1929–1933 гг. — ученик О. Дикса. В Академии примкнул к революционно настроенной студенческой группе. Член КПП, член АССО. В начале 1933 г. был арестован как один из ответственных работников КПП в Академии. Через несколько недель Доделя выпустили на свободу, но запретили выставлять свои работы, продавать их и получать на них заказы. 1940 г. — призван в армию.

Работы: Автопортрет в лазарете, акварель, 1942.

ДОДЕЛЬ, Фриц (1908, Москва — 1943, убит на фронте) — ученик О. Дикса. Член КПП, член АССО (Дрезден).

⁵³ Отряды народного ополчения Третьего рейха (Прим. ред.).

ДУДА, Фриц (30.01.1904, Рур — ⁵⁴) — живописец и график. 1922–1924 гг. — Фолькванг-шULE в Эссене. 1924–1933 гг. — Высшая Берлинская художественная школа, ученик К. Хофера. 1928 г. — член КПП. 1930 г. — один из организаторов «Красного студенческого союза», после 1933 г. выполняет поручения КПП, исключён из числа студентов как «красный». Не имеет права работать и выставять свои работы. Жил и работал в Берлине.

Работы: «Мёртвым и неназванным товарищам», х., м., эскиз, 1936–1937; «Шахтёрская лошадь», 1934–1935; «Мой брат Фреди», 1934–1935; «Мать, вот он, твой сын!», х., м., 1944.

ДЭН, Фриц (1908 — ⁵⁵) — живописец и график. 1925–1934 гг. учился в Штутгарте, Мюнхене, Италии. 1934 г. — исключён из числа студентов Академии художеств (Штутгарт) за антифашистские высказывания. Некоторое время работал театральным художником. 1940–1945 гг. — военная служба. 1948–1950 гг. — профессор Высшей школы в Веймаре. С 1961 г. — директор Института изобразительного искусства, Берлин.

ЗАНДБЕРГ, Герберт (1908, Позен — ⁵⁶) — график. Учился в школе прикладного искусства, а затем в Академии художеств (Вроцлав). 1927–1933 гг. — сотрудничает в социал-демократической и коммунистической прессе. Член Межрабпома и МОПРа. 1931 г. — член КПП, член АССО (Берлин), накануне 1933 г. возглавил агитационно-пропагандистскую работу в западных районах Берлина. Летом 1934 г. был арестован и обвинён в «подготовке к государственной измене». До 1938 г. каторжная тюрьма Бранденбург; 1938–1945 гг. — Бухенвальд. Находясь в лагере, иллюстрировал

⁵⁴ 1991 (Прим. ред.).

⁵⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁵⁶ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

художник Дуда

своеобразный философский словарь. Выбиралась какая-нибудь поговорка, и товарищи по лагерю давали ей философское, диалектическое истолкование. От этого словаря ничего не осталось (со слов Г. Зандберга). Жил в Берлине. С Г. Вайзенборном выпускал журнал «Уленшпигель» (1945–1950); был главным редактором журнала «Изобразительное искусство» (1954–1957).

ЗЕЕМОН-ВЕХСЛЕР, Хильде (1904 — 1940, Грайфштейн — Вюртемберг, близ Дрездена) — живописец и график. Еврейка. Была убита в 1940 г. в больнице для нервнобольных.

ЗИТТЕ, Вилли (1921, Крацау — ⁵⁷) — живописец и график. 1936–1940 гг. — учился в художественной школе при Музее прикладного искусства в Райхенберге и школе живописи в Кронбурге (Айфель). 1941 г. — призван на военную службу. 1944 г. — участие в борьбе против фашизма в рядах итальянских партизан. С 1947 г. жил в ГДР (Галле); действительный член Германской Академии искусств (1969), вице-президент Союза художников ГДР.

Работы: цикл литографий «Пляска смерти Третьей империи» (1944–1945).

ЗОФЕР, Бернхард (1879–1949, Голливуд) — скульптор. Дюссельдорф. После 1933 г. эмигрировал в США.

ИЕККЕЛЬ, Вилли (10.02.1888 — 30.01.1944, Берлин) — график. Учился в Дрезденской Академии художеств у проф. Гуссмана. 1919 г. — профессор Высшей государственной художественной школы в Берлине. 1933 г. — отстранён от занимаемой должности и восстановлен в ней по требованию студентов.

ИОХАНССОН, Эрих (28.04.1896, Дрезден — ⁵⁸) — график и живописец. Учился в Дрезденской Академии художеств.

⁵⁷ 28.02.1921, Крацау — 8.06.2013, Галле (Прим. ред.).

⁵⁸ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

Ученик Л. фон Хофмана. Член КПП и член АССО (Дрезден). В 1924 г. вместе с О. Нагелем сопровождал выставку немецкого искусства в Москву. В 1938 г. уехал на родину в Швецию.

КААН, Эрих Ф.В. (1904 — ⁵⁹) — график и живописец. Учился в школе прикладного искусства (Штутгарт), позже в Париже у Ф. Леже. 1938 г. — концлагерь. 1939 г. — эмигрировал в Англию.

Работы: «Беглецы», м., 1942–1943.

КАДЕН, Герт (1891, Берлин — ⁶⁰) — живописец и график. 1920-е гг. — социально-критические фотомонтажи и конструкции. После 1933 г. — подполье. Эмигрировал во Францию, в 1942 г. — на Кубу. 1948 г. — вернулся в Германию. Жил в ГДР.

КАМПС, Генрих (1896–1954) — живописец, профессор объединённой государственной школы (Берлин). 1937 г. — отстранён от преподавательской работы. С 1946 г. — проф. Дюссельдорфской Академии (ФРГ).

КАРДОРФ, Конрад (1877 — 10.12.1945) — живописец и график. Член «Берлинского сецессиона». С 1920 г. проф. Академии художеств (Вроцлав); с 1932 — проф. Высшей школы изобразительного искусства (Берлин); 1935 г. — освобождён от занимаемой должности за участие в похоронах М. Либермана.

КАУС, Макс (1891, Берлин — ⁶¹) — живописец. Учился в школе прикладного искусства (Берлин-Шарлоттенбург). 1915–1918 гг. — солдат (санитар). С 1919 г. — Берлин. После 1933 г. — для фашистов он «дегенеративный» художник. 1937 г. — 33 работы изъяты из государственных собраний. Жил в Западном Берлине.

⁵⁹ 1979 (Прим. ред.).

⁶⁰ 1990 (Прим. ред.).

⁶¹ 11.03.1891, Берлин — 5.08.1977 (Прим. ред.).

КАУФМАН, Артур (1888, Мюльхайм-на-Руре — ⁶²)

Учился в Дюссельдорфе и жил там вплоть до эмиграции в Америку. Один из основателей группы «Молодая рейнская земля», член «Рейнского сецессиона» и «Рейнской группы».

КВЕДЕНФЕЛЬД, Харальд (⁶³ — 21.11.1944) — график и театральный художник. Подпольная работа в годы нацизма. 21.11.1944 г. покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

КВЕК, Ганс⁶⁴ — график. Участвовал в гражданской войне в Испании («Чапаевский батальон»).

КЕЛЕР, Вальдо (1909 — ⁶⁵) — живописец и график. Член АССО (Дрезден). 1933 г. — организовал подпольную группу на Цинцендорфштрассе, просуществовавшую несколько недель. Члены группы слушали московское радио, писали листовки. 1933–1945 гг. не выставлял своих работ. Во время одного из воздушных налётов на Дрезден погибло всё созданное художником. Жил и работал в Дрездене.

КЕСТИНГ, Эдмунд (1892, Дрезден — ⁶⁶) — график и живописец. Учился в Дрездене, член КПП и член АССО. В 1936 г. нацистские «коллеги» из Дрезденской Академии предложили ему приобрести другую специальность и запретили выставлять свои работы. 1948 г. — профессор Высшей школы изобразительных искусств Берлин-Вайсензее, 1956 г. — Немецкая высшая школа киноискусства и телевидения Потсдам-Бабенсберг.

КИВИЦ, Хайнц (1910, Дуисбург — 1938, убит под Мадридом) — живописец и график. Учился в Эссене (Фолькванг-шULE, ученик К. Россинга), Дюссельдорфе,

⁶² 7.07.1888, Мюльхайм-на-Руре — 25.09.1971, Нова-Фрибургу, Бразилия (Прим. ред.).

⁶³ Год рождения неизвестен (Прим. ред.).

⁶⁴ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

⁶⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁶⁶ 27.07.1892, Дрезден — 21.10.1970, Биркенвердер (Прим. ред.).

Кёльне и Берлине. Был в Италии и Франции. Член КПП, член АССО (Берлин). В 1933 г. должен был бежать к отцу (социал-демократу, печатнику) в Дуисбург. Был арестован за антифашистскую деятельность (концентрационные лагеря — Кемна и Бергер Моор). 1937 г. — известный издатель Э. Ровольт помог К. бежать через Копенгаген в Париж, а оттуда К. бежал в Испанию. Сражался в рядах «Интернациональной бригады». Не вернулся с битвы на Эбро. В 1938 г. — несколько его работ было показано на выставке, организованной «Союзом свободных немецких художников» в Париже — «Пять лет Гитлера» (Дом культуры).

Работы: иллюстрации к «Дон Жуану и Фаусту» Христиана Дитриха Грабе (гравюры на дереве), 1936; отдельные работы в журнале «Айнхайт фюр Хильфе унд Фертайдигунг», Париж, 1937–1938. (В годы эмиграции подписывал свои работы псевдонимом «М. Марсо»).

КИРХНЕР, Эрнст Людвиг (1880, Ашаффенбург — 15.06.1938, Давос⁶⁷) — живописец и график, учился в Высшей технической дрезденской школе. Несостоявшийся архитектор. Один из основателей группы «Мост» в Дрездене. 1914 г. — ушёл добровольцем на фронт. С 1917 г. — Давос (Швейцария). Июль 1937 г. — вынужден «добровольно» покинуть Прусскую Академию художеств. Работы К. были на выставке «Выродившееся искусство» 1937 г. в Мюнхене. 15.03.1938 г.⁶⁸ — К. покончил жизнь самоубийством.

КЛАССЕН, Гертруд (1905, Кёнигсберг — ⁶⁹) — скульптор. 1924–25 гг. училась в Кёнигсбергской Академии художеств. 1930–1933 гг. — Берлин. 1929 г. — член КПП, член АССО. 1933 г. — арестована. Жила в Берлине.

⁶⁷ 6.05.1880, Ашаффенбург, Бавария — 15.06.1938, Фрауенкирх, близ Давоса, Швейцария (Прим. ред.).

⁶⁸ 15.06.1938 г. (Прим. ред.).

⁶⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

КЛЕЕ, Пауль (1879, Берн — 29.06.1940, Муральто-Локарно⁷⁰) — живописец и график. 1898–1901 гг. учился в Мюнхенской Академии художеств. Далее Берн, Париж. 1906–1912 гг. — Мюнхен. Один из основателей «Синего всадника». 1916–1918 гг. — солдат. 1920–1930 гг. — преподаватель Баухауза (Веймар и Дессау), член «Голубой четвёрки» (Кандинский, Явленский, Файнингер и Кл.). 1931–1933 гг. — профессор Дюссельдорфской Академии художеств. 1933 г. — «вне закона». Переселился на родину, в Берн.

Работы: «Изгнанники», 1933; «Революция виадуков», м., 1937; «Искушение», акварель, 1934; «Смерть и огонь», м., 1949; «Танец ужаса», акварель, 1939.

КЛОПФЛЯЙШ, Маргарет (1911, Дрезден — ⁷¹) — скульптор. Член КПГ, участвовала в работе агитпропгрупп. Лето 1933 г. — эмигрировала в Чехословакию. Член «Союза Оскара Кокошки» (Прага). 1939 г. — Лондон, член «Лиги свободной немецкой культуры». Участница выставок, организованных по инициативе немецких художников в Лондоне в октябре 1942 г. и в феврале 1943 г. 1940–1941 гг. — лагерь для интернированных. В 1960 г. — вернулась в Дрезден.

КЛЯЙН, Цезарь (14.09.1876, Гамбург — 13.03.1954, Пансдорф) — живописец и график. Один из основателей «Ноябрьской группы». Проф. Берлинской Академии художеств. 1933 г. — «маркситско-еврейский элемент».

КЛЯЙНШМИДТ, Пауль (1883⁷², Бублиц — 2.08.1949, Бенсхайм) — живописец. Учился в Берлинской и Мюнхенской Академии. Мэйер-Грефе называл его «надеющимся, непокорным пролетарием». 1930–1933 гг. жил в Ульме. В 1933–1934 гг. эмигрировал в США (выставки в Филадельфии

⁷⁰ 18.12.1879, Мюнхенбухзее, близ Берна — 29.06.1940, Муральто, близ Локарно (Прим. ред.).

⁷¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁷² 31.07.1883 (Прим. ред.).

и Чикаго). 1935 г. — эмигрировал во Францию; 1937 г. — в Голландию. В 1943 г. был там арестован гестапо и отправлен в Германию. В 1937 г. — 50 работ было изъято из государственных собраний. Умер в Бенсхайме.

КОКОШКА, Оскар (1.03.1886, Пёхларн, Австрия — ⁷³) — живописец, график и драматург. 1908–1924 гг. — Венская школа прикладного искусства; Берлин — круг художников «Штурм». 1917–1930 гг. — профессор Дрезденской Академии художеств; первые постановки его драм в Дрезденском театре. 1924–1930 гг. — длительные поездки по Европе, Северной Африке. 1931–1934 гг. — Вена. После февральских боёв 1934 г. в Вене — Чехословакия. Президент «Союза Оскара Кокошки», член-корреспондент общества «Манес» (1937 г.). 1938–1947 гг. — Лондон, президент «Лиги свободной немецкой культуры». В фашистской Германии он — «дегенеративный» художник, его работы представлены на выставке «Выродившееся искусство» в Мюнхене (1937 г.). 1.07.1938 г. — исключён из числа действительных членов Прусской Академии художеств. С 1953 г., после Вены, Италии и Америки, обосновался в Швейцарии — в Вильнёве на Женевском озере.

КОЛЬВИЦ, Кете (8.07.1867, Кёнигсберг — 24.04.1945, Морицбург) — график и скульптор. 1885–1889 гг. училась в Берлине у К. Штауффер-Берна, в Кёнигсберге у Э. Найде, в Мюнхене у Л. Хертериха. 1891–1943 гг. — Берлин; 1904 г. — Париж; 1907 г. — Флоренция. 1919 г. — действительный член Прусской Академии художеств. 1927 г. — Москва. 15.02.1933 г. — вынуждена «добровольно» покинуть Прусскую Академию. Работы удалены из музеев. В 1936 г., после статьи Дм. Бухарцева («У Кете Кольвиц». — «Известия». 3.07.1936 г.), гестапо угрожает К. Кольвиц и её мужу концентрационным лагерем. 1943 г. — переселилась в Нордхаузен. 1944–1945 гг. — Морицбург.

⁷³ 22.02.1980, Вильнёв, Швейцария (Прим. ред.).

КОХ, Эмиль (28.08.1902 — ⁷⁴) — график и живописец. Учился в Лейпциге, в Академии графических искусств. 1927 г. — член КППГ; член АССО (Лейпциг), 1934 г. — был арестован; 1935 г. — запрещено работать. Жил в Лейпциге.

Работы: «Товарищ Отто Леман», м., 1933.

КРАЛИК, Ганс (1900– 1971⁷⁵) — живописец и график. Сын шахтёра, в 14 лет пошёл работать на шахту. 1920–1928 гг. — школа прикладного искусства в Крефельде, Академия художеств в Дюссельдорфе. 1928 г. — свободный художник. 1933 г. — уходит в подполье, арест, концентрационный лагерь Бергер Моор. Побег в Голландию, Францию. Член «Союза свободных немецких художников» в Париже. В годы войны — участник французского Сопротивления, сотрудничество с «Национальным комитетом Свободная Германия» (Франция). 1945 г. — вернулся в Дюссельдорф. Референт по вопросам культуры. В 1951 г. по распоряжению боннского правительства освобождён от занимаемой должности.

Работы: рисунки для листовок (Франция); цикл гравюр на дереве «Из жизни немецких концентрационных лагерей» (1934–1935).

Согласно завещанию художника его рукописный архив и работы переданы Германской Демократической республике.

КРАУЗЕ, Карл (⁷⁶–1957) — живописец и график. 1920 г. — член КППГ; член АССО (Лейпциг). 1933 г. — приказ об аресте, скрывался в подполье.

КРЕМЕР, Фриц (22.10.1906, Арнсберг, Рур — ⁷⁷) — скульптор и график. Начиная учиться в Эссене, в Фолькванг-школе. 1928–1934 гг. — Высшая Берлинская художественная школа, ученик профессора В. Герстля. 1929 г. — член КППГ.

⁷⁴ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁷⁵ 1900, Рур — 1972 (Прим. ред.).

⁷⁶ Год рождения неизвестен (Прим. ред.).

⁷⁷ 1.09.1993, Берлин (Прим. ред.).

1930 г. — один из основателей «Красного студенческого союза». 1936 г. — встреча с антифашистскими эмигрантами в Англии, 1937–1938 гг. — Рим; 1940–1944 гг. — солдат, 1944–1946 гг. — плен (Югославия), 1946–1950 гг. — Австрия, начиная с 1950 г. — ГДР. Лауреат национальных премий, действительный член Германской Академии искусств (ГДР), член-корреспондент Римской Академии художеств.

КРЕЧМАР, Бернхард (1889, Дзёбельн, Саксония — 16.12.1972, Дрезден) — живописец, скульптор. 1909–1911 гг. учился в школе прикладного искусства, 1911–1912 гг. — в Дрезденской Академии художеств. Член «Дрезденского сецессиона» в 1920-е гг. После 1933 г. — для фашистов он «дегенеративный» художник. В 1937 г. — 47 работ изъято из государственных собраний. 1942 г. — вместе с Э. Фраасом в Галиции. Контакты с советскими художниками и партизанами. После 1945 г. — жил в ГДР. Лауреат Национальной премии, профессор.

КРОДЕЛЬ, Карл (Шарль) (16.09.1894, Марсель — ⁷⁸) — живописец-самоучка. С 1901 г. — Дрезден. 1918 г. — изучал в Вене историю искусств и археологию. Продолжал образование в Швеции, Дании, Греции, Франции и Испании. 1927–1933 гг. преподавал в Галле, в художественной школе. 1933 г. — «вне закона»; с 1951 г. — преподаватель Высшей школы изобразительных искусств (Мюнхен, ФРГ).

КУНЦ, Карл (1905, Аугсбург — ⁷⁹) — живописец и график. Самоучка. 1922–1933 гг. — жил в Мюнхене, Берлине, Галле. 1933 г. — арест, тюрьма и запрещение работать. 1939–1945 гг. — солдат. Жил во Франкфурте-на-Майне.

КУФУС, Пауль (1883, Берлин — 24.08.1960, Берлин) — живописец, график. 1902 г. — учился в Высшей Берлинской художественной школе, а потом Академии. 1923 г. — член

⁷⁸ 28.11.1973, Мюнхен (Прим. ред.).

⁷⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

«Берлинского сецессиона». 1935 г. — запрещено выставлять свои работы. После 1945 г. — ГДР.

ЛАДЕ, Курт (1905 — 21.12.1973, Берлин) — живописец. Учился в Берлине. Член КПП. Участник антифашистского Сопротивления. 1935 г. — арестован гестапо за антифашистскую деятельность. 1936 г. — эмигрировал в Чехословакию. Член «Союза Оскара Кокошки» (Прага, 1937). 1939 г. — эмигрировал в Англию. Член «Лиги свободной немецкой культуры» (Лондон, 1939). После войны жил и работал в ГДР.

Работы: «Немецкое рождество при фашистах», м., 1944–45; «Партизанка», м., 1944; «Лондон, освещённый молниями», м., 1944.

ЛАММЕРТ, Вилли (1892 — 10.1957⁸⁰) — скульптор. Учился в школе прикладного искусства в Гамбурге. У Ламмерта (Эссен) учились Г. Блюменталь, Фр. Кремер, П. Розенбаум, Г. Флегель. 1932 г. — член КПП. 1933 г. — эмиграция в Голландию, а затем Францию, с 1934 г. — Москва, 1941–1951 гг. — Казань. В 1951 г. вернулся в ГДР. Почти все работы, оставшиеся в Германии, были уничтожены фашистами.

ЛАНГЕ, Хельмут (7.10.1924 — ⁸¹) — график, ученик отца — Г. Ланге (1890–1939). Жил в Цвикау.

Работы: серия офортов (6) «Песнь о смерти», 1944.

ЛАНГНЕР, Райнхольд (21.11.1905 — 2.01.1957, Дрезден) — график и живописец. 1925–1933 гг. учился в школе прикладного искусства (Дрезден). Член социал-демократической партии, сотрудничал в агитпрогруппе «Красные крысы». 1941–1948 гг. — профессор Дрезденской Академии художеств, не имеющий права выставлять свои работы. 1948–1957 гг. — профессор Высшей технической школы и директор Музея народного искусства (Дрезден).

Работы: «Человек в снегу», пастель, 1943.

⁸⁰ 5.01.1892, Хаген — 30.10.1957, Берлин (Прим. ред.).

⁸¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

ЛАУТЕРБАХ, Карл (21.02.1906 — ⁸²⁾) — график. 1924–1930 гг. — учился в Дюссельдорфской Академии художеств у Г. Науена. Друзья Л. — Ю. Левин, Фр. Моньяу и П. Людвигс. Л. — участник движения Сопротивления в Дюссельдорфе. После 1945 г. член «Культурбунда», созданного в целях демократического обновления Германии.

Работы: серия рисунков: «Гетто» (1940), «Военные зарисовки» (1939–1945).

ЛАХЕР, Макс (1905, Мюнхен — ⁸³⁾) — живописец. Участник мюнхенской группы Сопротивления. Жил в Мюнхене. (Группа «Сецессион»).

ЛАХНИТ, Вильгельм (12.11.1899, Гиттерзее, близ Дрездена — 14.11.1962, Дрезден) — живописец и график. Учился в Дрезденской Академии художеств у профессора Р. Дрейера, член КПГ, член АССО и «Дрезденского сецессиона». После 1933 г. не раз был арестован. 1933–1945 гг. не выставлял своих работ. В 1945 г. в Дрездене погибло почти всё созданное им ранее.

Работы: «Грустная весна», м., 1933; «Девушка с камелией», смеш. техника, 1935; «Скалы в лунном освещении», смеш. техника, 1935; «Пейзаж с заходящим солнцем», смеш. техника, 1935; «Автопортрет на фоне идеального пейзажа», смеш. техника, 1933.

ЛЕВИ, Рудольф (1875, Штеттин — 1943, Освенцим или Дахау⁸⁴) — живописец. Учился в Карлсруэ и Мюнхене. 1903–1914 гг. — Париж (ученик А. Матисса). В 1933 г. эмигрировал в Италию. Там входил в круг художников, объединившихся вокруг Г. Пурмана («Вилла Романа», 1935). 1943 г. — схвачен эсесовцами во Флоренции и убит в Освенциме или Дахау.

⁸² 21.11.1906, Буршайд — 27.06.1991, Дюссельдорф (Прим. ред.).

⁸³ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁸⁴ 10.04.1944, Освенцим (Прим. ред.).

художник Лахнит

ЛЕВИ, Фриц (1893, Эссен — 1950, Цинциннати, Огайо) — живописец, график и театральный художник. Учился в Дюссельдорфе, жил до эмиграции в Кёльне.

ЛЕВИН, Юло (1901⁸⁵ — 17.05.1943, Освенцим)

Учился в школе прикладного искусства в Эссене; 1922–1926 гг. в Дюссельдорфской Академии художеств; 1931 г. — Париж. 1933 г. — арестован, запрещено работать и выставлять свои работы. 1936–1942 гг. — учитель еврейской школы в Дюссельдорфе (был в это время связан с О. Панкоком), а затем Берлине. 1943 г. — отправлен в Освенцим и убит там.

ЛЕКС-НЕРЛИНГЕР, Алиса (29.10.1893, Берлин — ⁸⁶) — график. 1911–1916 гг. — ученица проф. О. Орлика; 1928 г. — член КПП; член АССО (Берлин). После 1933 г. было запрещено работать, арест. С 1945 г. — Берлин.

Работы: «Политическая заключённая» (I и II вариант), акварель, 1933; цикл гравюр «Суровая улица», 1933–1935.

ЛЕОПОЛЬД, Герман⁸⁷ — график. Вместе с Ф. Вайскопфом и Ф. Эрпенбеком издавал в Праге после 1933 г. «АИЦ», выступая в прессе под псевдонимом «Ванека». Автор ряда антифашистских фотомонтажей.

ЛИБЕРМАН, Макс (10.07.1847 — 1935, Берлин⁸⁸) — живописец. 1866–1873 гг. учился в Берлине и Веймаре. 1873–1878 гг. — Париж; 1878–1884 гг. — Мюнхен; с 1884 г. — Берлин; 1920–1932 гг. — президент Прусской Академии художеств; 1932–1933 гг. — почётный президент Академии. 1933 г. — вынужден нацистами подать в отставку (еврей), запрещено работать, выставлять свои работы, многие его произведения конфискованы из государственных собраний и отчасти уничтожены, отчасти распроданы.

⁸⁵ 5.09.1901, Штеттин (Прим. ред.).

⁸⁶ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁸⁷ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

⁸⁸ 10.07.1847, Берлин — 8.02.1935, Берлин (Прим. ред.).

ЛИБКНЕХТ, Роберт (1903, Берлин — ⁸⁹) — сын К. Либкнехта — живописец. Учился в Дрездене и Берлине. 1933 г. — эмигрировал во Францию. Член «Союза свободных немецких художников». 1940 г. — находился в лагере для интернированных. В 1945 г. — работы, оставшиеся в берлинской мастерской, были уничтожены во время одного из воздушных налётов. Жил в Париже.

ЛИНГНЕР, Макс (17.11.1888, Лейпциг — 1959, Берлин⁹⁰) — живописец и график. 1907–1913 гг. учился в Дрезденской Академии художеств. 1914–1918 гг. — солдат. 1927–1949 гг. — Париж. 1930–1949 гг. сотрудничал в издаваемом А. Барбюсом журнале «Монд» (до 1935 г.), «Авангарде» и с 1936 до 1949 г. — «Юманите». С 1934 г. — член КПФ. 1939 г. — интернирован в лагере Гурс. Бежал из лагеря и сражался в рядах французского Сопротивления — отрядах маки. 1949 г. — вернулся в Германию (ГДР).

ЛОМАР, Хайнц (Гайнц) (21.07.1900, Тройсдорф, Рейнская земля — ⁹¹) — живописец и график. Ученик профессора Зойферта (Кёльн); 1931 г. — член КПГ, 1933 г. — домашний обыск (гестапо), арест. Эмигрировал в Швецию, затем Италию и, наконец, Париж. 1936 г. — секретарь «Союза свободных немецких художников». 1939 г. — побег в южную Францию. Сражался в рядах французского Сопротивления — отрядах маки. 1946 г. — вернулся в Германию. С 1949 г. жил в Дрездене.

Работы: «Смена дня и ночи», м., 1935; «Восстание», м., 1937; «Глупость у источника мудрости», м., 1939; «Сверхживотное», м., 1936; «Пустота и достоинство», м., 1943; «Портрет Альфреда Дёблина», лито, 1938; «Восстание каталонских крестьян», лито, 1937. Рисунки в «Айнхайт фюр хильфе унд фертайдигунг» (1936–1937), Париж.

⁸⁹ 26.02.1903, Берлин — 26.10.1994, Париж (Прим. ред.).

⁹⁰ 14.03.1959, Берлин (Прим. ред.).

⁹¹ 14.09.1976, Дрезден (Прим. ред.).

ЛЮДВИГС, Петер (16.02.1888 — 2.07.1943, Дюссельдорф) — скульптор и живописец. 1908–1912 гг. учился в Аахене, Люттихе и Дюссельдорфе. 1929 г. — Италия и Южная Франция. По возвращении — Дюссельдорф. Член КПП. Один из активнейших членов «Рейнского сецессиона» и «Молодой рейнской земли». Художник круга О. Панкока. 1933 г. — обыски, запрещение выставлять свои работы; работы Л. удалены с выставок. Подполье. 1937 г. — 4 месяца тюрьмы. 1941 г. — поддерживает связи с инструкторами ЦК КПП, приезжавшими нелегально из Голландии. Начиная с 1942 г. выпускал антифашистский журнал «Фриденскемпфер» и рисовал для него титульные листы. В январе 1943 г. был арестован гестапо и погиб в тюрьме.

МАГРИТЦ, Курт (2.02.1909 — ⁹²) — архитектор, график. 1928–1933 гг. — изучал архитектуру в Дрездене и Берлине. 1933 г. — эмигрировал в Италию, потом вернулся в Германию. Встреча с Г. и Л. Грундиг. Принимал участие в работе подпольных коммунистических групп. 1945 г. — член КПП. Жил в Берлине. До 1961 г. главный редактор журнала «Немецкая архитектура».

МАЙДНЕР, Людвиг (8.04.1884, Бернштадт, Шлезия — 14.05.1966, Дармштадт) — живописец, график и писатель. Учился во Вроцлаве и Париже. 1916–1918 гг. — солдат. 1920-е гг. — художник круга «Штурм». В фашистской Германии — «дегенеративный» художник. 1938 г. — эмигрировал в Лондон. В 1953 г. вернулся в ФРГ.

МАЙДНЕР, Эльзе⁹³ — живописец и график. Эмигрировала в Англию вместе с мужем — Л. Майднером.

⁹² Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁹³ 2.09.1901, Берлин — 5.05.1987, Лондон (Прим. ред.).

МАЙЕР-ТУР, Гуго (⁹⁴ — 12.12.1933, Гамбург) — живописец и график. Профессор. Был убит эсесовцами 12.12.1933 г. в Гамбурге.

МАРКВАРДТ, Бруно (1900, Инстербург — ⁹⁵) — живописец. Учился в Кёнигсберге и Берлине. Член АССО. 1933 г. — эмигрировал в Испанию, затем Италию.

МАРКС, Герхард (1899 — ⁹⁶) — график и скульптор. Учился в Берлине у А. Гауль, Г. Кольбе и Р. Шайбе. Солдат в Первую мировую войну. 1920 г. — преподаёт в Баухаузе. 1937 г. — запрещено работать и выставлять свои работы. Многие произведения М. были уничтожены нацистами. 1946 г. — преподаватель Высшей художественной школы в Гамбурге. Жил в Кёльне.

Работы: «Портрет Гитлера» («я не хотел делать карикатуру, я хотел только схватить пустое выражение лица», — комментировал художник свой рисунок «с яйцеобразной головой и истерически расширенными глазами, с бесстрастным, анемичным ртом»⁹⁷); «Скорбящий эрос», бронза, 1934; «Надежда», гравюра на дереве, 1944; 6 больших терракотовых фигур для фасада церкви Св. Екатерины в Любеке — окончание серии («Внемлющие»), начатой и незаконченной Э. Барлахом, 1946–1948.

МАСЛОФ, Курт (15.05.1892 — 26.10.1973, Лейпциг) — живописец. 1927 г. — член КПП. Один из основателей АССО (Лейпциг). До 1933 г. картины М. были представлены на всех известнейших лейпцигских выставках. После 1933 г. все работы М. были уничтожены фашистами. Активный участник антифашистского Сопротивления, он был арестован

⁹⁴ Год рождения неизвестен (Прим. ред.).

⁹⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

⁹⁶ 18.02.1899, Берлин — 13.11.1981, Бургброль, Айфель (Прим. ред.).

⁹⁷ *Grzimek W. Deutsche Bildhauer des XX Jahrhunderts. München, 1969. S. 188.*

в начале 1933 г., в 1942 г., приговорённый к пожизненному заключению, он был освобождён частями Советской Армии из тюрьмы Вальдхайм. 1945–1958 гг. — лектор Лейпцигской Высшей школы графических искусств. Лауреат многих государственных премий ГДР.

МАТАРЕ, Эвальд (1887, Лахен — 1965⁹⁸) — скульптор, график и керамист. 1933 г. — освобождён от обязанностей профессора Дюссельдорфской Академии художеств. 1946 г. — вновь преподаёт в Дюссельдорфской Академии.

МЕЙЕР, Клаус Ф. (1918 — ⁹⁹) — живописец и график. Учился в Берлине и Лондоне. После 1933 г. эмигрировал в Англию. Член «Лиги свободной немецкой культуры» (Лондон); участник совместной выставки немецких и еврейских художников (февраль, 1943 г.) — литографии, линогравюры, пастель; немецких художников — (июнь, 1946 г.) в Лондоне.

МЕЙЕР-ВАКС, Доре (1908 — ¹⁰⁰) — живописец и график, ученица Карла Хофера. После 1933 г. как ученица К. Хофера лишилась возможности выставлять свои работы. Жила в ФРГ, художница круга журнала «Тенденцен». Её работы не раз выставлялись в ГДР.

МЕЛЛЕР, Пауль¹⁰¹ — архитектор, график. Убит во время войны в одной из немецких тюрем.

МЕФФЕРТ, Карл (1900, Кобленц — ¹⁰²) — график. 1920-е гг. — Берлин. Был членом КПП. 1928 г. — член АССО (Берлин). Сотрудничал в 1920-е гг. в коммунистической прессе — «Пляйте», «Кнюппель», «Зихель унд Хаммер», «АИЦ»,

⁹⁸ 25.02.1887, Аахен, Буршайд — 29.03.1965, Меербуш, близ Дюссельдорфа (Прим. ред.).

⁹⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁰⁰ 1980 (Прим. ред.).

¹⁰¹ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

¹⁰² 26.03.1903, Кобленц — 27.12.1988, Зирнах, Швейцария (Прим. ред.).

«Ойленшпигель». После 1933 г. эмигрировал в Швейцарию, затем в Аргентину, где известен под именем Клемента (Клемана) Моро.

МОЛЛ, Оскар (1875–1947¹⁰³) — живописец. Ученик А. Матисса и М. Слефогта. Профессор Дюссельдорфской Академии художеств. 1933 г. — освобождён от занимаемой должности.

МОНЬЯУ, Франц (1903–1945) — живописец и график. 1920–1926 гг. учился в Дюссельдорфской Академии художеств. 1926 г. — Париж. 1928–1931 гг. — Дюссельдорф и Кёльн. Художник круга О. Панкока. В 1933 г. был арестован. 1935–1945 гг. — Бухенвальд. Там он был убит.

МОХОЙ-НАДЬ, Ласло (1895–1946¹⁰⁴) — живописец и график. 1923–1933 гг. — Баухауз (Веймар, Дессау, Берлин). 1933 г. — «вне закона». 1935–1937 гг. — Лондон; с 1937 г. — Чикаго, основатель «Нового Баухауза».

МЮНХ, Ганс¹⁰⁵ — живописец. «Я сам, как-никак настолько современный художник, что был запрещён в “Тысячелетнем царстве” Гитлера»¹⁰⁶.

НАГЕЛЬ, Отто (27.09.1894,¹⁰⁷ — 12.07.1967, Берлин) — живописец и график. Самоучка. 1918 г. — член КПП; 1928 г. — член АССО (Берлин), один из организаторов общества «Помощь художников» (голодающему Поволжью, 1921), член «Межрабпома», основатель газеты «АИЦ». 1924 и 1932 гг. — приезжал в Советский Союз с «Всегерманской выставкой изобразительного искусства» и выставкой работ К. Кольвиц.

¹⁰³ 21.07.1875, Бжег, Силезия — 19.08.1947, Берлин (Прим. ред.).

¹⁰⁴ 20.07.1895, Боршод, Австро-Венгрия — 24.11.1946, Чикаго (Прим. ред.).

¹⁰⁵ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

¹⁰⁶ Мюнх Г. Беспредметное искусство — ошибка против логики. М., Советский художник, 1965. С. 7.

¹⁰⁷ Берлин (Прим. ред.).

1933 г. — запрещено работать и выставлять свои работы, неоднократные обыски; 1936–1937 гг. — концентрационный лагерь Заксенхаузен. Ряд произведений Н. был уничтожен фашистами, ряд погиб во время одного из налётов на Берлин в 1945 г. После 1945 г. — «активист первого часа». 1956–1962 гг. — президент Германской Академии искусств (ГДР). 1955–1964 гг. — президент Союза художников Германии.

Работы: Автопортреты 1933, 1936 и 1937 г. (последний тотчас по освобождении из лагеря), «Лесоруб Шарф» (1935), «Девочка с куклой» (1937) — масло; улочки старого Берлина, его предместья — акварель.

НАУЕН, Генрих (1880, Крефельд — 26.11.1941, Калькар¹⁰⁸) — живописец. 1898–1902 гг. — учился в Дюссельдорфской Штутгартской Академии художеств, в школе Кнуппа в Мюнхене. 1921–1936 гг. — профессор Дюссельдорфской Академии художеств. 1936 г. — лишён права преподавать. 1937 г. — 117 работ изъято из государственных собраний.

БЕРЛИНГЕР, Оскар (23.03.1893, Шварцвальд — 25.08.1969, Берлин) — живописец и график. Учился в Берлине у профессора О. Орлика. 1927–28 гг. — один из основателей группы художников «Цайтгеноссен». 1928 г. — член АССО (Берлин); член КПП. Его сатирические политические рисунки появлялись в коммунистической прессе под псевдонимом «Нильгреев». 1933 г. — домашние обыски, арест, запрещение выставлять свои работы. 1947–1949 гг. издаёт вместе с К. Хофером журнал «Изобразительное искусство». 1951 г. — по политическим соображениям отстранён от преподавания в Высшей Берлинской художественной школе («Берлин-Шарлоттенбург», Западный Берлин). Жил в Берлине (ГДР).

Работы: серия рисунков «В тюрьме», 1933; «Больше никогда», 1944–1945; ряд пейзажных зарисовок, 1933–1944.

¹⁰⁸ 1.06.1880, Крефельд — 26.11.1940, Калькар (Прим. ред.).

НЕРОСЛОВ, Александр (1891,¹⁰⁹ — 5.01.1971, Лейпциг) — живописец и график. Член АССО (Дрезден). Один из активных участников дрезденской подпольной организации, созданной по инициативе художника Ф. Шульце и писателя Х. Бохова. 11–13 марта 1942 г. вместе с товарищами предстал перед судом по обвинению в «измене родины». Был приговорён к пожизненному заключению. В 1945 г. освобождён частями Советской Армии.

НИКЛАС, Макс (22.06.1905, Эренфризерсдорф, Рудные горы — 4.07.1935) — скульптор-самоучка. 1924 г. — член КПП. В 1933 г. был арестован, эмигрировал в Чехословакию. Весной 1933 г. — ЦК КПП поручило ему организовать транспортировку литературы и людей в Германию. 4.07.1935 был убит эсесовцами на границе.

НОЙШУЛЬ, Эрнст (1895, Аузиг, Австро-Венгрия — 11.09.1968, Лондон) — живописец. Учился в Академиях Вены, Праги, Кракова. Во время Первой мировой войны (Польша) контакты с меньшевиками, потом член большевистской партии. 1918 г. — Берлин, член Союза «Спартак», участник январских и мартовских боёв 1919 г. Член КПП. Член «Ноябрьской группы». 1932 г. — персональная выставка на Шифбауердамм (Берлин) была разгромлена и конфискована эсесовцами. 1933 г. — пытается сохранить «Ноябрьскую группу». После неудавшейся попытки — эмиграция (Прага — 1935–1936 гг., затем Москва, Харьков, снова Прага и, начиная с 1939 г., Лондон). 1936 г. — персональная выставка его работ в Музее нового западного искусства (Москва). В Праге Н. — член «Союза Оскара Кокошки», в Лондоне — «Лиги свободной немецкой культуры».

НОЛЬДЕ, Карл (Лейпциг — ¹¹⁰) — живописец. Член КПП, член АССО (Лейпциг). В 1933 г. эмигрировал в Прагу; затем США и Мексика.

¹⁰⁹ Петербург (Прим. ред.).

¹¹⁰ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

НОЛЬДЕ, Фриц (1904, Лейпциг — ¹¹¹) — живописец и график. Учился в Лейпциге у профессора А. Франка. 1927 г. — член КПП; член АССО. После 1933 г. неоднократно арестовывался. 1941–1943 гг. — тюрьма Вальдхайм. Жил и работал в ГДР.

НУСБАУМ, Феликс (1904, Оснабрюк — 1943¹¹²) — живописец. Образование получил в Гамбурге, Берлине. Оказал влияние К. Хофер. В 1933 г. эмигрировал в Бельгию. В 1940 г. как «нежелательный иностранец» был оттуда выслан. 1939 г. — южно-французский лагерь «Camp de Gurs». Вновь бежал в Бельгию, там в 1943 г. арестован гестапо и отправлен в концентрационный лагерь, где и погиб.

Работы: Автопортрет, 1939.

ОЗЕР, Эрих (псевдоним — Плауэн Е.О., 1903, ¹¹³ — 6.04.1944) — график. Учился в Лейпциге, в Академии станковой и прикладной графики. После 1933 г. был связан с подпольными антифашистскими группами. Покончил жизнь самоубийством в тюрьме Бранденбург.

ОППЕНХАЙМЕР, Макс (псевдоним «МОПП», ¹¹⁴ — 19.10.1954, Нью-Йорк) — живописец и график. Образование получил в Венской и Пражской Академии художеств. 1911–1915 гг. — один из активнейших сотрудников Фр. Пфемферта (журнал «Акцион»). В 1916 г. эмигрировал в Швейцарию и вновь обосновался в Берлине в 1926 г. В 1937 г. изъяты из государственных собраний 3 работы. Эмигрирует в Швейцарию (в 1938 г. в Цюрихе опубликована его книга «Люди находят своих художников»), затем Америку (1939 г.).

¹¹¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹¹² 11.12.1904, Оснабрюк — 2.08.1944, Освенцим (Прим. ред.).

¹¹³ 18.03.1903, Плауэн (Прим. ред.).

¹¹⁴ 1885, Вена (Прим. ред.).

ОТТО, Тео (1904, Ремшайд — ¹¹⁵) — театральный художник, живописец и график. 1923–1926 гг. учился в Академии художеств в Касселе. 1927–1933 гг. — театральный художник Берлинской государственной оперы. Член АССО (Берлин). 1933 г. эмигрировал в Швейцарию. Жил и работал в Цюрихе.

ПАНКОК, Отто (6.06.1893, Мюльхайм-на-Руре — 10.1966, Брюннен¹¹⁶) — график и скульптор. 1912–1913 гг. — учился в Веймарской художественной школе. Конец 1914–1916 гг. — солдат. С 1920 г. — Дюссельдорф. Член группы «Молодая рейнская земля». В 1924–1931 гг. был в Италии, Южной Франции, Испании, Голландии. 1936 г. — запрещено работать. Собрал вокруг себя группу оппозиционно настроенных художников. Его работы были представлены на выставке «Выродившееся искусство» 1937 г. в Мюнхене, 51 произведение конфисковано. 1947–1957 гг. проф. Дюссельдорфской Академии художеств. С 1956 г. — член-корреспондент Германской Академии искусств (ГДР); 1961 г. — большая персональная выставка в ГДР. Последние годы жизни — Брюннен (ФРГ)¹¹⁷.

ПЕРИ, Ласло (1889 — ¹¹⁸) — живописец, график, скульптор и архитектор. 1921–1933 гг. — Берлин. 1924–1928 гг. архитектор берлинского градоуправления. Член АССО. 1933 г. — эмигрировал в Лондон. Член «Лиги свободной немецкой культуры». Участник выставки, организованной немецкими художниками в Лондоне (октябрь 1942 г.), — рисунок и 2 рельефа: «Сценка в метро» и «Путевой рабочий».

ПЕХШТЕЙН, Макс (31.12.1881, Цвикау — 29.06.1955, Берлин) — живописец и график. Учился в Дрезденской

¹¹⁵ 4.02.1904, Ремшайд — 9.06.1968, Франкфурт-на Майне (Прим. ред.).

¹¹⁶ 20.10.1966, Везель (Прим. ред.).

¹¹⁷ Везель (Швейцария) (Прим. ред.).

¹¹⁸ Настоящие имя и фамилия Ладислас Вайс, 13.06.1889, Будапешт — 19.01.1967, Лондон (Прим. ред.).

художник Пехштейн

Академии художеств. 1905–1913 гг. — член группы «Мост». Начиная с 1908 г. — Берлин. 1918 г. — один из основателей «Ноябрьской группы». Рисовал для «Акцион», «АИЦ». 1923 г. — действительный член Прусской Академии художеств. 1933 г. — лишён права преподавать, запрещено выставлять свои работы. 6.09.1937 г. исключён из Прусской Академии художеств. 326 работ удалено из государственных собраний. 1933–1945 гг. жил в рыбацком посёлке Леба (Померания). С 1945 г. — вновь профессор в Западном Берлине. Один из основателей и активных деятелей «Культурбунда».

ПУРМАН, Ганс (1880, Шпейер — 1966, Базель¹¹⁹) — живописец и художник-оформитель. После 1933 г. — в фашистской Германии он «дегенеративный» художник. 1935 г. — эмигрировал в Италию. Возглавил во Флоренции группу немецких художников-эмигрантов в составе Эми Рёдер, Тони Штадлер, Рудольф Леви, Гайнц Батке («Вилла Романа»). С 1943 г. жил в Швейцарии.

РАДЗИВИЛЛ, Франц (1895 — ¹²⁰) — живописец. 1911–1914 гг. — учился архитектуре и прикладному искусству в Бремене. 1915–1919 гг. — солдат. Член «Берлинского сецессиона», «Ноябрьской группы». Дружба с О. Диксом, К. Шмидт-Ротлуффом, М. Пехштейном. 1933 г. — профессор живописи в Дюссельдорфской Академии художеств. 1935 г. — запрещено преподавать. 1937 г. — запрещено работать; 51 работа изъята из государственных собраний. Жил в Дангасте (ФРГ).

Работы: «Демоны», 1933.

РЕДЕРШАЙДТ, Антон (1892, Кёльн — ¹²¹) — живописец. 1910–1914 гг. учился в Дюссельдорфской Академии художеств.

¹¹⁹ 10.04.1880, Шпейер — 17.04.1966, Базель (Прим. ред.).

¹²⁰ 6.02.1895, Штрохаузен, Ольденбург — 13.08.1983, Вильгельмсхафен (Прим. ред.).

¹²¹ 11.10.1892, Кёльн — 8.03.1970, Кёльн (Прим. ред.).

Член группы «Прогрессивных» и «Ступид» (Кёльн, 1920-е гг.). Один из виднейших представителей «Новой предметности». 1935 г. — эмигрировал в Париж. В 1950 г. вернулся в Кёльн.

РЁССИНГ, Карл (1897, Гмунден — ¹²²) — график. Учился в Академии прикладного искусства (Мюнхен). 1917 г. — призван в армию. Член Мюнхенского «Нового сецессиона». Проф. Фолькванг-шULE (Эссен). Рисовал для «АИЦ» до 1933 г. 1932 г. — цикл гравюр на дереве (100) — «Моё предубеждение против этого времени». После 1945 г. — Штутгарт (ФРГ).

РОЗЕНБАУМ, Питт (Рур — ¹²³) — скульптор. Учился в Фолькванг-шULE (Эссен), в Высшей Берлинской художественной школе, из которой был исключён в 1933 г. как «красный». Один из организаторов «Красного студенческого союза».

РОЛЬФС, Христиан (22.12.1849, Зегеберг, Датская Гольштиния) — 8.01.1938, Хаген) — живописец и график. 1870–71 и 1874–84 гг. учился в Веймарской художественной школе. Большую часть жизни провёл в Веймаре. 1924 г. — действительный член Прусской Академии художеств. 1937 г. — исключён из числа членов Прусской Академии; запрещено выставлять свои работы; 412 работ Р. Удалены из государственных собраний. Большая часть их была уничтожена. После смерти художника нацистское правительство запретило вдове продавать оставшиеся в мастерской работы. 1933 г. — выставка работ Р. в «Галерее Виньон» (Париж). Одна акварель была куплена для Лувра; 1936 г. — выставка в Детройте (США, Институт искусств).

Работы: «Церковь в Тессине», темпера, 1936; «Нарциссы», акварель, 1937; «Храмовая танцовщица», акварель, 1933; «Горы в снегу», темпера, 1935; «Туман над озером», темпера, 1937 г. и др.

¹²² Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹²³ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

РУДОЛЬФ, Вильгельм (1889, Хемниц — ¹²⁴) — живописец и график. 1908–1914 гг. учился в Дрезденской Академии художеств у профессоров Р. Стерля, К. Бантцера. 1914–1919 гг. — солдат, затем свободный художник. 1932–1938 гг. — профессор Дрезденской Академии. 1938 г. — лишён права преподавать как «политически непригодный». 1945 г. — большая часть работ уничтожена во время одного из налётов на Дрезден. Жил в Дрездене.

РУЭ, Герман (29.12.1886 — ¹²⁵) — рисовальщик. Член КПГ. Накануне захвата Гитлером власти один из активнейших рисовальщиков коммунистической прессы (начиная от центральных ежедневных и еженедельных газет и кончая подпольными заводскими газетами).

Работы: «Только самые глупые толки ищут для себя мясников», рисунок, конец 1932 г.

РЮТЕР-РАБИНОВИЧ, Ирена (1900 — ¹²⁶) — живописец. Дрезден, 1933 г. — запрещено работать. 1939 г. — арест. 1943–1945 гг. принудительные работы.

СИНТЕНИС, Рене (1888¹²⁷ — 22.04.1965, Западный Берлин) — скульптор. Образование получила в школе прикладного искусства. 1932 г. — лауреат Олимпийской премии за статую Нурми. 23.01.1934 г. исключена из состава Прусской Академии художеств (полуеврейка). 1937 г. — 8 работ изъято из государственных собраний. 1944 г. — значительная часть работ погибла во время одной из бомбардировок Берлина. Жила в Шёнеберге, Берлин.

¹²⁴ 22.02.1889, Хемниц — 30.09.1982, Дрезден (Прим. ред.).

¹²⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹²⁶ 22.09.1900, Кёльн — 31.12.1979, Дрезден (Прим. ред.).

¹²⁷ 20.03.1888, Глац, Нижняя Силезия, ныне Польша (Прим. ред.).

СОКОЛ, Макс¹²⁸ — живописец и график, эмигрировал в Англию. Член «Лиги свободной немецкой культуры». Участник выставок 1942 г. (скульптура и графика) и 1943 г. в Лондоне.

СОЛОМОНСКИ, Ф.А.¹²⁹ — живописец и график. Учился в Берлине у В. Иеккель. 1939 г. — эмигрировал в Англию. Член «Лиги свободных немецких художников». Участник совместной выставки немецких и еврейских художников (февраль 1943 г.).

Работы: «Яков, сражающийся с ангелом», 1943.

СПИРО, Еуген (1874, Вроцлав — ¹³⁰) — живописец и график. 1925–1933 гг. — президент «Берлинского сецессиона». 1933 г. (1934 г.?) — запрещено заниматься какой-либо творческой работой. Эмигрировал во Францию. Председатель «Союза свободных немецких художников» в Париже. 1939 г. — был интернирован французами. Затем эмигрировал в США.

Работы: ряд рисунков для специального номера «Свободного искусства и литературы», посвящённого 150-летию Великой Французской революции; «Томас Манн, выступающий по радио», рисунок, 1938.

СЦИПИНГЕР, Александр (1890 — ¹³¹) — живописец и график. 1908–1912 гг. учился в Веймарской художественной школе. Огромное влияние оказал Генри ван де Вельде. «Так как по отцу Сципингер поляк, то нацисты сочли его “чуждым искусству” ввиду того, что в числе первых покровителей художника были евреи, то и его искусство стало делом рук последних»¹³². Жил в Веймаре (ГДР).

¹²⁸ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

¹²⁹ Годы жизни неизвестны (Прим. ред.).

¹³⁰ 18.04.1874, Бреслау, Силезия — 26.09.1972, Нью-Йорк (Прим. ред.).

¹³¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹³² *Pölkow Hans. Alexander Szpinger 75 Jahre alt // Bildende Kunst. 1965. № 5. S. 274.*

ТАППЕРТ, Георг¹³³ — график, живописец и поэт. Один из основателей «Ноябрьской группы». 1933 г. — отстранён от преподавательской деятельности, запрещено выставлять свои работы.

ТОЙБНЕР, Курт (1877–1958)¹³⁴ — живописец-самоучка. Член КПП с 1923 г. 1933–1945 гг. на нелегальном положении. Первая выставка его работ состоялась осенью 1945 г. в Ауэ.

УЛЬМАН, Ганс (1900 — ¹³⁵) — скульптор и рисовальщик, инженер. 1929 г. — Париж. 1932 г. — Москва; 1933–1935 гг. был арестован (тюрьма «Берлин-Тегель»). Отстранён от преподавательской работы в Высшей Технической школе (Берлин), запрещено выставлять свои работы. До 1945 г. — под надзором гестапо. Жил в Западном Берлине.

УЛЬМАН, Фред (1901, Штутгарт — ¹³⁶) — живописец-самоучка (начал писать маслом в 1931 г.). Изучал юриспруденцию. Политэмигрант (внесён в чёрные списки гестапо) — Париж, Лондон. В Лондоне стал одним из основателей «Лиги свободной немецкой культуры». Участник выставок (пейзажи) — февраль 1943 г. (немецких и еврейских художников), февраль 1944 г. (немецких экспрессионистов), июнь 1946 г. (немецких художников) в Лондоне.

Работы Ульмана в музее «Jeu de Paume» (Париж) и в музее Гренобля.

УНРУ фон, Фриц (10.05.1885, Кобленц — ¹³⁷) — писатель и живописец. 1932 г. — эмигрировал в Италию, а затем Францию. 1940 г. — был интернирован во Франции, бежал

¹³³ 20.10.1880, Берлин — 17.11.1957, Берлин (Прим. ред.).

¹³⁴ Возможно, имеется в виду художник Тойбнер Курт (1903–1990) (Прим. ред.).

¹³⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹³⁶ 1985, Лондон (Прим. ред.).

¹³⁷ 28.11.1970, Диц (Прим. ред.).

в Америку. 1952 г. — вернулся в ФРГ; 1955 г. — уехал в Америку, вернулся в ФРГ в 1958 г. и в 1961 г. снова покинул её.

ФАЙНИНГЕР, Лионель (17.07.1871, Нью-Йорк — 1956¹³⁸, Нью-Йорк) — живописец и график. 1887–1891 гг. учился живописи в Гамбурге и Берлине. Был дважды в Париже (1891–1893, 1906–1908 гг.). 1913 г. — близок к кругу художников «Штурма». 1919–1924 гг. — преподаватель Баухауза. Входит в состав «Голубой четвёрки» (Кандинский, Клее, Явленский, Файнингер). С 1925 г. — свободный художник. 1933 г. — в фашистской Германии он «дегенеративный» художник. В 1936 г. вернулся в Америку.

ФЕЛИКСМЮЛЛЕР, Конрад (1897, Дрезден — ¹³⁹) — живописец и график. 1911–1915 гг. учился в Дрездене (школа прикладного искусства, Академия художеств). 1916–1926 гг. — сотрудничал в журнале «Акцион». Основатель «Группы 1919» (Дрезден), член «Ноябрьской группы». 1933 г. — «вне закона». 1933–1944 гг. — художник, работы которого не выставляются и не приобретаются. 1940 г. — во время одного из воздушных налётов погибла мастерская художника. 1949–1961 гг. — Галле. С 1961 г. — Берлин.

Работы: «Конный рынок», гравюра на дереве, 1936; «Меценат в мастерской», м., 1939.

ФЁЛЬКЕР, Карл (17.10.1889, Галле — 28.12.1962, Веймар) — живописец и график. Учился в школе прикладного искусства (Галле и Дрездене). 1918 г. — член «Ноябрьской группы». Делал гравюры на дереве для коммунистической прессы («Классенкампф», «Дас Ворт»). 1928–1933 гг. — руководитель архитектурного бюро. 1933 г. — сбиты фрески работы Ф. со стен зала заседаний коммунистического издательства «Классенкампф» (Галле). С 1945 г. жил в Галле.

¹³⁸ 13.01.1956 (Прим. ред.).

¹³⁹ 21.05.1897, Дрезден — 24.03.1977, Берлин (Прим. ред.).

ФИОРИ де, Эрнесто (12.12.1884, Рим — 24.04.1945, Сан-Паулу) — скульптор. Учился в Мюнхенской Академии художеств. Подолгу жил в Лондоне, Париже, Цюрихе. В 1936 г. эмигрировал в Лондон, а затем в Сан-Паулу.

Работы: «Отчаявшийся», бронза, 1934.

ФОГЕЛЕР, Генрих (12.12.1872, Бремен — 14.06.1942, Казахстан¹⁴⁰) — живописец и график. 1914–1917 гг. — солдат. 1918 г. — арестован (писал Вильгельму II о Брест-Литовском мире как грабительском). Участвовал в революционных боях в Бремене. 1923 г. — передал МОПРу своё имение Баркенхоф под дом отдыха для детей политзаключённых; первая поездка в Советский Союз. В 1931 г. получил приглашение советского правительства принять участие в работе по развитию сельских районов страны (Комиссия по вопросам стандартизации). 1939 г. — по поручению Московского Государственного Музея народов СССР работал в Азербайджане и Кабардино-Балкарии; работал в Одесском государственном колхозном театре, выполнял задания отдела пропаганды Политуправления Красной Армии. Выставки Г. Фогелера в Москве — 1932, 1936, 1941 гг.

ФРААС, Эрих (1893, Глаухау — ¹⁴¹) — живописец и график. 1910–1914, 1919–1922 гг. учился в школе прикладного искусства, в Дрезденской Академии художеств. Был солдатом, вернувшись в 1919 г., стал членом «Союза Спартака». Член «Дрезденского сецессиона». Один из организаторов картеля (включившего художественные организации Дрездена, Лейпцига и Баутцена), ставившего своей задачей защиту финансовых и правовых интересов художников. После 1933 г. запрещено выставлять свои работы. В 1936 г. нацистские «коллеги» из Дрезденской Академии предложили

¹⁴⁰ Корнеевка, Бухар-Жирауский район, Карагандинская область, Казахская ССР (Прим. ред.).

¹⁴¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

приобрести другую специальность. Участник Сопротивления. В 1945 г. мастерская с работами погибла во время одной из бомбардировок Дрездена. Жил в Дрездене. Профессор Высшей школы изобразительного искусства.

ФРАНК, Альфред (28.05.1884 — 12.01.1945, Дрезден) — график и живописец. Учился в Лейпцигской Академии графических искусств, 1914–1918 гг. — солдат. Член КПП с 1918 г. 1928 г. — вместе с К. Маслоф основал АССО в Лейпциге. 1927–1938 гг. — преподавал в Марксистской рабочей школе и Высшей народной школе. Почти все ученики Фр. продолжали политическую работу и после 1933 г. Фр. был арестован первый раз в 1930 г., второй в 1933 г., третий в 1944 г. по делу группы Шумана-Энгерта — Крессе и казнён 12.01.1945 г. в Дрездене.

ФРАНК, Франц (1897 — ¹⁴²) — живописец. 1926–1932 гг. — учился в Штутгартской Академии художеств. Доцент Педагогической академии в Касселе. 1933 г. отстранён от занимаемой должности.

Работы: «Ессе Ното», 1935; «Иов», 1945.

ФРИДЛЕНДЕР, Джонни (1912 — ¹⁴³) — живописец и график. Член АССО (Дрезден), 1933–1934 гг. — концентрационный лагерь Хонштейн. 1936 г. — эмигрировал в Чехословакию, 1937 г. — Париж. Жил во Франции.

ФРИШМАН, Марсель (1900, Лодзь — 1952, Лондон) — график. Учился в Берлине, в школе прикладного искусства у Э. Орлика. 1926–1933 гг. сотрудничал в журнале «Симплициссимус». 1933 г. — эмигрировал в Лондон.

ФРОЙНДЛИХ, Отто (10.12.1878 — 1943¹⁴⁴) — живописец, график и скульптор. Учился в Мюнхене и Берлине. 1908–

¹⁴² Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁴³ 1989 (Прим. ред.).

¹⁴⁴ 10.07.1878, Штольп, Померания (ныне Слупск, Польша) — 9.03.1943, Люблин, Польша (Прим. ред.).

художник А.Франк

1909 гг. — Париж, примкнул к группе художников и писателей, объединившихся вокруг Пикассо. 1914–1924 гг. — Кёльн, Берлин и Бонн. Член «Ноябрьской группы», сотрудник журнала «Акцион». В 1924 г. переселился во Францию. Член «Союза свободных немецких художников». 1938 г. — выставка в галерее Ж. Буше, участник выставок в Амстердаме, Гааге, Цюрихе, Базеле, Лондоне. Был интернирован в 1939 г. Бежал, скрывался в Пиренеях, был арестован 21.02.1943 г., 4 марта отправлен в Майданек (Польша, Люблин) и там убит.

Работы: «Пластика», гипс для бронзы, 1933; «Архитектурная скульптура», гипс; «Башня искусств»; Пластика для аэродрома, 1934–1935; «Красно-зелёное», м., 1939.

ФРУНЕРТ, Эрих (1902, Мейсен — ¹⁴⁵) — живописец и график. Участник гражданской войны в Испании. Жил в Дрездене.

ФУРМАН, Пауль (8.10.1893, Берлин — 25.01.1952, Берлин) — живописец и график. 1908–1915 — годы учения. 1915–1917 гг. — солдат. В 1919 г. участвовал в революционных боях в Берлине. Член группы художников «Цайтгемессен». Сотрудничал в «Роте Фане». 1927 г. — член КПП, затем член АССО. 1933 г. — запрещено работать (как пишет жена Фурмана, у художника были изъяты кисти, краски холсты и т.д.) и выставляться. Произведения Ф. демонстрировались на выставке «Выродившееся искусство» (1937 г., Мюнхен), были конфискованы, частично уничтожены, частично распроданы. Многие погибли во время одной из бомбардировок Берлина.

ХААС, Лео (1901, Опава (Троппау) — ¹⁴⁶) — график, портретист, иллюстратор, прикладник. Художественное

¹⁴⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁴⁶ 15.04.1901, Опава (Троппау), Горная Силезия — 13.08.1983, Берлин (Прим. ред.).

образование получил в Карлсруэ и Берлине. Член КПГ. Работал в социал-демократической и коммунистической немецкой и чешской прессе, 1939 г. — был арестован гестапо. Отправлен на принудительные работы в Остраву, затем Терезиенштадт, Кляйне Фестунг, Освенцим, Заксенхаузен. 1945 г. — был освобождён из Эбензее. Член КПЧ с 1945 г. 1945–1955 гг. — сотрудничал в «Руде право». В 1955 г. переселился в ГДР. Лауреат Национальной чешской и немецкой премии. Работал для прессы, кино, телевидения.

ХАЙДЕНРАЙХ, Карл (4.10.1901, Бернек (Байрет) — ¹⁴⁷) — живописец. Учился в Мюнхенской школе прикладного искусства у В. Эмке, Я. Торн-Приккера, Г. Нюфмана. 1918 г. — член Мюнхенского совета рабочих и солдатских депутатов. Выставлял свои работы в «Берлинском сецессионе». Работал художником на Уфа в Бабельсберге. Член АССО (Берлин). 1933 г. — член КПГ, «вне закона», эмигрировал во Францию, затем Испанию. С 1941 г. в Нью-Йорке. Незадолго до окончания войны в Берлине было сожжено 300 его работ. 1949 г. — выставки работ Х. в Нью-Йорке, Лондоне, Париже.

ХАЙНЦИНГЕР, Альберт (1911 — ¹⁴⁸) — живописец и график. Систематическое образование получил после 1945 г. в Мюнхенской Академии художеств у проф. Шиннерера. Член мюнхенской группы Сопротивления. В 1938 г. был арестован, получил 2,5 года тюрьмы и концентрационного лагеря (Людвигсбург и Папенбургер МООР). Жил в Мюнхене, вице-президент «Нового мюнхенского сообщества художников», руководитель группы «Реализм». Его работы экспонировались не раз в ГДР.

ХАМАН, Пауль (1891 — ¹⁴⁹) — скульптор. В 1933 г. эмигрировал во Францию, в 1936 г. — в Англию. Один из

¹⁴⁷ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁴⁸ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁴⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

основателей «Лиги свободной немецкой культуры». Участник совместной выставки немецких и английских художников в октябре 1942 г. в Лондоне (2 скульптуры (торсы) и 2 литографии); немецких и еврейских художников в феврале 1943 г. («торсы») в Лондоне.

ХАНЕ, Рутхильд (1910, Берлин — ¹⁵⁰) — скульптор, ученица проф. В. Герстля (Высшая берлинская художественная школа). 1933 г. — член КПП, 1942 г. — приговорена к 4 годам тюрьмы за антифашистскую деятельность. После 1945 г. жила в Берлине.

Работы: «Сильвана», бронза, 1941.

ХАРТФИЛЬД, Джон (настоящее имя Хельмут Херцфельде, 19.06.1891,¹⁵¹ — 26.04.1968, Берлин) — мастер фотомонтажа, оформитель книг, типограф. 1910–1911 гг. — школа прикладного искусства (Мюнхен). 1912–1914 гг. — Берлин; 1914–1916 гг. — солдат. 1916 г. — один из основателей издательства «Малик», один из основоположников немецкого дадаизма. 1918 г. — член КПП. Карикатуры, фотомонтажные плакаты, книжные обложки, работа в коммунистической прессе. Весной 1933 г. эмигрировал в Чехословакию (Прага). Член «Союза Оскара Кокошки». 1938–1950 гг. — Англия; член «Лиги свободной немецкой культуры». Статьи в чешской и английской прессе. Выставки — 1931, 1958, 1972 гг. — Советский Союз; 1934, 1937, 1964 гг. — Прага (член-корреспондент общества «Манес»); 1935 г. — Париж; 1938 г. — Нью-Йорк; 1939, 1967 гг. — Лондон. 1950 г. — вернулся в ГДР (Берлин). 1956 г. — действительный член Германской Академии искусств, лауреат Национальной премии; 1967 г. — Орден Карла Маркса за участие в рабочем движении.

¹⁵⁰ 19.12.1910, Берлин — 1.09.2001, Берлин (Прим. ред.).

¹⁵¹ Берлин (Прим. ред.).

ХЕЙМАН, Мориц (1872 — 1937¹⁵²) — живописец. Руководитель одной из известнейших частных художественных школ Мюнхена. Нацисты запретили ему руководить школой, и 65-летний художник¹⁵³ покончил жизнь самоубийством.

ХЕККЕЛЬ, Эрих (31.12.1883, Добельн — 27.01.1970, Хемменхофен) — живописец и график. Учился в Дрезденской Высшей технической школе. Несостоявшийся архитектор. 1907–1910 гг. — Дрезден, Морицбург, Дангаст. Член дрезденской группы «Мост» (1905–1913 гг.). 1911 г. — Берлин. 1914–1918 гг. — санитар. 1918 г. — Берлин. 1937 г. — «дегенеративный» художник, 729 работ которого было изъято из государственных собраний. 1944 г. — во время одного из налётов на Берлин погибли работы, оставшиеся в мастерской. В 1944 г. переселился в Хемменхофен у Бодензее. 1949–1954 гг. профессор Академии искусств в Карлсруэ (ФРГ).

ХЕРРМАН, Отто (1899 — ¹⁵⁴) — живописец и график. Участник Первой и Второй мировых войн, недолгое время учился в Штутгартской Академии художеств. Работал в журналах «Симплициссимус», «Югенд». В фашистской Германии ему было запрещено работать. Первое большое послевоенное антифашистское и антимилитаристское произведение — «Сталинградский цикл» (60 литографий).

ХИРШ, Карл Якоб (1892, Ганновер — 8.07.1952, Мюнхен) — живописец. Учился в школе живописи Дебшица в Мюнхене. Участник Ноябрьской революции. Один из основателей «Ноябрьской группы» и «Рабочего совета по делам искусства». Сотрудничал в журнале «Аktion». В 1920-е гг. начинает заниматься театром и литературой. Его книги были в числе сожжённых в 1933 г. Эмигрировал в Данию, затем Швейцарию, США. В 1945 г. вернулся в Германию. Жил в ФРГ.

¹⁵² 2.07.1870, Бреслау — 1937, Мюнхен (Прим. ред.).

¹⁵³ 67-летний художник (Прим. ред.).

¹⁵⁴ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

ХОЛЫЦ, Карл (14.01.1899, Берлин — ¹⁵⁵) — рисовальщик. Учился в Берлинской школе прикладного искусства. 1914–1918 гг. — солдат. Сотрудничал в «Роте Фане». 1934–1935 гг. — запрещено работать.

ХОФЕР, Карл (1878, Карлсруэ — 1955, Берлин¹⁵⁶) — живописец и график. 1896–1903 гг. учился в Академии художеств (Карлсруэ и Штутгарта), ученик Х. Тома. 1903–1914 гг. — Италия, Франция, Индия. 1919–1933 гг. — профессор Берлинской Академии художеств. В 1920-е гг. выступал в защиту прав рабочих (8-часовой рабочий день). 1933 г. — освобождён от занимаемой должности, попал в число «дегенеративных» художников. 313 произведений было изъято из государственных собраний, запрещено работать и выставлять свои работы. 1.07.1938 г. — исключён из числа членов Прусской Академии художеств. Отдан под надзор гестапо. В 1943 г. во время одного из воздушных налётов на Берлин погибли почти все работы Х., не попавшие в лапы к фашистам.

ХОФМАН, Вернер (9.09.1907, Дрезден — ¹⁵⁷) — график и живописец. Учился в средней технической школе, а затем (1925–1929 гг.) школе прикладного искусства (Дрезден). Член АССО — взял на себя функции технического секретаря организации. Принимал участие в работе агитпроптрупп (моментальные рисунки). В апреле 1933 г. — домашний обыск (команда СС). Искали картотеку членов АССО, корреспонденцию и прочие материалы. Они были заранее спрятаны (зарыты в землю неподалёку от Дрездена). Пролежавшие 12 лет в земле материалы погибли. 1933–1945 гг. Х. не выставлял своих работ.

¹⁵⁵ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁵⁶ 11.10.1878, Карлсруэ — 3.04.1955, Берлин (Прим. ред.).

¹⁵⁷ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

художник К.ХОЛЬЦ

ХОФМАН, Эуген (1892, Дрезден — 1955, Дрезден) — живописец, скульптор и график. Изучал скульптуру в Дрезденской Академии художеств (ученик К. Альбикера). 1923 г. — член КПП. 1929 г. — член АССО (Дрезден). 1933 г. — превентивный арест, запрещено работать и выставлять свои работы, подполье. 1936–37 гг. (?) — домашний обыск (гестапо). Эмигрировал в Прагу. Член «Союза Оскара Кокошки». 1939 г. — член «Лиги свободной немецкой культуры» в Лондоне. Во время войны работал в английской оборонной промышленности. Выставки работ Хофмана в Лондоне. Вернулся в ГДР.

Работы: «Автопортрет», гипс, 1933; «Руины», рисунок, 1939; «После бомбардировки», «Варвар», «Конец», «Партизанка» (I, II, III варианты), «Сражающийся всадник» — акварели, 1941–1944.

ХУББУХ, Карл (1891, Карлсруэ — ¹⁵⁸) — живописец и график. 1908–1912 гг. учился в Академии художеств (Карлсруэ). 1914–1918 гг. — солдат. 1920–1924 гг. — продолжил образование в Академии. 1925–1933 гг. — проф. Академии в Карлсруэ. 1933 г. — лишён права преподавать. 1933–1945 гг. — случайные заработки (керамика, упаковка часов, оформительская работа). С 1945 г. — Карлсруэ. Работал в различных антифашистских творческих союзах; 1948–1957 гг. — профессор Академии; с 1958 г. — свободный художник.

Работы: «Автопортрет», карандаш, 1935.

ХУНЦИНГЕР, Ингеборг (Франк — девичья фамилия до середины 1950-х гг.,

1915, Берлин — ¹⁵⁹) — скульптор. Училась в Берлине, по политическим причинам должна была покинуть его. 1938 г. — закончила обучение в Баварии. В 1939 г. — эмигрировала. В 1949 г. вернулась в ГДР. С 1954 г. жила в Берлине.

¹⁵⁸ 21.11.1891, Карлсруэ — 26.12.1976 (Прим. ред.).

¹⁵⁹ 3.02.1915, Берлин — 19.07.2009, Берлин (Прим. ред.).

ХУТ, Н.Р. (27.06.1890, Эрфурт — ¹⁶⁰) — живописец. Учился в школе прикладного искусства (Эрфурт и Дюссельдорф). В 1933 г. — запрещено выставлять свои работы. Во время Второй мировой войны был призван на военную службу. С 1946 г. — профессор Высшей школы изобразительного искусства в «Берлине — Вильменсдорфе» (ФРГ).

ХЮТТЕНБАХ, Альфред Генрих (1897 — ¹⁶¹) — скульптор, живописец и график (Берлин). Эмигрировал в Англию. Член «Лиги свободной немецкой культуры» (Лондон).

ЦЕЛЛЕР, Магнус (9.08.1888, Бизенроде — 26.02.1972, Капут, Потсдам) — живописец и график. 1908–1911 гг. — ученик Л. Коринта (Берлин); 1924–1937 гг. — Берлин и Бломберг. 1933 г. — ряд произведений Ц. был уничтожен гестапо.

Работы: «Гитлеровское государство», м., 1938–39; «Погребение государства», м., 1944–45.

ЦЕЛЬНЕР, Филипп (¹⁶² — 23.11.1943) — скульптор, член группы Сопротивления Урига. Умер 23.11.1943 г. в Заксенхаузене.

ЦИММЕРМАН, Макс (1912 — ¹⁶³) — живописец и график. 1934 г. — Гамбург, театральный художник. Иллюстрировал подпольные листовки, делал рисунки для подпольных газет. 1938 г. — Берлин, 1942 г. — исключён из «Имперской палаты искусств». В 1945 г. был освобождён из заключения. После 1945 г. жил в Мюнхене.

ШАМЕС, Самсон (1898 — ¹⁶⁴) — живописец. Учился во Франкфурте-на-Майне. Был в Швейцарии, Италии, на Корсике, в Сицилии, Югославии и Франции. 1934 г. — эмигрировал

¹⁶⁰ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁶¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁶² Год рождения неизвестен (Прим. ред.).

¹⁶³ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁶⁴ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

в Голландию; 1938 г. — Лондон. Работы Ш. в различных государственных и частных собраниях. Участник совместной выставки немецких и еврейских художников в Лондоне — февраль 1943 г.

Работы: «Жёлтая звезда», мозаика; «Неизвестная жертва», мозаика, 1942.

ШАРЛЬ, Иосиф (1896–1954) — живописец и график. 1910–1915 гг. — ученик театрального художника. 1915–1919 гг. — солдат. 1919–1921 гг. — учился в Мюнхенской Академии художеств, до 1938 г. жил в Мюнхене. 1938 г. — эмигрировал в США.

Работы: «Мёртвый заключённый», перо, 1936; «Избиение невинных» («Избиение невинных в Гернике, Аддис-Абебе, Варшаве, Льеже, Роттердаме, Гонконге, Белграде, Ковентри, Бергене, Реймсе, Салониках, Красной Поляне, Керчи, Ростове»), масло, 1942.

ШАРФ, Эдвин (21.03.1887, Ной-Ульм — 17.05.1955, Гамбург) — скульптор, живописец и график. 1923 г. — профессор Высшей школы изобразительного искусства (Берлин). 1927 г. — действительный член Прусской Академии художеств. 1933 г. — уволен в отпуск и переведён в Дюссельдорф. 1937 г. — запрещено работать и преподавать.

ШВЕЗИГ, Карл (1898 — 1955, Дюссельдорф) — живописец и график-самоучка. Один из основателей «Молодой Рейнской земли». Художник круга О. Панкока, член КПП, участник Сопротивления. 1933 г. — арест, концентрационный лагерь. В 1935 г. эмигрировал в Голландию, затем Испанию и Францию. 1940–1943 гг. — Испания, лагерь для политзаключённых. С 1945 г. в Дюссельдорфе.

Работы: цикл «Шлегеркеллер» (60 листов), 1935–1936 гг. — был представлен на выставках в Брюсселе, Амстердаме, Москве (1937–1938 гг.); цикл рисунков «Республика Испания» (28), 1940–1943.

ШВИММЕР, Макс (1895, Лейпциг — 1960, Лейпциг¹⁶⁵) — график. С 1919 г. изучал философию и историю искусства в Лейпцигском университете. 1928–1933 гг. — преподаватель школы прикладного искусства (Лейпциг). 1933 г. — освобождён от занимаемой должности. Один из крупнейших графиков ГДР.

ШЕФФЕР, Ильзе (1899 — 07.1972¹⁶⁶) — скульптор. Активный участник антифашистской группы Сопротивления Шульце — Бойзен — Харнаке. После 1945 г. жила и работала в ГДР.

Работы: Портрет товарища по группе — В. Гуддорфа в тюрьме, рисунок, 1942.

ШЁНБЕРГ, Эвальд (1882, Саксония — 1949, Дрезден) — живописец. С 1910 г. жил в Дрездене. Столяр, посещал вечерние курсы при школе прикладного искусства. 1933 г. — безработный. После 1945 г. доцент Высшей художественной школы в Дрездене.

Работы: «Фабричный рабочий», м., 1934; «Запрещено», м., 1944.

ШЛЕММЕР, Оскар (1888 — 1943¹⁶⁷) — живописец, график и скульптор. 1920–1929 гг. — профессор Баухауза. 1929–1932 гг. — профессор Академии художеств (Вроцлав); 1932–1933 гг. — Объединённой государственной школы (Берлин). В 1933 г. — освобождён от занимаемой должности.

ШМИДТ-РОТЛУФФ, Карл (1.12.1884, Ротлуфф, близ Хемница — ¹⁶⁸) — живописец и график. Учился в Дрезденской Высшей технической школе. Несостоявшийся архитектор. Один из основателей группы «Мост» (1905–1913 гг.). 1914–1918 гг. — солдат. С 1918 г. — Берлин. Член «Ноябрьской группы»

¹⁶⁵ 9.12.1895, Лейпциг — 12.03.1960, Лейпциг (Прим. ред.).

¹⁶⁶ 23.10.1899, Фрауштадт — 30.07.1972, Потсдам (Прим. ред.).

¹⁶⁷ 4.09.1888, Штутгарт — 4.04.1943, Баден-Баден (Прим. ред.).

¹⁶⁸ 10.08.1876, Берлин (Прим. ред.).

и «Рабочего совета по делам искусства». 18.05.1933 г. вынужден «добровольно» покинуть Прусскую Академию художеств. В 1941 г. запрещено работать. Жил в Западном Берлине.

ШМИДХАГЕН, Рейнхардт (1914–1945) — график. В 1934 г. по состоянию здоровья должен был покинуть Мюнхенскую Академию художеств. 1934–1938 гг. — санаторий «Тессин» (Швейцария). Знакомство с Л. Ренном, который вводит его в круг антифашистов. В 1937 г. под псевдонимом Фердинанда Лаарена выпускает цикл гравюр на дереве «Герника» (8). Все вырученные деньги (листы воспроизводились в 9 европейских газетах, использовались для почтовых открыток) пошли на основание первого в Швейцарии дома для испанских детей. В 1938 г. вынужден был вернуться в Германию. 1938–1940 гг. — Хаген, с 1940 г. — Марбург. Там он был связан с оппозиционно настроенными художниками.

Работы: помимо «Герники», цикл гравюр на дереве «Гений», 1940–41; Автопортрет, 1934.

ШОЛЬЦ, Вернер (1898, Берлин — ¹⁶⁹) — живописец и график. 1933 г. — запрещено выставлять свои работы. Для фашистов он «дегенеративный» художник. Конфискованы и уничтожены значительнейшие произведения. Жил в Альпбахе (Тироль, Швейцария).

ШОЛЬЦ, Георг (1890 — 1945¹⁷⁰) — Живописец и график. Преподаватель Академии художеств в Карлсруэ. 1933 г. — освобождён от занимаемой должности.

ШРАГ, Марта (29.08.1870 — 10.02.1957, Карл-Маркс-Штадт) — живописец и график. 1898–1904 гг. училась в Дрезденской Академии художеств у Клаузиуса и Р. Стерля.

¹⁶⁹ 23.10.1898, Берлин — 5.09.1982 (Прим. ред.).

¹⁷⁰ 10.10.1890 — 27.11.1945 (Прим. ред.).

1907 г. — одна из организаторов «Группы художников Хемница». 1908 г. — продолжает образование в Мюнхене. 1933 г. — фашисты называют её «дегенеративной» художницей; 23 произведения изъяты из музеев. 1945 г. — многие работы погибли во время очередного налёта на Хемниц (Карл-Маркс-Штадт).

Работы: «Книга», литография, 1935.

ШТЕРН, Макс (1872, Дюссельдорф — 1954, Лондон) — живописец. Учился в Дюссельдорфе и Мюнхене. Был в Италии, Голландии, Франции. Перевёз в Лондон, куда он эмигрировал, Дюссельдорфскую картинную галерею Юлиуса Штерна. Участник первой выставки, организованной немецкими художниками в Англии.

ШТЕРН, Эрнст (1876, Бухарест — 1954, Лондон¹⁷¹) — график. Учился в Мюнхенской Академии художеств у Ф. Штука. Сотрудничал в журналах «Югенд», «Симплициссимус». С 1905 г. — Берлин, работал у М. Рейнхардта в «Дойчес театр»; член «Ноябрьской группы». 1933 г. — эмигрировал в Лондон. Участник первой выставки, организованной немецкими художниками в Лондоне.

ШТИЛЛЕР, Альфред (1879–1945) — график. Сотрудничал в коммунистической прессе. 1918 г. — член КПП, 1928 г. — член АССО (Берлин). С 1945 г. — работник аппарата ЦК СЕПГ.

ШТРЕМПЕЛЬ, Хорст (1904 — ¹⁷²) — живописец и график. 1921–1927 гг. — учился в Вроцлаве. 1933 г. — эмигрировал во Францию. 1936 г. — член «Союза свободных немецких художников». 1941 г. — интернирован и отправлен в штрафной батальон. До 1953 г. — ГДР, с 1953 г. — Западный Берлин.

Работы: триптих «Уцелевшие», м., х., 1944–1945.

¹⁷¹ 1.04.1876, Бухарест — 28.08.1954, Лондон (Прим. ред.).

¹⁷² Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

художник Штиллер

ИШТРУП, Гюнтер (1912, Йоханнесбург — ¹⁷³) — живописец и график. Учился в Эссене (Фолькванг-шULE, у проф. К. Россинга), Кёльне (Промышленная школа), Берлине (Академия художеств, у проф. К. Хофера). 1933 г. — был арестован, концентрационный лагерь Кемна. 1933–1936 гг. — Париж. 1944–1945 гг. вновь арестован. Жил в Аугсбурге.

ИШТУМП, Эмиль (1885¹⁷⁴ — 5.04.1941) — график (портретист). 1903 г. — художественная школа в Карлсруэ. Изучает филологию в университетах Марбурга, Берлина, Упсалы. Отказался стать военным художником во время Первой мировой войны. 1919 г. — член Совета рабочих и солдатских депутатов, комендант Кёнигсбергского вокзала. 1925–1933 гг. — сотрудничает в «Дортмундер генеральанцайгер». Незадолго до захвата Гитлером власти Ш. нарисовал на него злую карикатуру. В результате Ш. было запрещено работать. Он эмигрировал в Швецию. Незадолго до Второй мировой войны вернулся в Германию, чтобы увидеться с семьёй. Был арестован за антифашистские разговоры, осуждён и умер в тюрьме.

Работы: цикл литографий «Старый город в Праге» (предисловие написал Карел Чапек); целый ряд портретов (литогр.) — О. Дикс, Э. Барлах, К. Кольвиц, К. Хофер, А. Барбюс, Б. Шоу, Э. Толлер, Э. Тухольский, А. Цвейг, А. Луначарский, А. Эйнштейн, Ф. Нансен и т.д.

ИШУЛЬЦЕ, Фриц (14.04.1903, Лейпциг — 5.06.1942, Берлин (Плётцензее)) — график и живописец. 1923–1925 гг. — учился в Лейпцигской Академии графики, 1925–1927 гг. — в Дрезденской Академии художеств у Ф. Дорша и М. Фельдбауера, 1927–1929 гг. — у Р. Стерля. Был в Испании, Финляндии, Далмации, Италии, Франции.

¹⁷³ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁷⁴ 1886 (Прим. ред.).

1929 г. — член АССО (Дрезден), 1930 г. — член КПП. 1933 г. — скрывается в Лейпциге, подпольная работа, первый арест. До 1934 г. — полицейская тюрьма в Дрездене и крепость Хонштейн. 1935–1940 гг. — вместе с писателем Г. Боховым организовал подпольную группу в Дрездене. Связной между руководством КПП (Чехословакия) и подпольными организациями в Германии. Был арестован 27.02.1942 г., приговорён к смертной казни и казнён 5.06.1942 г.

ШУЛЬЦЕ-КНАБЕ, Ева (1907, Пирна — ¹⁷⁵) — живописец и график. 1924–1929 гг. училась в Лейпцигской Академии графики, Дрезденской Академии художеств (у Ф. Дорша, М. Фельдбауера, Р. Стерля). 1929 г. — член АССО; 1930 г. — член КПП. 1933–1934 гг. — первый арест. 1935–1941 гг. — подпольная работа. Была арестована 29.01.1941 г. и приговорена к пожизненному заключению. Освобождена частями советской армии 8.05.1945 г. из тюрьмы Вальдхайм. Жила и работала в Дрездене (ГДР). Председатель Дрезденского окружного отделения Союза художников ГДР.

Работы: «Парный автопортрет», масло, 1934 (тотчас по выходе из тюрьмы); портреты товарищей по подполью, по тюрьмам.

ШУМАХЕР, Курт (6.05.1905 — 22.12.1942¹⁷⁶) — скульптор. Учился в Берлине. Член подпольной организации Шульце — Бойзен — Харнаке (Берлин), устанавливал связи с группами Сопротивления на заводах. Выпускал и распространял листовки. Был арестован летом 1942 г., казнён 22.12.1942 г. Все работы были уничтожены фашистами. Сохранились некоторые фотографии с работ скульптора у его матери, жившей в Западной Германии.

¹⁷⁵ 11.05.1907, Пирна — 15.07.1976, Дрезден (Прим. ред.).

¹⁷⁶ 6.05.1905, Штуттгарт — 22.12.1942, Берлин (Прим. ред.).

ШУМАХЕР, Элизабет (28.04.1904 — 22.12.1942¹⁷⁷) — график. Жена и товарищ Курта Шумахера по Сопротивлению. Была арестована летом 1942 г.; казнена 22.12.1942 г.

ШУХХАРДТ, Эдмунд (1886 — ¹⁷⁸) — живописец, Дрезден. 1944 г. — принудительные работы на рудниках в Остероде. Был освобождён американцами.

ЭБЕЛЬ, Тони (10.11.1881 — 9.06.1961, Берлин) — живописец. 1900–1911 гг. — Италия, Египет. 1918 г. — член Социал-демократической партии Германии; 1920 г. — член КПП. 1934 г. — эмигрировала в Чехословакию — Брно, Прага. Была арестована там фашистами и находилась в лагере для беженцев. Жила в ГДР.

ЭДЕЛЬ, Петер (1921 — ¹⁷⁹) — рисовальщик, журналист, ученик Кете Кольвиц. Участник антифашистского Сопротивления. Концентрационные лагеря — Освенцим, Маутхаузен, Заксенхаузен, Эбензее. Жил в Берлине. Автор книги «Ди Бильдер дес Цойген Шатманн» (романа «о немецком прошлом и настоящем»).

ЭК, Шандор (Алекс Кайль, в Германии; настоящее имя — Шандор Лейхт; 1902 — ¹⁸⁰) — венгерский художник-график. 1921 г. — делегат II Конгресса Коммунистического интернационала молодёжи. Присутствовал на III Конгрессе Коминтерна. 1925–1933 гг. — Берлин, работал в коммунистической прессе. 1928 г. — один из основателей АССО (Берлин). Эмигрировал в СССР. 1945 г. — вернулся в Венгрию. Профессор Будапештской Академии художеств; лауреат премий Кошута и Мункачи.

Работы: «Долой фашизм», плакат, 1933; «Вильгельм Пик», литография, 1935; «Демонстрация в Берлине», 1936;

¹⁷⁷ 28.04.1904, Дармштадт — 22.12.1942, Берлин (Прим. ред.).

¹⁷⁸ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁷⁹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁸⁰ 27.08.1902, с. Сентмихайфальва — 15.01.1975 (Прим. ред.).

«Немецкая рабочая семья» и «Расклейка плакатов в Веддинге», рисунки, 1933.

ЭЛЬ, Эрвин (1907 — ¹⁸¹) — живописец. Эмигрировал в 1936 г. во Францию. Член «Союза свободных немецких художников» — Париж. Жил в Мюнхене.

ЭЛЬКАН, Бенно (1877, Дортмунд — 1960, Лондон¹⁸²) — скульптор. Учился в Мюнхене, Карлсруэ, Париже и Риме. 1933 г. — эмигрировал в Лондон.

Работы Элькана в Саарбрюккене и Франкфурте-на-Майне — памятники павшим в Первую мировую войну — были удалены фашистами.

ЭМЗЕН, Генрих (9.08.1886, Киль — 6.05.1964, Берлин) — живописец и график. 1906–1909 гг. — учился в школе прикладного искусства в Дюссельдорфе (у Ф.Х. Эмке, П. Беренса, Я. Торн-Приккера). 1909–1910 гг. — Париж, знакомство с Пикассо, Браком, Фламинком, Дереном и др. 1911–1914 гг. — Мюнхен, дружба с художниками «Синего всадника»; 1914–1918 гг. — солдат. 1919–1928 гг. — Мюнхен, член «Ноябрьской группы». 1929 г. — переселился в Берлин. 1932 г. — выставка работ Э. в Москве; он проводит 9 месяцев в Советском Союзе. 1933 г. — превентивный арест. Из 15 немецких музеев удалены его работы, до 1945 г. своих работ в Германии не выставлял. В 1940–1944 гг. призван на военную службу — его попечению поручены французские художники в Париже. В 1942 г. за «франкофильство» наказан. В 1944 г. во время одного из воздушных налётов была разрушена его мастерская в Берлине, часть работ погибла. 1945 г. — вместе с К. Хофером восстанавливает Высшую школу изобразительного искусства в Берлине; 1948 г. — входит в состав первой делегации немецкой прогрессивной интеллигенции, приехавшей в СССР.

¹⁸¹ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

¹⁸² 2.12.1877, Дортмунд — 10.01.1960, Лондон (Прим. ред.).

1950 г. — действительный член Германской Академии искусств (ГДР).

Работы: триптих «Расстрел матроса Эгельхофера», м., 1933 (Эрмитаж); «Собор Василия Блаженного», м., 1935; «Армянский грузчик», м., 1934; «Соборы», м., 1934 и др.

ЭРНСТ, Елена (1914, Афины — 1949, Шверин) — график. Рисовала для «Роте Фане». Член КПП. После 1933 г. эмигрировала в Швейцарию, Италию, Голландию. В Голландии была арестована и отправлена в Равенсбрюк. (Есть портрет Е. Эрнст работы Г. Грундиг).

ЭРНСТ, Макс (1891, Брюль, Кёльн — ¹⁸³) — живописец, скульптор и график-самоучка. 1914–1918 гг. — солдат. 1919 г. — основатель группы дадаистов в Кёльне. Член группы «Молодая рейнская земля». 1922 г. — Париж; 1924 г. — один из инициаторов сюрреалистического движения в Париже. Окончательно обосновался в Париже в 1927 г. 1925–1930 гг. — участник «сюрреалистической революции». 1933 г. — объявлен «вне закона» в Германии. Член «Союза свободных немецких художников» (Париж). Участник выставки «Пять лет Гитлера» (1938, Париж), делал макеты для международной Нью-Йоркской выставки 1939 г. 1939–1940 гг. — был интернирован в южной Франции. 1941 г. — эмигрировал в Америку. В 1952 г. вернулся в Париж.

Работы: «Прекрасная немка», бронза, 1934–35; серия коллажей «Неделя доброты», середина 1930-х гг.

ЯДЗЕВСКИЙ, Эрнст (1907, Берлин — ¹⁸⁴) — график. Учился в школе прикладного искусства (Берлин). 1932 г. — член КПП; член АССО. В 1933 г. был арестован гестапо, получил 1,5 года тюрьмы за антифашистские листовки.

¹⁸³ 2.04.1891, Брюль, Кёльн – 1.04.1976, Париж (Прим. ред.).

¹⁸⁴ Год смерти неизвестен (Прим. ред.).

До 1945 г. находился под надзором гестапо. С 1946 г. работал в «Нойес Дойчланд» (ГДР).

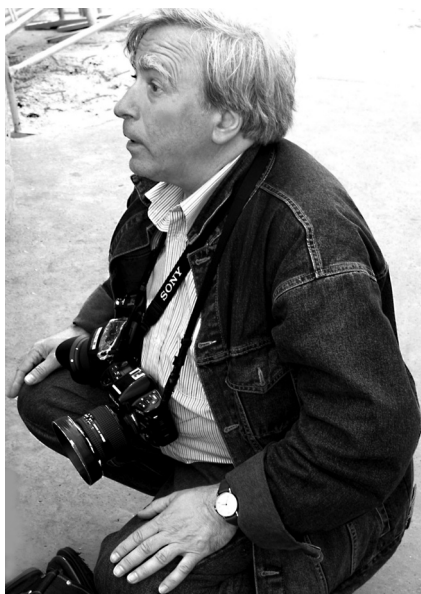
В основу данного указателя легла картотека немецких пролетарско-революционных художников (Национальная галерея, Берлин), двухтомное издание «Deutsche Widerstandskämpfer». 1933–1945, 1970, соответствующие разделы книг: *Hiepe R.* Gewissen und Gestaltung; *Schmidt D.* In letzter Stunde, Ich war, ich bin, ich werde sein; *Frommhold E.* Kunst im Widerstand, а также ряд газетных и журнальных статей и заметок.

В указателе, не претендующем на исчерпывающую полноту, приводятся произведения немецкого изобразительного искусства, увидевшие свет в 1933–1945 гг.

В.И. ПЛУЖНИКОВ

ОТБЛЕСК ДВУХ БИОГРАФИЙ

1 августа 2015 г. скоропостижно скончался историк искусства и высокочлассный фотограф Виталий Михайлович Рудченко. Хоронили его через три дня — в день св. мученика Виталия. Сеть дорожек к вырытой могиле в глубине старообрядческого кладбища заполнили многие десятки немолодых

*Виталий Михайлович
Рудченко —
изумление Реймсом, 2007 г.*

людей, ценивших Виталика Рудченко за его фотомастерство, широкую эрудицию и щедрость без демонстративности. У гроба посреди обширного погоста, в тот день залитого жарким солнцем, отпевавший священник не был похож на большинство своих коллег-никониан на непреодолимой дистанции между мрачным ритуалом и горестной растерянностью мирян, которых придавила потеря дорогого человека. Явно не озабоченный своей внешностью, грустный и добрый священник, отпевавший Виталика, искренне разделял скорбь пришедших. Человечная горечь ослабила служебную осанку, аккуратное облачение было предельно скромным; пальцы в мягких крестных знамениях не смыкались в артистичной чёткости, а словно в задумчивости намекали и на старообрядческое двоеперстие, и на никонианскую троеперстную «щепоть», и на жест архиерейского благословения. Эти движения ритмично отмечали завершение земного пути В.М. Рудченко — члена КПСС, выходца из семьи, беззаветно служившей советской власти и диктату этой партии, которая чтит агрессивный атеизм Ленина.

Отец Виталика — сирота с Полтавщины и воспитанник советского детдома — с молодых лет служил в НКВД. В Великую Отечественную войну он был организатором знаменитого парада на Красной площади 7 ноября 1941 г., когда столица была на осадном положении и с ужасом ожидала захвата врага, но тот парад кардинально возвысил её веру в спасение и даже в победу над страшным врагом. После войны Михаил Михеевич Рудченко работал в ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных), затем руководил управлениями госбезопасности в двух регионах Украинской ССР, где пользовался осведомительскими услугами митрополитов Русской православной церкви. Человеческих симпатий эти благочестивые доносчики не вызывали. Среди московских архитекторов послесталинской эпохи, кроме В. Рудченко, были и другие заметные выходцы из чекистской

среды, притом с более высоких служебных уровней. У кого-то отец тайно вывозил Нильса Бора в бомбовом отсеке самолёта и гарантировал безопасность Сталина с его свитой на Тегеранской конференции. Родитель другого искусствоведа, также коллеги Виталика, руководил выселением татар из Крыма, за что был награждён орденом Суворова. А Виталик из своей семейной среды вынес молчаливую преданность избранному делу и заботу о безупречной профессиональной репутации. Врождённый интерес к нестандартной красоте и инстинктивная неприязнь к ширпотребной бездумности вывели Виталика к церковному зодчеству. Старшеклассником он в одиночку ездил с фотоаппаратом к таким удалённым храмам, что вернуться домой в тот же день было трудно. По его словам, он тогда возил с собой шерстяное одеяло, чтобы спать, завернувшись в него, в лесу под деревом. Окончив школу, он днём работал администратором на сокольнической выставке оргтехники, а вечером безвозмездно восстанавливал здания Крутицкого подворья. Тогда, в середине 1960-х гг., подобных ценителей древности, далёких от официоза, спланировал молодёжный клуб «Родина» (в 1970-е его заслонит одноимённое ксенофобское объединение Д. Васильева). Реставраторскую «Родину» тогда осенял своим авторитетом старейший русский реставратор П.Д. Барановский (1892–1984), друживший с Виталиком, несмотря на большой перепад возрастов.

Большое нравственное влияние на него оказала Елизавета Михайловна Караваева (1924–1978), также архитектор-реставратор. Своей личной жизнью она неприметно внушала окружающим радость от нелёгкого честного труда и потребность бескорыстно помогать единомышленникам. Эти качества были свойственны и Виталику. И он, и Караваева держали в своей, отнюдь не праздной памяти массу вопросов, занимавших их коллег и друзей. Как и Виталик, Караваева состояла в КПСС, считая, что без этого нельзя достичь серьёзных жизненных

целей общественного масштаба. В ущерб себе она шла порой против течения — например, летом 1963 г., с риском для своей служебной судьбы, она одна-одинёшенька выступила на большом партсобрании против свежего объёмистого постановления ЦК КПСС о принципиальных разногласиях с Коммунистической партией Китая. К ужасу партийных функционеров, в день её похорон гроб для прощания поставили в центре пустынного интерьера только что отреставрированной церкви того же Крутицкого ансамбля.

В нашей стране до 1988 г. профессионально заниматься религиозным искусством было не слишком выгодно. Разгоревшийся после этого назойливый клерикализм, топорно совмещаемый со сталинизмом, резко изменил ситуацию, но к конъюнктурным бонусам потянулись далеко не все искусствоведы. Мало воспользовался этим и В. Рудченко, к тому времени наладивший хорошие отношения и с верхами РПЦ, и с «древлеправославными» старообрядцами. Если предстояло работать с ними, Виталик на время заклеивал чёрной изолентой фирменное слово «Nikon» на импортном фотоаппарате, так как оно распяляло их многовековую жгучую ненависть к инициатору нынешних обрядов для большинства российских православных. С этими Виталик встречался гораздо чаще и даже работал в ЖМП («Журнал московской патриархии» — её главный печатный орган), оказался фотолетописцем восстановления Данилова монастыря (долгие десятилетия его занимал Приёмник-распределитель безнадзорных детей, подчинённый УВД Мособлисполкома), был личным фотографом патриарха Пимена, а в июне 1990 г. вёл подробную документальную съёмку на избрании очередного патриарха РПЦ — Алексия II.

Как и многие коллеги Виталика, прощавшиеся с ним 5 августа 2015 г., он испытывал отвращение к агрессивной исторической безграмотности «вставших с колен» функционеров посткоммунистического православия. В довольно благополуч-

ном для историко-культурного наследия Нерехтском районе (Костромская область) Виталика возмутил грузовичок с рабочими и большими фрагментами иконостасов 18 в. в кузове. В кабине грузовичка восседал священник, объезжавший храмы благочиния, вновь открытые для богослужений, но не давшие ожидаемой денежной прибыли. Рабочим из кузова священник указывал, какие фрагменты из цельных, архитектурно-богатых иконостасов надо выламывать, чтобы улучшить интерьер экономически плодотворного храма. Такое было невозможным даже в эпоху разнузданного пренебрежения к религии со стороны советской власти и её многомиллионного электората. Возвращаясь из экспедиций, Виталик с досадой и безнадёжностью отмечал варварство церковников, самовольно и примитивно обновлявших старинную стенопись в монастырях, — например, в Толгском, Спасо-Яковлевском, Троице-Сергиевом (Ленинградской области).

Выдающийся историк искусства, 13 лет возглавлявший Государственный институт искусствознания, А.И. Комеч (1936–2007) — сам первоклассный фотограф, умный и взыскательный к эстетике, не склонный раздавать незаслуженные комплименты, — всерьёз называл национальным достоянием картонные ящички В. Рудченко с его прочувствованной и точной фиксацией русского провинциального зодчества. Не случайно Виталик стал ценным соавтором российского Свода памятников архитектуры и монументального искусства — энциклопедического коллективного труда, мало потакающего индивидуальному честолюбию его создателей.

Без саморекламы и назойливости Виталий гордился своим родством с классиком украинской культуры Панасом Мирным. Такой псевдоним взял себе Афанасий Яковлевич Рудченко (в украинском варианте Панас Якович Рудченко) — украинский писатель, драматург и общественный деятель, родившийся в Миргороде в 1849 г. (за сто лет до рождения Виталика)

и скончавшийся в г. Полтава в 1920-м. Житель Москвы Виталик издавна был очень хорошо осведомлён о противоречиях в истории Украины и о её исследователях. Он с объяснимой болью воспринял безобразные украинские события февраля — марта 2014 г., но, в отличие от ряда московских коллег, не поддался псевдопатриотическому психозу. Широкий кругозор Виталика в исторической сфере и его профессиональная целеустремлённость были несовместимы с этой оголтелостью, к сожалению, зацепившей и загрязнившей часть нашей интеллигенции.

С Виталиком, по значению в русской культуре, сопоставимы деятели фотоклассики — И.Ф. Барщевский (1851–1948) и С.М. Прокудин-Горский (1863–1944). Последний, независимо от энергичного Запада, задолго до советской эпохи создал трёхслойную цветную фотографию. Во времена профессиональной зрелости Виталика, особенно в эпоху компьютерной оцифровки, цветная фотосъёмка почти целиком вытеснила чёрно-белую, а Виталик остался верен монохромному не только ради личного своеобразия. С одной стороны, он ценил эстетику ограниченных возможностей, а с другой — предвидел малозаметные искажения в цветных фотографиях, возникающие уже при съёмке и усугубляемые при печати, а также долгом хранении. Выставки фоторабот В.М. Рудченко и его печатные публикации перечислены в его интернет-сайте.

Реставрационное волонтёрство Виталика прервала его армейская служба на Балтийской косе в Восточной Пруссии. Солдатчина Рудченко проходила в морской авиации — в основном, среди неподвижных гидросамолётов — и оставляла свободное время, которое Виталик использовал с большой пользой как начинающий гуманитарий. Там он читал умные толстые журналы, аккуратно помечая очень сжатым и ясным, целеустремлённым почерком выходные данные по каждой статье или мемуарной публикации. Важное качество в самоопределении Виталия Рудченко — туго сжатая смелость без фрондёрства. Он не был

равнодушен к собственной социальной репутации, подтвердил свою значимость вступлением в признанные объединения искусствоведов и фотографов, но на некоторое время включился и в работу комиссионного магазина, продававшего самые разные изделия изобразительного и прикладного искусства: от ростовой фигуры М. Горького до ножной швейной машины Зингера. Иногда появлялись совсем необычные объекты. В период, когда официальная неприязнь к Сталину, организованная XX и XXII съездами КПСС, стала угасать (после низвержения Хрущёва), а новая волна умиления «вождём народов» пока что ограничивалась фотопортретами на лобовых стёклах автомобилей, в эту комиссионку поступило ещё одно его изображение — высотой около полуметра, исполненное в необычной технике, вряд ли имеющей устойчивое название. Пожалуй, её можно назвать мозаикой из фрагментов почтовых марок. Они составили портрет 50-летнего Сталина. Верх и низ портрета (выше и ниже лица с шевелюрой), вероятно, заполнены голубовато-серой акварелью с белилами. Портрет был создан в 1929 г. 21 декабря того года (с фактическим опозданием на год и три дня) огромная советская страна отмечала юбилей вождя, уверенно укреплявшего свою личную авторитарность на фоне энергичных действий советского государства:

- искоренение остатков НЭПа (в 1921 г. Ленин устанавливал его «всерьёз и надолго»);

- постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 13 мая 1929 г. о кардинальной реорганизации советской пенитенциарной системы и создание ГУЛАГа (для выполнения заливхватских планов Первой Сталинской Пятилетки рабским трудом заключённых);

- выдворение Троцкого (главного оппонента Сталина) в Турцию;

- осуждение бухаринского «правого уклона» Центральным Комитетом ВКП(б) с удалением Н.И. Бухарина с постов

председателя Исполкома Коминтерна и главного редактора газеты «Правда»;

— катастрофически-безудержная сплошная коллективизация в сельском хозяйстве, переломившая хребет крестьянству, и сталинский призыв ликвидировать кулачество как класс;

— вовлечение всех фабрик и заводов в социалистическое соревнование

— 1-й Всесоюзный съезд ударных бригад, одоббивший лозунг «Пятилетку — в четыре года!»;

— создание ОДВА (Особой Дальневосточной армии) во главе с В.К. Блюхером (в 1938-м умрёт на следствии в Лефортовской тюрьме);

— разгром китайских войск силами ОДВА в зоне КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги);

— создание Комитета по делам кинематографии и фотографии, во главе с Я.Э. Рудзутаком (расстрелян в 1938 г.), которого Ленин предлагал сделать Генеральным секретарём компартии;

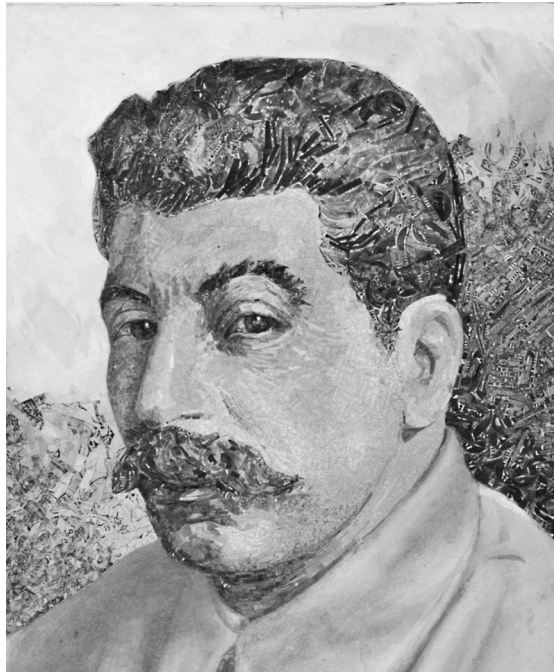
— новое безжалостное наступление на религию;

— снос памятников древнерусского зодчества в самом центре Москвы.

За месяц до официального сталинского юбилея ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) объявил о единогласной поддержке политики «великого перелома». Строго централизованные средства массовой информации тогда называли юбиляра «Лениным наших дней», самым выдающимся теоретиком ленинизма и гением, качества которого необходимы рабочему классу. Один из лидеров недавней партийной оппозиции Г.Л. Пятаков (в 1937-м его расстреляют) в декабре 1929-го заявил через газету «Правда»: *«Совершенно ясно, что невозможно одновременно быть за партию и выступать против её нынешнего руководства, быть за ЦК и против Сталина».*

Портрет вождя, заинтересовавший Виталия Рудченко, сделан очень мастеровито, даже с передачей специфического

блика в глазах недоверчивого кавказца. Левая часть фона, прилегающая к лицу Сталина, скомпонована из обрезков массовой почтовой марки с головой рабочего по широко известной скульптуре И. Шадра; правая (затылочная) — из марок с портретом Ленина. Автор «марочного» портрета Сталина проявил незаурядное мастерство художника-портретиста, смелую изобретательность и, всё-таки, политическую осмотрительность, хотя к тому времени уже десять лет был гражданином другого государства.

*Портрет Сталина, созданный Зариньшем в 1929 г.
(цветное изображение и его фрагменты —
на прилагаемом диске CD-ROM)*

При поступлении необычного сталинского портрета в магазин было сообщено, что создал его латыш Рихард Германович Зариныш (он же Зарриньш, или Заррин), родившийся в 1869 г. в Лифляндской губернии и скончавшийся 21 апреля 1939 г. в столице буржуазной Латвии — ровно за 10 лет (день в день!) до появления на свет Виталия Рудченко. В петербургском «Центральном училище технического рисования барона А.Л. Штиглица» (в советское время — Мухинское училище имени В.И. Мухиной, на студенческом жаргоне — просто «Муха», а теперь — «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица») Зариныш блестяще овладел профессией гравёра. Наставником был знаменитый российский гравёр В.В. Матэ. В 1895 г. Зариныш получил диплом с отличием (по классу гравюры на дереве и офорту) и право на трёхгодичную командировку в Западную Европу для повышения мастерства. С этой целью Зариныш побывал в Мюнхене, Вене, Париже, Риме. В 1899 г. художник вернулся в Россию. Там до 1919 г. он трудился в Экспедиции заготовления государственных бумаг и был её художественным директором. В 1912–1918 гг., заведывая художественным отделом, Зариныш отвечал и за оформление денежных знаков. Его творчеству, в частности, принадлежит одна из лучших и самых крупных дореволюционных купюр — сторублёвка с изображением Екатерины II. В 1913 г., к 300-летию дома Романовых, Зариныш сотрудничал с первоклассными русскими художниками-графиками И. Билибиным и Е. Лансере. В мае 1919 г. правительство независимой (буржуазной) Латвии предложило Заринышу переехать в Ригу, после чего он возглавил кафедру в Латвийской академии художеств. Среди многочисленных произведений в самых разных жанрах графики творчеству Зариныша принадлежит, в частности, широко известная почтовая марка новорождённой

Российской Советской Республики, с мечом в рабочей руке, разрывающим цепи.

Интернет знакомит с литературой об этом художнике:

— *Беленовский В.* Автор первой революционной советской марки // *Филателия СССР*. 1969. № 12. С. 42–43;

— *Зарриньш* // *Большой филателистический словарь* / Н.И. Владинец, Л.И. Ильичёв, И.Я. Левитас, П.Ф. Мазур, И.Н. Меркулов, И.А. Моросанов, Ю.К. Мякота, С.А. Панасян, Ю.М. Рудников, М.Б. Слуцкий, В.А. Якобс; под общ. ред. Н.И. Владицеца и В.А. Якобса. М.: Радио и связь, 1988. 320 с. ISBN 5-256-00175-2;

— *Ильинский В.* Художник Рихард Германович Зарриньш // *Филателия СССР*. 1988. № 11. С. 42–45;

— *Корнюхин А.Е.* Под парусами филателии. М.: Связь, 1975. С. 96;

— *Левитас И.Я.* И серьёзно, и курьёзно. Филателистический калейдоскоп. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Радио и связь, 1991. С. 8–11;

— Лучшая отечественная марка столетия. Результаты конкурса «10 лучших марок России XX века» // *Филателия*. 2001. № 5. С. 6;

— *Чайкина Ж.* Денег у родины не нашлось // *Сейчас*. 2009. № 361. 10 декабря;

— *Левитас Й.Я., Басюк В.М.* Зариньш Рихард Германович // *Всё про марки* (на украинском языке). Киев: Реклама, 1975. С. 88.

Как и Виталий Рудченко, Зариньш высоко ценил художественное творчество ушедших поколений. Виталик около полувека коллекционировал виды русских и украинских храмов, Зариньш собирал и пропагандировал произведения латышского народного искусства.

Весьма вероятно, что в натуре необычный сталинский портрет работы Зариньша общественность сможет видеть на

тематических выставках, организуемых московским государственным Музеем современной истории России (до 1998 г. назывался Музеем Революции). Это мнение поддержал один из хранителей фондов Музея современной истории России, научный сотрудник его Отдела документальных фондов Михаил Александрович Полищук. Ещё недавно он был научным сотрудником Института культурного и природного наследия и в предыдущем выпуске нашего сборника «Архив наследия» выступил с обширной публикацией о Мельбурне.

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ СЕРЕДИНЫ 20 в.

Детство в Темлаге

В годы войны наша семья жила в небольшом посёлке, который все называли Темлаг. Только во взрослом состоянии я, к своему удивлению, узнала, что это название расшифровывается — Темниковский лагерь. Где-то недалеко от нас был мордовский городок Темников. А Темлаг — лишь одна из крупных потьминских лагерных зон. Временами мы жили на Барашево, на «Тридцать шестом», где-то недалеко была Молочница и множество других поселений при лагерях. Местом моего рождения в свидетельстве записали посёлок Явас Зубово-Полянского райо-

Фаустова Эльмара пишет стихи, рассказы, миниатюры, очерки, рецензии на спектакли и концерты. Кандидат философских наук по эстетике, всю жизнь проработала в МГУ им. М.В. Ломоносова, в Институте культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва. Член Союза писателей Москвы. Издала две книги малой прозы. Она человек увлекающийся: немного рисует, вырезает из дерева, коллекционирует старое кованое железо, монеты и марки. Любит животных. Страстный путешественник, побывала на всех континентах, кроме Антарктиды.

с суперобложки книги:
"Эльмара ФАУСТОВА.
Пахнут лилиями звуки. Лирика".
М. "Муза творчества", 2015.

на Мордовской АССР, а на самом деле я родилась не там. Но потом мы жили в этом Явасе.

О тех временах я сама мало что помню, потому что была мала, только какие-то отдельные события всплывают в моей памяти реальными картинками. Но у меня был старший брат, который запомнил свои острые впечатления, хотя тоже не очень постигал, где мы находимся, как мы живём. Наша мама старалась сделать жизнь приемлемой для детей и потому отвлекала внимание от каких-то негативных сторон бытия при лагере. Отец был так называемым «временно расконвоированным» и приходил к нам домой.

Советская карательная система была бесчеловечной, она была направлена на угнетение и уничтожение тысяч (даже миллионов) попавших в немилость жертв абсолютного произвола, чаще всего безвинных.

Вот отдельные эпизоды жизни в тех условиях, рассказанные мне моим братом.

...По узкоколейке (там ещё дрезина ходила) приходили эшелоны, плотно набитые всё новыми партиями заключённых. Медикам некогда было по-настоящему обследовать новоприбывших, и после беглого осмотра их очень тесно размещали в общие бараки. На этой зоне их было четыре. Вскоре они были переполнены. И в этой тесноте люди стали болеть. Болеть и умирать. А соседи по бараку старались как можно дольше не отдавать тела — в тех местах были снежные, суровые зимы, в бараках было холодно, так что по нескольку дней жили с покойником. Терпели, потому что на каждого из умерших эти голодающие могли добыть дополнительную пайку.

Однако количество умерших с каждым днём росло, скрывать их становилось всё сложнее. Вскоре начальство провело всеобщую инспекцию, выявилось большое количество трупов. Сразу захоронить не имелось возможности, и тогда освободили один из четырёх барakov, чтобы на какое-то время сложить

там всех умерших, пока не будет принято решение, как их захоронить.

...Два мальчика лет по восемь-девять исхитрились залезть на крышу этого страшного барака-морга и в щели увидели ужасающую картину: один на другом штабелями лежали обнажённые мёртвые тела. И хотя была зима, было холодно, дети всё-таки почувствовали совершенно нетерпимый запах. Брат сказал мне, что даже не столько вид, который так ошарашил их, сколько особо поразил этот неожиданный, непонятный для них жуткий запах смерти.

Позже всех из этих штабелей похоронили в братских могилах, присвоив каждому умершему свой номер. Во время войны в пожаре сгорел журнал, в котором были записаны фамилии заключённых, заменённые номерами. Так и остались заброшенными могилы, в которых лежат неизвестные жертвы той жестокой войны советской власти против собственного народа.

Брат рассказывал, как люди погибали на лесоповале. Все знали: если человеку становилось плохо, он падал и не мог идти обратно, тогда ему связывали ноги верёвками, привязывали к дрезине, и она тащила несчастного по колее. И потому держались до последнего, чтобы не упасть, но некоторые, несмотря на помощь друзей по несчастью, всё-таки падали. Мне самой трудно поверить в это, но именно так рассказывал мой брат, утверждая, что сам видел такую жуткую картину.

Наверное, часто в лагерях организовывалась художественная самодеятельность. В этом лагере среди заключённых было много артистов, в том числе даже оперные певцы. Там, на зоне, создали театр, ставили итальянские оперы и венгерские оперетты. Женщины, попадая в лазарет, стали вышивать салфетки, саше, а потом и скатерти. Одно такое саше сохранилось у меня, на нём мелким крестиком вышита ветка сирени. Кроме того, по своей инициативе заключённые стали расписывать древесину, и тогда начальство открыло деревообделочный цех,

в котором вытачивали и потом расписывали вазы, чаши, ложки. Так занимали многих слабых и больных, погибавших на лесоповале.

Айя

Эта реальная история произошла в те дни, когда началась страшная, кровавая Великая Отечественная война. Тогда в армию забирали людей всех возрастов, мобилизация шла по всем районам страны. Асия Галеевна была врачом и работала по распределению в Киргизии. В годы войны она возглавляла комиссию по отправке мобилизованных на фронт.

Однажды, ближе к окончанию рабочего дня, к ней в кабинет постучали и вошли двое молодых людей. Крупные, статные, уверенные в себе. Они стали настаивать на том, чтобы им и их нескольким друзьям (по списку) дали освобождение от службы в армии, хотя никаких мотивов сформулировать не могли. Говорят, что «просто не хотят воевать». Это вызвало у Асии Галеевны сначала удивление, потому что в то время много молодых людей рвалось на фронт, у многих пробудилось патриотическое чувство. Она сама прошла Гражданскую войну, состояла при Блюхере, — ей было непонятно такое отклонение крепких мужчин от исполнения долга не только гражданина защищать своё Отечество, но и от долга мужчины защищать свой дом, свой очаг, свою семью.

Пришедшие упрямо настаивали на своём, и тогда у неё вспыхнуло возмущение. Она стала убеждать их, что им необходимо идти воевать, ведь они молодые, здоровые, сильные. Она говорила, что уверена, что они храбрые, что именно такие мужчины могут спасти Родину, спасти детей и стариков.

Однако молодые люди смотрели набычившись в глаза «почуяющей» их той самой большой начальницы, от которой зависела их судьба, и постепенно загорались гневом. Они стали твердить, что всё равно не пойдут на фронт, что лучше их

по-хорошему освободить от службы. Асия Галеевна не только не соглашалась, но, в свою очередь, всё больше возмущалась, всё настойчивее убеждала.

И тогда зазвучали угрозы. В их устах «сделай, говорят тебе: сделай по-хорошему», сказанное сквозь зубы, уже содержало скрытую угрозу, но затем уже чётко и зло было заявлено, сформулировано: «Иначе мы тебе отомстим». Такое давление вызвало у Асии Галеевны внутренний протест, и она твёрдо сказала, что подпишет документы на отправку их всех в армию. Они хлопнули дверью и ушли.

Поздно вечером, когда уже закончился рабочий день, она пришла домой. И здесь увидела, что дома нет её дочери — пятилетней Айи. Она бросилась к соседям, но нигде девочку не нашла. И тогда подняли на ноги милицию. Три дня искали безрезультатно. Асию Галеевну стали охранять, окна в её кабинете закрыли металлическими щитами — по ним стреляли. Теперь ей пришлось оставаться там ночевать.

Ну а потом... В горах обнаружили разбросанные части детского тельца, на которых были выжжены звёзды. Собирали по частям.

Это было такое страшное горе, что глубину его передать словами невозможно. В цинковом гробу похоронили девочку на кладбище. А на следующий день этот гробик был поставлен в центре посёлка. Его откопали, но разломать не смогли. И тогда несчастной матери пришлось похоронить своё дитя

в другом месте. Позднее она вынуждена была покинуть республику и возвратиться на свою родину. В городе Уфе она поселиться не могла, потому что боялась, что её и здесь найдут. Она поступила на работу в санаторий на живописной тихой реке Дёме¹.

Осталась она наедине со своим горем — её муж погиб на фронте.

На самом деле оказалось, что эти изверги были членами бандитской шайки. Их арестовали, судили, главе банды дали 20 лет заключения. И что ужасно: через 20 лет Асия Галеевна видела его в толпе в своём родном городе. Но он её не увидел. Она сразу уехала в пригород, к себе, в тихое убежище. Долго она не выезжала оттуда, опасаясь новой встречи.

...А может быть, ей только показалось, что это был он. Страшный призрак злодея преследовал её всю жизнь.

Живучий ужас

Мы с Лидой были сокурсницами, хорошо, дружески общались.

...Это было в Польше. В фашистский концлагерь собрали детей в возрасте от пяти лет. Лидочке было именно столько. На просьбу хоть что-нибудь рассказать о тех годах, она, уже совсем взрослая девушка, всегда отказывалась, и печальные глаза её медленно увлажнялись слезами. Она была высокой, очень тоненькой, щёки у неё были впалыми, а глаза всегда наполнены какой-то вечной болью. Когда она у меня ночевала, то часто вскрикивала во сне и вскакивала с постели. Я спрашивала, что ей снится, но она говорила, что ей страшно рассказывать этот сон. Но однажды, когда она ночевала у меня, мы ночью полушёпотом говорили о самом сокровенном. Я снова попросила её объяснить, почему она вскрикивает

¹ Течёт в Башкирии и Оренбургской области, приток р. Белая.

во сне, и она наконец-то открылась мне. Сдавленным шёпотом в тёмной комнате она рассказала свою историю.

...Детей в том лагере по команде выводили на улицу делать дела. Их вели строем к специально для этого вырытой канаве, вдоль которой оставалась выкинутая наверх земля. Они снимали штанишки и присаживались вдоль края этого жуткого рва. После команды об окончании «действия» дети должны были быстро закидывать землёй дно канавы. Им было предписано садиться у самого края по ровной линии, вести себя тихо, делать всё по команде быстро. Если кто-то сел чуть дальше от края или не успевал, если чем-то нарушил «порядок», — надзиратель просто сбрасывал ребёнка пинком в эту выгребную яму...

Лидочка через много лет после освобождения из проклятого заточения не могла избавиться от этого жуткого воспоминания.

Даже меня многие годы мучает та всплывающая в памяти ужасающая картина...

Особенно после трагедии Беслана.

Сосед Ульяны Громовой

Шла Великая Отечественная война. Часть наших земель оккупировали фашисты. Украина попала под немцев, и люди старались как-то сопротивляться, как-то выживать. Много написано про подпольную борьбу молодёжи небольшого донецкого городка Краснодона Ворошиловградской (ныне Луганской) области, раньше в школе изучали роман А. Фадеева «Молодая Гвардия». Сергей Герасимов снял фильм об этой организации. Но здесь речь пойдёт не о действиях казнённых молодых людей, а об одном эпизоде, в котором отразилась обстановка оккупационного режима.

Семья моих знакомых жила в Краснодоне рядом с домом Ульяны Громовой, одной из активных участниц молодёжного подполья. Мальчику Вите тогда было 8 лет, и его интересовало всё, что происходило вокруг. Краснодонцы с ужасом узнали, что раскрыли «Молодую Гвардию» и начались аресты причастных к её деятельности. В тот день немцы пришли забирать Ульяну.

А огороды соседей смыкались, и мальчик смог пробраться в соседский двор с задней стороны. Он издалека увидел, что девушку уже уводят, и подбежал поближе. Когда он подошёл, фашист что-то крикнул по-немецки, мальчик остановился и посмотрел на него. А тот вдруг со всего размаху ударил прикладом автомата мальчика по уху. Хлынула кровь, Витя закричал и, зажав ушко, побежал домой. Выяснилось, что лопнула барабанная перепонка. Больше он уже никогда не слышал этим ухом, оно часто болело — его преследовали воспаления, невриты...

Прошло много лет. Виктор стал крупным специалистом в области экономики. Он работал с немцами, которые приезжали из ГДР, сотрудничество складывалось вполне благополучно. Конечно, прошлое оживало в памяти, но эти новые немцы прилично говорили по-русски, были вежливы, и они вместе погружались в деловые проблемы, что помогало ему разводить разные эпохи.

Но однажды его решили послать в командировку в Германию. Тогда это было редкостью, и все воспринимали такую возможность как подарок судьбы. Но для Виктора это было не так. Всю ночь он метался, ходил из угла в угол, кусал губы, — сильно переживал, в его мозгу вставали сцены из страшного прошлого, звучало внутри «Хенде хох!», «Руссиш швайн!»², и нервы его напряглись. Однако отказаться от поездки ему не удалось.

В Германии коллеги принимали тепло, работа шла успешно. Но выход в город был для него мучительным: все звуки сливались в хор немецких слов, явственно всплывали не забытые им тяжёлые эпизоды оккупации, за спиной всё время мерещились злобные крики тех немцев, которые когда-то пришли в его город и украли его детство.

Камень

Это было в начале 70-х годов 20-го века. Я поехала на научную конференцию в Белоруссию, в древний город Полоцк,

² «Руки вверх!», «Русская свинья!».

который впервые упоминается в «Повести временных лет» под 862 годом, — один из самых древних славянских народов. Сначала я с интересом вникала в доклады, в их обсуждение, мне был интересен сам город, где сохранился храм 11 века — белоснежный Софийский собор³, старинные замки, много исторических памятников.

Но скоро проведение времени, обычное для такой ситуации, изменилось: я познакомилась со старым профессором, приехавшим, как и я, из Москвы. Я стала тесно общаться с этим очень образованным, мудрым человеком. Кажется, он был философом по своей докторской степени, но и по складу мышления он тоже был философ. А уж какой эрудит! Можно было говорить обо всём и много узнавать нового. Мы были в Белоруссии, а эта земля не раз попадала под разрушения в многочисленных войнах. Она пережила два жестоких сражения в войне с Наполеоном в 1812 году. И известно, что Белоруссия особо жестоко пострадала в годы Великой Отечественной войны — там погиб каждый четвёртый житель. Среди погибших было немало евреев. В тех краях были местечки, где проживали преимущественно еврейские семьи. Приводятся такие данные: из общего числа евреев, проживавших в Белоруссии, погибло 82%, т.е. порядка 800 тысяч. Часть спаслись в результате эвакуации в начале войны. Об этом нам говорили местные учёные и краеведы. И все белорусские участники встречи рассказывали истории своих семей, с болью говорили об оккупации, о страданиях жителей, особенно о детях. Среди участников конференции были и те, кто пережил оккупацию в детском возрасте. И всем приехавшим в Полоцк из других городов предложили поездку в Мемориал Хатынь, нам предоставили автобус и очень осведомлённого

³ Позднее, в 17 веке, облик этого здания изменили польские католики, а в 18-м, после Северной войны, был отстроен заново.

гида. Я очень удивилась, что мой профессор как-то без раздумий, очень твёрдо отказался поехать. Я, конечно, стала осторожно выяснять, почему. И он тихо, опустив голову, сказал, что он еврей и ему больно всё это видеть. Но потом я поняла, что это была лишь часть правды.

Мы были потрясены тем, что увидели в Хатыни, хотя, конечно же, все до этого всё знали, видели фотографии... Мемориал посвящён погибшем в этой небольшой белорусской деревне, где всех жителей вместе с детьми загнали в один большой сарай и подожгли его. Заживо сожгли всех. Сарай рухнул, горящие люди пытались бежать, но их расстреливали. Взрослые загорали детей, и — о чудо! — трое детей спаслись. Остался в живых только один взрослый — Иосиф Каминский, и он нашёл в грудe погибших обгоревшее тело своего сына. Его фигура с сыном на руках послужила основой главного памятника мемориала. Вполне возможно, что он был евреем. Но на самом деле это совсем неважно — национальность человека в такой трагической ситуации не имеет особого значения.

Стоят печные трубы, на них звонят колокола — то с одной стороны, то с другой, то позади... Ветер разносит эти звуки, которые разрывают сердце...

По возвращении из поездки я встретилась с профессором и, хотя понимала, что ему не хочется говорить об этом, всё-таки очень эмоционально стала передавать ему свои впечатления. И вдруг увидела, что он... плачет. Из-под его опущенных век катились слёзы.

И вот тогда он рассказал всю правду. Сказал, что родом из этих мест, здесь прошли его детство и отроческие годы. Он остался жив, потому что его, подростка, на летних каникулах отправили к кому-то в Россию. А там, дома, началась война. И очень быстро пришла в его деревню. И фашисты уничтожили её полностью — всех жителей. Погибла вся его семья, вся его

родня. Позднее он приехал туда, когда война, наконец, ушла с его земли, в 1944 году. Ему пришлось своими глазами увидеть, что не осталось ни одного дома — всё лежало в руинах... Но там по-прежнему оставался большой камень, который лежал близко к его дому — между домом и колодцем.

С ужасом слушала я эти слова человека, судьба которого была жестоко сломана трижды проклятой войной. Он все эти годы не бывал на своей родине. Не мог. И я спросила его, хотели бы он сейчас поехать на то место и поклониться памяти своих родных. Он как-то заколебался, но я стала уговаривать его, и он, глубоко вздохнув, в конце концов сказал, что, наконец, всё-таки поехал бы.

Мне удалось убедить руководителей конференции, и нам дали машину с водителем, хорошо знавшим эти места. Нужно было найти камень среди лесов и полей. Наш профессор не был здесь около тридцати лет, всё очень сильно изменилось. Иногда он вспоминал название населённого пункта, но, как правило, удивлялся, что всё уже совсем не так, как было. Как же этот пожилой человек всматривался в картины за окном! Мы проезжали мелкие населённые пункты, отстроенные уже после войны, а он пытался восстановить в памяти пространство своего прошлого. Но чем ближе мы были к заветному месту, тем молчаливее и сосредоточеннее становился профессор, и мы тоже сидели тихо, стараясь не мешать ему воспроизводить в памяти картины его детства и ранней юности.

И вдруг он попросил свернуть на узкую просёлочную дорожку. Немного проехали, остановились. Он вышел и поспешил куда-то в глубину между деревьями. Мы пошли за ним. Открылась небольшая поляна. И в этот момент он что есть силы побежал. Вдалеке мы увидели большой валун. Профессор приблизился к камню и упал перед ним на колени, лёг на него и в голос зарыдал. Он обнимал его, будто чувствуя в нём биение сердца своей матери, ощущая через него связь со

всеми погибшими здесь людьми, со всеми, погибшими на его родине, со всеми, погибшими в эту проклятую войну. Для него здесь была братская могила, и камень как памятник безвинно убитым людям.

Мы с водителем с трудом оторвали старого человека от камня, и он отошёл в сторону, стал ходить по тому месту, где стоял его дом, был его двор. он закрывал лицо ладонями, что-то шептал, останавливался, нагибался и гладил траву руками. А у меня в ушах звучала очень страшная песня «Враги сожгли родную хату...» на стихи М. Исаковского.

Взяв под руки, мы отвели его в машину. Всю обратную дорогу молчали. В этой тишине сгущалось ощущение щемящей боли, глубокого чувства сопереживания нашему старшему другу. Я боялась за сердце человека, только что пережившего ужасное потрясение, — он тяжело и как-то сдавленно дышал. Он отдал долг памяти своей родной деревне, одной из 186 белорусских деревень, которые сравнивали с землёй. А я только позднее поняла, что на этом камне надо было бы высечь надпись о судьбе небольшого еврейского местечка, безжалостно уничтоженного звериным фашизмом.

Маленькая история о маленьком Карле

В давние советские времена я, студентка филологического факультета, прибыла для прохождения педагогической практики в Казахстан, в далёкий совхоз, который назывался Подгорный. Он на самом деле располагался под горами — у подножья Большого Киргизского хребта. Место было замечательное: с одной стороны — полукружье остроконечных снежных вершин, а с другой — зелёные, прямо-таки атласные просторы предгорий. Гуляет ветер, разбрасывая вокруг ослепительные солнечные лучи, бегут стремительные реки, играя с этими лучами, — красота несказанная. Недаром в этом месте был знаменитый Конный завод, оттуда выходили даже чемпионы

мира, например, знаменитый тогда конь Абсент. Все здешние мальчишки мечтали стать жокеями и уже принаравливались гонять коней по зелёным просторам.

Поселение там было не совсем обычное: оно состояло из трёх, можно сказать, автономных частей — русской, казахской и немецкой, в которой жили немцы, высланные из Поволжья во время войны.

Каждая часть отличалась своеобразием, различия были такие, что можно было подумать, что они существовали на разных планетах и в разные эпохи.

Русская часть была настоящей русской деревней, какую мы знаем испокон веков. За крашеными преимущественно зелёной краской заборчиками стояли белёные избы, часто запущенные, а вокруг — сады и грядки огородов. По кругу там и сям разбросаны ягодники и росли, как правило, многолетние цветы — редко на клумбах, чаще отдельными кустами типа золотого шара. Улицы утопали в грязи, люди ходили в высоких резиновых сапогах, по весне и осени просто тонули в жиже. Люди общались по-соседски — заходили поделить местными новостями, что-нибудь попросить по хозяйству.

Казахи жили в стороне, на горке, обитали в юртах — было удивительно, как их не сносит ветер. Здесь всегда всё замусорено, жизнь протекала в основном на улице — бегала ребятня, бродил скот, пекли лепёшки.

Немецкая часть поселения отличалась образцовой чистотой. Дворы огорожены низеньким штакетником, кругом ровненькими рядами аккуратные цветочки. Дорожки у немцев выложены камнями, которые они натаскали с гор, поэтому у них всё чисто, всё чопорно. Но как-то не видно во дворах ни детей, ни скотины. Это не значит, что у них нет скота, просто у них всё так благоустроено и организовано, что порядок не нарушается. Однако кошки и собаки, конечно, просматриваются.

Отношения между людьми, которые вместе работали, как-то всё-таки общались после рабочего дня, были сложными и не всегда дружелюбными. Это я смогла почувствовать уже при знакомстве с детьми в школе. Поведение учеников было разным. При советской власти казались естественными всякие пионерские и комсомольские организации — все дети, как правило, туда принимались, некоторые с разными воспитательными отсрочками, но принимались фактически всегда. В Подгорном это происходило с большими осложнениями, потому что там было много верующих, а они не хотели приобщать детей к большевистским организациям.

Мне стала известна история с немецким мальчиком Карлом. Он учился тогда в четвёртом классе, когда основной приём в пионеры уже закончился. Оставался один Карл. Этот мальчик выделялся из всех: он ходил в школу в белой рубашке и в чёрном бархатном пиджачке, белый отложной воротник ярко светился на чёрном фоне. Мальчик всех сторонился, а ребята уже как бы не замечали его. Выяснилось, что он никогда не видел кино (телевидения там тогда не было). В Подгорном кино крутили в длинном помещении клуба. Конечно, Карл хотел увидеть это таинственное зрелище. А я уже к тому времени сдружилась с ребятами, и мы вместе уговорили Карла зайти в зал. Буквально через несколько секунд он выскочил оттуда с криком и с ужасом в глазах. Дело в том, что в те времена перед фильмами шли киножурналы, и в тот день показывали «Новости дня», которые начинались с летящего на большой скорости на зрителя паровоза. Мальчик безумно испугался, и больше не захотел ходить в кино. Нас постигла неудача.

Однако мы не успокоились. Его соклассники во всех идеях соревнованиях проигрывали: им всегда ставили в упрёк то, что не все в классе пионеры, — и потому класс считался отстающим. И вот ребята стали «соблазнять» Карла: говорили ему о пионерских походах в горы, о пионерских кострах и тому подобном. Было видно, что мальчик страдал от одино-

чества, от того, что он отстранён от компании сверстников. И как будто склонился к согласию. Директор школы сказала, что надо заставить родителей купить галстук. Но здесь я вмешалась, поскольку уже понимала, как ненавидят переселённые немцы этот режим. Я сказала, что так поступать нельзя, но поговорить с родителями необходимо.

— Вот вы и идите, — сказала мне директриса, — нам, местным, не хочется с ними связываться.

И я пошла, не представляя, что меня ждёт.

В идеально ухоженный дом Карла меня долго не хотели выпустить. По двору бегала спущенная с цепи большая собака. Я увидела в окне плачущего мальчика. Это помогло мне уговорить мать выпустить меня. Сначала шёл разговор о том, какой хороший ученик Карл, какой любознательный, что на переменах он, стоя в сторонке, читает книжки... А ведь неплохо было бы, чтобы он поиграл с ребятами, отдохнул. Я начала издали и никак не могла перейти к своей главной задаче. Мать молчала, насупившись. Ход мысли у меня был простой: для того, чтобы ребёнок не чувствовал себя изгоем, чтобы он был своим среди ровесников, ему надо вступить в пионеры. И вместе со всеми принимать участие в разных мероприятиях.

Боже мой, что произошло! Мать неожиданно вскочила, лицо её побагровело, и она стала кричать. Из всего, что она выкрикивала, мне в память врезались пугающие фразы, которые она повторяла грозным голосом: «Галстук — огонь дьявола на груди, он сожжёт душу!» и «Это бесовский огонь!».

Потрясала отчаянная смелость, но это было самое начало 60-х годов (скорее всего, 1961 год) — хоть и на полшага, но уже отошли от сталинского репрессивного режима.

Карл, сжавшись в комочек, тихо плакал. Мне было горько всё это видеть. Я ушла со смешанным чувством — так, до боли было жалко мальчика, но я жалела, что ввязалась в эту

историю. Я понимала жестокую обиду выселенного народа, российские немцы не могли простить тот преступный произвол, которому они подверглись. А уж принять идеологию...

Как бы сейчас это ни воспринималось, но я уже тогда не одобряла ни пионерию, ни комсомол, ни тем более партию.

Рисунки надгробий

Когда-то, скорее всего в конце 1950-х гг., в Алма-Ате я была знакома с замечательной художницей Елизаветой Антоновной Говоровой, которая училась у Н. Рериха, в мастерской М. Добужинского, у Е. Лансере, Б. Кустодиева. Она была графиком — очень выразительные, контрастные, чёткие её гравюры и рисунки в разной технике запомнились мне навсегда, они встают перед глазами, хотя прошло уже много лет. Тогда она увлекалась пейзажами гор, рисовала цветы, ветви деревьев, травы, животных.

Я иногда бывала у неё дома, всегда любовалась новыми работами. С ней очень интересно было общаться — она была художником Серебряного века, знала и была дружна с известными деятелями русской культуры в период её расцвета, среди близких друзей был Макс Волошин. Она в самое страшное время революции жила у него в Коктебеле после смерти от тифа любимого мужа. Она тепло вспоминала о жизни в Коктебеле — говорила в основном о людях, об их общении и избегала разговоров о трудностях и ужасах, которые пришлось переживать.

И вот однажды при мне к ней пришли двое статных восточных мужчин. Они были уже не очень молодые, один из них с сединой. Сначала они увели Елизавету Антоновну в другую комнату, о чём-то там напряжённо разговаривали. Я поняла, что в конце концов ей под их давлением пришлось на что-то дать согласие. Она вернулась в большую комнату, достала из-за шкафа большую картонную папку и вынула оттуда какие-то старые большие листы плотного ватмана. Все замерли. На

рисунках (и гравюрах? — точно не помню) были изображены мусульманские захоронения — надгробия с надписями...

Оказалось, что гости были крымские татары. Говорова какое-то время до войны бывала в Бахчисарае — столице Крымского ханства. Она посещала кладбище, и её заинтересовали резные каменные памятники, покрытые вязью надписей, орнаментами. Она не выбирала по значимости личностей, похороненных под этими плитами, она отразила памятники в своих гравюрах прежде всего как художественную ценность.

Однако для крымских татар, потерявших все свои исторические и культурные сокровища в результате войны и особенно из-за массовой депортации народа в 1944 г., изображения, сделанные Говоровой, имели совсем другую ценность. И во время войны, и после того, как татары были вывезены со своей родной земли — из благодатного Крыма в неизвестную чуждую Среднюю Азию, многие культурные сокровища были уничтожены, в том числе было взорвано кладбище (так объяснили гости Говоровой, к сожалению, не помню их имён). Для них оказались драгоценными запечатлённые в рисунках утраченные навсегда памятники известных деятелей их несчастного гонимого народа. Эти люди оказались образованными, знающими свою историю, они читали или буквально расшифровывали не всегда чёткие надписи, и я видела, как наливались слезами глаза этих взрослых, сильных людей. Изображения точно передавали узорчатые надписи на плитах, увитых растениями, они как бы воспроизводили живое бытие, дыхание этих могильных памятников, что вызывало у татар ностальгию по родному Крыму, по родине предков.

Они унесли бесценные для них листы. Не знаю, на каких условиях отдала их Елизавета Говорова, это неважно. Главное — они попали в такие руки, которые сберегут их для потомков. Протянут нить связи поколений — передадут молодым память об их предках.

Родной порог

Где-то в шестидесятые годы молодая пара, только что связавшая свои жизни, отправилась в свадебное путешествие в Крым. После перелёта они с удовольствием погуляли по Симферополю и решили двинуться дальше — море зовёт! Замечательный транспорт троллейбус! Покатались, любуясь южными красотами. Настроение было приподнятое, поэтому красота эта казалась ещё красивее — небо голубее, зелень — зеленее.

Пункт назначения был у них Коктебель, ехать далековато, поэтому стоило остановиться по пути. Приехали в Алупку, решили здесь заночевать. Пошли в небольшие домики, окружённые садами, выбрали симпатичный, договорились на одну ночь. Отправились гулять по городку, наслаждались южным теплом, морским воздухом и, наконец, самым волнующимся морем.

Однако вскоре почувствовали усталость — всё-таки полёт, прогулка по Симферополю, поездка... И пошли «домой», вспомнив, что под их окном большое живописное дерево инжира.

Когда вошли во дворик, увидели странную картину: на пороге дома, согнувшись, на коленях стоял старый человек. Молодые люди замерли. Неясно, что это значит. Глядя на старика, они поняли, что человек молится. Хозяйка дома, не очень молодая украинка, отвела их в сторону и сказала, что нельзя сейчас войти в дом, надо подождать.

Она объяснила, что это крымский татарин, что раньше это был его дом, но всех татар выселили из Крыма во время войны и депортировали на Восток. Теперь он приехал к родительскому дому, где прежде жил и вырос, и попросил разрешения помолиться. Он тихо молился на закат солнца и, казалось, что он всё больше сжимался, всё ниже склонялся к порогу. Наверное, ему было горько вспоминать жизнь этого дома со своими родными, своё чистое детство. Он усердно молился, пока солн-

це совсем не скрылось. Молодые люди, стоявшие в стороне, вдруг увидели, что, закончив молитву, старик поцеловал порог дома. Потом встал, выпрямился, и оказалось, что он не такой уж старик. Высокий, прямой, полный чувства собственного достоинства. Он чуть заметно кивнул новой хозяйке (которая жила в этом доме уже более двадцати лет), медленно пошёл к выходу. И вдруг приостановился, протянул руки и погладил двумя ладонями листья виноградной лозы...

Тогда татарам разрешили вернуться в родной Крым, но не позволили селиться на побережье — только в степном Крыму. Говорили, что когда их выселяли, они ели землю. Родную землю.

Молодые люди в своей счастливой, беззаботной жизни, в прекрасном цветущем месте вдруг столкнулись с отзвуком страшной трагедии, которая постигла тысячи людей на этом дивном, романтическом острове.

Э.Ф. ЕМЕЛЬЯНОВ

СОВЕТНИК ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ

В незаурядные июльские события 2016 г., изумившие широкую российскую общественность, попали обыски в домах главы Федеральной таможенной службы А.Ю. Бельянинова и его приближённых. По словам журналистов, бравших интервью у авторитетов в области экономики, федеральное таможенное ведомство приносило нашей стране почти треть всех денежно-материальных доходов. Понятно, что реальная жизнь этого важнейшего ведомства закрыта от посторонних глаз. Редкий случай нормированного и, конечно, очень осмотрительного ознакомления наших соотечественников, не причастных к силовым структурам, с жизнью таможенников — игровой фильм «Таможня» (с В. Гафтом в главной роли), вышедший на экраны за день до кончины Л.И. Брежнева. На заре становления «Архива наследия» в портфель его редакции попали свежие мемуары советника таможенной службы Э.Ф. Емельянова, которые поначалу показались слишком специфичными и были отложены в резерв на неопределённое время. Из обширного авторского текста составитель сборника «Архив наследия — 15» выбрал для публикации три разнородных

фрагмента. Они познакомят читателя с основательной структурой интеллектуального подразделения в таможенном ведомстве и с неожиданными проявлениями своеобразной морали среди работников ведомств, надёжно закрытых от постороннего взора. Публикацию, предлагаемую вниманию читателя сегодня, в 2016 г., начинает редакторская врезка, подготовленная в самом начале 2000-х гг., но способная заинтересовать читателя и сегодня.

Вступительный фрагмент

«Ни одно ведомство России не имеет такого мощного, оснащённого современной техникой вычислительного центра и такую автоматизированную информационную систему с распределённой базой данных, какие имеет таможенная служба Российской Федерации. И все, кто был инициатором и участником воплощения в жизнь идеи создания Главного научно-информационного вычислительного центра Государственного таможенного комитета Российской Федерации, должны гордиться этим».

Председатель Всероссийского Союза ветеранов таможенной службы (С.В.Т.С.), Президент Фонда С.В.Т.С., Действительный государственный советник таможенной службы Бояров В.К.
(Из выступления 29 мая 2005 г. в Федеральной таможенной службе Российской Федерации на праздновании 15-летия создания Главного научно-информационного вычислительного центра (ГНИВЦ) ФТС России)

**Из истории создания
Главного научно-информационного вычислительного
центра Федеральной таможенной службы России**

У военных разведчиков есть правило: о своих подвигах рассказывать не менее чем через 50 лет. Но в моих воспоминаниях рассказ пойдёт не о подвигах разведчиков, а о тех, кто пришёл в ГНИВЦ в 1990 г. и стал офицером таможенной службы России.

Вот фамилии из стартового штатного состава руководства ГНИВЦ ГТК РФ, кто первыми возглавили основные подразделения в 1990–1992 гг.:

Чёботов Юрий Алексеевич — директор (с 3 мая 1990 г.),
Заголуздин Евгений Александрович — главный инженер
(до 03.01.91),

Буров Анатолий Данилович — главный инженер
(с 03.02.92 г.),

Алексашин Эдуард Иванович — начальник отдела
координации и анализа работ ЕАИС ГТК РФ,

Заварзин Виктор Сергеевич — начальник отдела
эксплуатации функциональных задач центрального аппарата,

Лежнин Юрий Алексеевич — главный бухгалтер,

Лукиянов Дмитрий Михайлович — зам. директора по
научной работе,

Ляховский Марат Васильевич — помощник директора,

Макаров Юрий Семёнович — начальник отдела
материально-технического снабжения и энергообеспечения,

Моргунова Наталия Павловна — начальник отдела кадров,

Пермяков Юрий Николаевич — начальник отдела приёма,
анализа и выпуска информации,

Попова Анна Львовна — заместитель начальника отдела
приёма, анализа и выпуска информации,

Сагиров Николай Васильевич — заместитель директора
по производству,

Скворцов Виктор Николаевич — начальник отдела технического обслуживания вычислительной техники и системного программного обеспечения,

Светушкин Владимир Матвеевич — начальник отдела телекоммуникаций,

Соловьёва Надежда Ивановна — начальник отдела информационного обеспечения,

Сычков Анатолий Антонович — начальник Шереметьевского РО ГНИВЦ,

Лебедев Владимир Алексеевич — заместитель директора по общим вопросам и работе с филиалами (с 20.10.92 г),

Щепин Вячеслав Сергеевич — начальник отдела прикладного программного обеспечения,

Емельянов Эрнест Фёдорович — помощник директора по работе с региональными отделами (с 06.04.92 г),

Чупланов Алексей Николаевич — начальник Санкт-Петербургского РО ГНИВЦ,

Глотов Александр Александрович — начальник Хабаровского РО ГНИВЦ,

Савчук Леонид Георгиевич — начальник Шереметьевского РО ГНИВЦ (с 01.03.92 г).

В то историческое для России время (1991–1992 гг.) они были первыми, кто своим трудом, богатейшим опытом и знаниями создавали новую, уникальную по техническим решениям автоматизированную информационную систему Государственного таможенного комитета России (ЕАИС ГТК России), необходимую Российскому государству для выработки политики во внешней торговле. В последнее десятилетие 20 в. их самоотверженный труд по созданию Главного научно-информационного вычислительного центра ГТК России и бескорыстное усердие в решении в короткий срок поставленной руководством задачи можно отнести к подвигу.

В марте 2000 г. уволились из ГНИВЦ, достигнув предельного возраста, и вышли на пенсию по выслуге лет специалисты по созданию новых информационных технологий, первыми пришедшие в Государственный таможенный комитет России, чтобы, практически на пустом месте, создать мощный научно-информационный вычислительный центр.

Теперь те из них, кто жив и относительно здоров, встречаются по случаю годовщины создания ГНИВЦ (5 мая), Дня таможенника (25 октября), всемирного Дня таможенников (27 января), Дня ветеранов таможенной службы СССР и России (29 мая), в дни чествования коллег-юбиларов и с гордостью вспоминают самые трудные первые годы своей созидательной деятельности в ГНИВЦ.

Начиная с апреля 1992 г., я трудился в ГНИВЦ ГТК РФ в качестве помощника директора ГНИВЦ по работе с региональными отделами, имея уже большой опыт в организации выполнения работ по проектированию, внедрению и эксплуатации автоматизированных систем управления.

* * *

Второй фрагмент

*Заместителю Председателя
Государственного таможенного
комитета Российской Федерации
Драганову В.Г.*

Р А П О Р Т

Настоящим рапортом сообщаю, что 24 ноября 1994 года при возвращении с работы домой, одетым по форме офицера таможенных органов (шапка с кокардой, форменное пуховое пальто, мундир, форменная рубашка с галстуком, серо-голубые брюки и чёрные ботинки), в 21.30 на станции метро «Планерная» (конечная остановка Краснопресненского

радиуса) я был подвергнут нападению и избит пятью переодетыми в штатское оперативными работниками 5-го отделения милиции Краснопресненского района московского метро. Применив в целях самообороны личное газовое оружие, мне удалось вырваться от нападавших и обратиться за помощью к дежурному милиционеру, находившемуся в вестибюле станции метро. Противоправные действия по отношению ко мне были впоследствии мотивированы нападавшими слежкой за мной как за личностью, вызвавшей подозрение.

Последствия инцидента выразились:

1) Со стороны нападавших:

— в совершении ряда провокационных действий по демонстрации намерений ограбить меня, что и привело к конфликту;

— в избиении меня, таможенного офицера, одетого по установленной Законом форме, вследствие чего мне были нанесены серьёзные телесные повреждения (разбито лицо, верхняя губа, повреждён нос, травма правого глаза, груди и левого бедра).

2) Со стороны работников милиции, к которым я обратился за помощью с предъявлением личного удостоверения сотрудника Государственного таможенного комитета России:

— в аресте и доставке меня в наручниках в 5-е отделение милиции;

— в моём задержании в течение более 14 часов в дежурной части 5-го отделения милиции (метро Таганская кольцевая) без предъявления обвинения;

— в категорическом отказе мне связаться с дежурным ГТК РФ или руководством ГНИВЦ, чтобы сообщить о случившемся и принять участие в разборе инцидента;

— в грубости и угрозах разжаловать меня в рядовые.

3) С моей стороны:

— в принятии крайних мер самообороны с применением против нападавших личного газового оружия, разрешение на право ношения и хранения которого мной не было оформлено должным образом (в разрешении отсутствовала отметка о продаже газового оружия магазином).

Прошу Вас дать указание соответствующим службам ГТУ РФ принять участие в разбирательстве моего дела, проводимого 5-м отделением милиции и транспортной прокуратурой г. Москвы и защите моей чести гражданина России, чести офицера таможенных органов России.

Дознание по данному случаю проводил следователь транспортной прокуратуры и прокурор. При составлении протокола присутствовал заместитель директора ГНИВЦ Лебедев Владимир Алексеевич.

Заместитель начальника
отдела координации ГНИВЦ,
инспектор таможенной
службы I ранга
1 декабря 1994 г.

Емельянов Э.Ф.

Через полчаса Лебедев В.А. и я зашли в кабинет директора. Чёботов Ю.А., увидя меня, ни слова не произнёс, а только сочувственно покачал головой.

— Как же это ты допустил, чтобы тебя, таможенного офицера так разукрасили. На лице живого места нет, и ещё хромаешь. Рассказывай, как дошёл до жизни такой? Валерий Иванович, — обратился генерал к своему помощнику, — позови Моргунову Наталию Павловну и организуй нам «крепкого чайку» в моей комнате психологической разгрузки. Скажи Черкашиной Лене, чтобы ко мне никого не пускала и к телефону не подзывала. У меня совещание.

Как только в кабинете директора появилась Наталия Павловна, все прошли в комнату отдыха и переговоров генерала. Устроившись за дубовым столом напротив Юрия Алексеевича, не снимая тёмных очков, скрывавших синяки под глазами, я, вспоминая всё, как было в тот злополучный вечер, начал свой рассказ:

— 24 ноября 1994 года, сдав ключи от служебного помещения охране в 20.30, я вышел из здания Государственного таможенного комитета.

Рабочий день был напряжённым, и хотелось побыстрее добраться до дома. Предстояло ехать на метро больше часа в микрорайон Северное Тушино: сначала до станции «Лубянка», и, сделав пересадку на Краснопресненскую радиальную линию, ехать до конечной станции «Планерная». Обычно, когда я возвращался домой, то за две-три станции до конечной мной овладевала дрема и я погружался в лёгкий беспокойный сон. Но в этот вечер я всю дорогу бодрствовал. На станции «Тушинская» из поезда метро вышли почти все пассажиры, остались только двое мужчин, дремавших напротив меня. На этой станции в вагон вошли пятеро молодых людей от восемнадцати до двадцати пяти лет, неопрятно одетые, производившие впечатление блатных, шмональщиков-карманников.

В ближайшую ко мне дверь вошли двое парней. Один из них мне показался знакомым. Это был юноша лет восемнадцати, без головного убора, лицо продолговатое, взгляд маленьких волчьих глаз нагловатый, походка такая, словно в вагон вошёл не менее как хозяин этого электропоезда. Я сидел в середине вагона лицом к открывающимся дверям. На противоположной стороне дремал пассажир. В дальней левой стороне в конце вагона также сидел заснувший мужчина.

Из числа вошедших парней двое сели на одну скамейку рядом со мной — слева от меня. Остальные трое

рассредоточились в левой от меня хвостовой части вагона. Рядом со мной на расстоянии полуметра сел восемнадцатилетний, а слева от него — его напарник, здоровенный детина лет двадцати пяти.

Вошедшие парни, как только расселись по местам, начали оглядывать вагон, словно изучали обстановку.

Повернув голову налево, я встретился с взглядом восемнадцатилетнего юноши. Он смотрел мне прямо в глаза, не мигая и не отводя взгляда.

— Чего глядишь? — как бы демонстрируя своё господство надо мной, обратился ко мне юноша.

— А что такое? — спокойно спросил я.

— Всё глядишь? Сейчас доглядишься, — с угрозой сказал он.

Внимательнее приглядевшись, я вспомнил, где видел эти серые, как у волчонка, глаза. Ровно месяц тому назад наши пути пересеклись поздно вечером так же в вагоне поезда метро.

В тот день я возвращался домой с работы точно в это же время. На станции метро «Сходненская» вошли четыре юных парня от пятнадцати до восемнадцати лет. Тогда за две станции до конечной, до своей, я задремал. Меня просто разморило, укачало. Когда я, почувствовав, что в мою сумку, стоявшую на коленях, кто-то лезет, расстёгивая молнию, открыл глаза, то увидел стоявшего надо мной вот этого восемнадцатилетнего юношу. Он расстегнул молнию на сумке и тянул из неё носовой платок.

— Тебе чего? Нужен мой платок? Бери, бери. Что? Не надо? Бери всё. Очки. Кому нужны очки? Не нужны? Записная книжка. Кому нужна? Никому? А вот очень интересная книжка «Математическое программирование». Её написал профессор Московского инженерно-физического института Салмин Игорь Дмитриевич. Слышали о таком? Не слышали. Когда поступите в этот институт, то узнаете его. Душевный человек. В книжке, между прочим, рассмотрены комбинированные

методы решения экстремальных задач, — я крутил перед глазами ребят зелёной книжицей, а про себя подумал: «Сейчас любой из них как даст сверху вниз по носу, так искры из глаз и посыпятся. У них большое преимущество: я сижу, а они четверо стоят вокруг меня, заблокировав мне свободу движений. Позиция явно не в мою пользу. Что делать?» Мой мозг работал быстрее самого быстродействующего компьютера.

Личного газового оружия в тот день у меня с собой не было.

— Из вас кто-нибудь был близко знаком с профессором?
— не понимая зачем, спросил я.

Ребята смотрели на меня и молчали.

— Тогда давайте знакомиться. Я профессор и большой начальник. Как говорила моя мама: «Ты начальник над своими штанами».

Ребятам почему-то это показалось забавным, и они рассмеялись.

— А вы профессоров грабите? — пудрил мозги я ребятам.

— Да ты что, дядя, мы никого не грабим. Нам ничего не надо, — кидая обратно в сумку платок, сказал «волчонок», — это мы так, решили разбудить тебя, чтобы не уехал в депо.

— Вот за это, ребятки, вам огромное профессорское спасибо.

В этот момент поезд метро остановился на конечной станции «Планерная». Группа юношей вышла. Выйдя из вагона, я направился в противоположную сторону от юношей. Тогда мне повезло: около эскалатора я встретил милиционера, постового на станции метро, шедшего мне навстречу. Предъявив ему своё удостоверение сотрудника Государственного таможенного комитета, я попросил задержать группу юношей, которые только что пытались меня ограбить. На платформе ребят не было видно. Мы с милиционером решили, что эти юноши

сели в поезд метро, стоявший на станции и отправлявшийся в сторону центра. Поэтому, после того как милиционер полиции дал команду диспетчеру задержать поезд, мы вдвоём осмотрели все вагоны. Разыскиваемых ребят нигде не было. Они успели выйти из метро.

Возвращаюсь к событиям 24 ноября 1994 г.

На перегоне между станциями «Тушинская» и «Сходненская» у меня промелькнула мысль, что я снова привлёк внимание грабителей. Улучив момент, когда «волчонок», сидевший ближе ко мне, повернулся к своему напарнику и что-то стал ему говорить, я поставил спортивную сумку на колени полубоком к сидевшим на одной скамейке со мной незнакомцем и быстрым движением переложил маленький, в размер ладони, «дамский» газовый пистолет из сумки в правый карман форменного пальто-пуховика. При уходе с работы, я зарядил пистолет пятью патронами, первый был холостой — шумовой, а пистолет взвёл в боевое положение и поставил на предохранитель.

На «Сходненской» (предпоследняя станция) двое сидевших рядом со мной молодых людей подошли к открывшимся дверям с намерением выйти из вагона. Однако выходить они не стали и поехали дальше. Всё время, пока поезд мчался по перегону, двое стояли у дверей, а остальные находились слева от меня в конце вагона и поглядывали на мужчин, которые вместе с нами ехали в вагоне и продолжали крепко спать. Они сидели, низко склонив головы, на разных скамьях напротив меня.

Как только поезд остановился на станции «Планерная» и двери открылись, вся группа подозрительных людей (пять человек) вышла и, пройдя метров пятнадцать по ходу движения поезда, собралась в кучку на противоположной стороне платформы. Они явно там что-то заговорщически замыслили, глядя в мою сторону. Позднее стало известно, что они разрабатывали оперативный план моего захвата. Выйдя из

вагона с небольшой задержкой, я обратил на это внимание, ещё больше насторожился и обеспокоился.

Пройдя по платформе в противоположном направлении, я подошёл к эскалатору, обернулся и увидел, как три человека из этой группы по левой стороне платформы, а два человека по правой стороне бегут в мою сторону. В моей голове «компьютер» напряжённо работал, просчитывая всевозможные варианты выхода из конфликта. Если я пойду тем путём, как иду, то, как только поднимусь наверх и окажусь в безлюдном неосвещённом месте у входа в вестибюль метро, меня мои преследователи собьют с ног, их пятеро, избьют и ограбят без свидетелей. Поэтому мой «компьютер» выдал решение: «Повернуть назад и поспешно двигаться навстречу своим преследователям в освещённое многолюдное место, в противоположный конец платформы. Там находится пост милиции, и всегда много народа».

Я шёл навстречу, как полагал мой «персональный компьютер», самому слабому звену из числа преследователей — группе из двух человек, одним из которых был тот «волчонок», которого я опознал в вагоне. Моя правая рука сжимала в кармане газовый пистолет, снятый с предохранителя.

Расчёт моего манёвра заключался в том, что на платформе, где были свидетели, нападать на меня было бы неразумно, и, таким образом, меня не будут ни бить, ни грабить, и я смогу переместиться в безопасное для меня пространство.

Когда до идущего мне навстречу и не уступающего дорогу юноши из группы преследователей было больше метра, я остановился около колонны. «Волчонок» тоже остановился. Он, преградив путь и глядя мне в глаза, крикнул:

— Уголовный розыск!

Никакого удостоверения, подтверждающего его причастность к уголовному розыску, «волчонок» не предъявил.

При просчёте вероятных вариантов экстремальных событий мой «компьютер» рассматривал такую ситуацию. На этот случай было следующее решение: при встречном сближении на расстояние около полутора метров я должен предупредить действия вставшего на моём пути человека, и пистолет должен выстрелить холостым, шумовым патроном. При этом пистолет необходимо направить в корпус человека, вставшего на моём пути.

С четырнадцати лет я занимался пулевой стрельбой. В пятнадцать лет выполнил норматив третьего спортивного разряда по пулевой стрельбе из малокалиберной винтовки. В шестнадцать лет выполнил норматив второго разряда, занимался в спортивном стрелковом клубе Сокольнического района города Москвы. Участвовал в городских соревнованиях, занимал призовые места. Был членом сборной команды стрелков Московского инженерно-физического института, чемпионом МИФИ 1967 года, в том же году я выполнил на официальных соревнованиях на первенстве Москвы норматив первого спортивного разряда по пулевой стрельбе из трёх положений. По мишеням тысячу раз стрелял, а вот выстрелить в человека, даже шумовым патроном, не смог. Рука не поднялась. Держа снятый с предохранителя пистолет в опущенной руке, я спросил:

— Ну и что?

Неожиданно «волчонок» наотмашь нанёс мне сильный удар кулаком в левый висок. Потемнело в глазах, платформа закачалась. Меня кинуло на столб, после чего я попятился назад. Правая рука с пистолетом дёрнулась вверх. Раздался оглушительный выстрел.

В это время второй бандит, следовавший рядом с напавшим на меня «волчонком», обошёл колонну. Как только я, пятясь назад, вышел из-за колонны, прикрывавшей меня

справа, он нанёс сильный прямой удар в левый глаз. На какое-то мгновение я был полностью ослеплён. Левая рука крепко держала спортивную сумку, а правая развернулась в сторону бандита, нанёсшего удар в глаз. Раздался второй выстрел. В магазине пистолета было семь патронов, из них два первых с нервно-паралитическим газом и три со слезоточивым.

Меня повело влево. Правый глаз прозрел. Сквозь туманную пелену я увидел, как от второй группы, двигавшейся по левой стороне платформы, опередив всех, ко мне приблизился верзила в чёрной куртке и ударом раскрученной правой ноги потряс меня. Удар был настолько сильным, что меня при весе в девяносто килограмм отнесло на середину платформы. И я рухнул на мраморный пол. Несколько секунд я лежал, не имея возможности контролировать происходящее и что-либо изменить. Бандиты набросились на меня, словно коршуны на крупную падшую дичь. Они с ожесточением били меня, вернее топтали. Били в голову, но форменная зимняя шапка смягчала удары. Били по спине, но пуховое зимнее пальто защищало меня, ослабляя силу ударов. Били по незащищённым ногам.

Не чувствуя боли от наносимых ударов, словно молния в мозгу промелькнула мысль: «Ещё один, два удара по голове и мне хана, забьют до смерти». Я лежал лицом вниз, раскинув руки. В правой руке был пистолет, а левая — с силой удерживала сумку, не давая возможности вырвать её у меня бандиту.

В какой-то момент один из бандитов безжалостно ударил меня носком ботинка по зубам. И произошло невероятное. Я осознал всю трагичность своего положения. Сконцентрировав волю и собравши все оставшиеся силы, я дал себе установку: «Встать! Надо встать!» Считаю, что произошло чудо. Словно мне помог ангел-хранитель. В тот момент, когда кто-то навалился на меня сзади, я поднялся,

встал на одно колено, резко взмахнув руками, скинул с себя бандита. Опять мелькнула мысль, как команда к действию: «Стреляй!» Медленно поворачиваясь кругом, я нажимал на курок и продолжал стрельбу, как только пистолет был готов к следующему выстрелу. Вестибюль станции метро наполнялся оглушительными звуками от выстрелов, словно стреляли из пушки. Бабах — раз. Бабах — два. Бабах — три. Газ почувствовали нападавшие на меня бандиты и поспешили спрятаться за колонны. Стреляя, я кричал:

— Милиция! Помогите!

Стоя на одном колене, я увидел, что путь в ту сторону, куда я стремился, свободен. Словно спортсмен-спринтер с низкого старта, я рванул вперёд и увидел бегущего навстречу милиционера. Поравнявшись, передал ему свой газовый пистолет и удостоверение личности сотрудника ГТК РФ.

— На меня напали грабители! Помогите! — обратился я к милиционеру. — Вон те бандиты, что во всём чёрном и прячутся за колонны справа, и те двое, что лежат у другого ряда колонн слева.

— Спокойно, сейчас разберёмся. Кто напал, где они? — спросил милиционер, читая моё удостоверение личности. Пристально поглядев вдаль на людей в чёрном, на которых я указал, он произнёс:

— Те, что в чёрном, — это наши оперативные сотрудники, — окинув оценивающим взглядом меня, милиционер продолжал, — не волнуйтесь. Давайте пройдем в комнату милиции.

Весь в крови, так как были разбиты нос и верхняя губа, я в сопровождении постового милиционера вошёл в комнату милиции, расположенную в верхнем вестибюле станции метро «Планерная». Время было около 22 часов.

Милиционер предложил мне присесть за рабочий стол дежурного. Слева от меня стоял телефон. Я набрал домашний номер. Кто-то разговаривал по телефону, и он долго был занят.

Соединиться с семьёй не удалось. Набрал номер телефона брата моей жены, который жил в пяти минутах ходьбы от метро. Тоже занято.

В комнату милиции вбежала женщина в белом халате.

— Я медсестра. Давайте окажу вам медицинскую помощь. У вас всё лицо разбито и в крови.

Медсестра открыла чемоданчик с красным крестом, достала вату и пузырёк с жидкостью, после чего приблизилась ко мне с явным намерением обработать мои раны. Я дотронулся до рта и обследовал состояние передних зубов. Они качались, чего раньше не было.

— Ради Бога, не трогайте зубы. Они укрепятся, если их не качать, — воскликнула медсестра, увидев, как я трогаю кровоточащие зубы.

— Уйдите! — крикнул я медсестре. — Мне не нужна ваша помощь. Сейчас намажете меня каким-нибудь наркотиком, что потом я вовек не отмоюсь.

— Как угодно. Оставляю вам перекись и вату. Обработайте ранки сами, — произнесла спокойным тоном медсестра и, взяв чемоданчик, удалилась.

В комнате милиции я остался один. Убедившись, что в пузырьке перекись водорода, я подошёл к зеркалу и обработал ссадины под глазом, на губах и на носу.

Сел за стол, на котором стоял телефон, и попытался ещё раз связаться с домом. Телефон был занят. Это была последняя возможность связаться с родственниками и сообщить о случившемся.

В комнату вошли двое — милиционер и один из группы грабителей. Милиционер был симпатичный парень лет тридцати, в звании сержанта. Мне запомнились его пышные чёрные усики. Второй был одет в чёрную болоньевую утеплённую потёртую куртку, толстый, среднего роста, рыжий и рябой, морда деревенская, бандитская.

— В камеру его, — скомандовал рябой.

Милиционер жестом руки дал мне понять, что я должен пройти за железную решётку, разделявшую помещение на две зоны: для свободных людей и для временно арестованных. В зоне арестованных находились двое мужчин. Обратившись к ним, милиционер грубо крикнул:

— Всем выйти! Вы свободны. Быстро!

Проходя мимо меня, один из задержанных тихо произнёс:

— Ну, мужик, ты и залетел. Хана тебе. Прощай. Мы уйдём, а они тебя здесь замордуют до полусмерти, а может и ..., — он не успел договорить, так как милиционер крикнул:

— Ну, давай пошевеливайся! Или хочешь ночевать здесь?

— Нет, нет и нет, — произнёс заключённый и вместе с другим собратом по несчастью поспешно покинул комнату милиции.

Милиционер закрыл решётчатую дверь на засов.

— Долго меня будете держать здесь под арестом? Это же я просил о помощи. И я же оказался арестованным? Это несправедливо! — апеллировал я к милиционеру.

— Мы вызвали дежурного офицера по нашему пятому отделению. Как только он приедет, так и начнём разбор случившегося, после чего решим, что делать с вами, — сказал милиционер.

В комнату вошли два неопрятно одетых человека — все из нападавшей на меня группы. Они с интересом стали рассматривать мой пистолет. Затем, прихватив его с собой, ушли. Я попросил милиционера дать мне возможность связаться с дежурным по Государственному таможенному комитету и сообщить о случившемся со мной. В категоричной форме мне было отказано, сославшись на инструкцию.

Вернулся «рябой» с понятыми. Это были симпатичная девушка лет двадцати пяти и угрюмый молодой человек тридцати лет. Их усадили на стулья так, чтобы они могли

видеть всё происходящее в комнате. В их присутствии я снова уже потребовал, чтобы связались с дежурным по таможенному комитету. Мне опять было грубо отказано. Я обратился к понятым, чтобы они не участвовали в этом процессе. Им я объяснил, что это милиционеры-оборотни хотели меня ограбить, а я им не дался и в целях самообороны расстрелял из газового пистолета.

— Ещё слово, — закричал «рябой», обращаясь ко мне, — я надену на вас наручники и отправлю в Лефортовскую тюрьму.

«Рябой» достал из моей сумки всё содержимое, составил опись и предложил понятым подписать протокол. Мной овладела тревога: как бы оборотень «рябой» не включил туда наркотики. Когда зачитали опись, я успокоился, так как ничего лишнего не приписали, и ничего страшного для меня не случилось. Мне предложили подписать протокол задержания с описью конфискованных у меня материальных ценностей. Я обратился к понятым, чтобы они не подписывали акт о моём задержании без указания нанесённых мне побоев. На что «рябой» злобно сказал:

— Это тебе за всех ваших таможенников, которые обируют наших туристов.

— Вы слышали, что он сказал? — обратился я к понятым, которые превратились в свидетелей гнусного оскорбления таможенников и признания того, что всё, что на моём лице, — это их месть таможенникам. Обращаясь к понятым, я продолжал:

— Вероятно, дело дойдёт до судебного процесса, и вам придётся на суде подтвердить то, что только что сказал этот гражданин, не знаю, как его звать. Протокол составил, а представиться не счёл нужным.

«Рябой» раздраженно прокричал:

— Наденьте на него наручники и запирайте в камере, пока не приедет дежурный по отделению. И никого сюда не пускать!

В 24.00 меня под усиленным конвоем и в наручниках, как опасного государственного преступника, вывели из комнаты милиции на улицу. Что примечательно. Особенно в это время около входа в метро бывает много народа: бабулей, торгующих сигаретами, пивом, вяленой рыбой, газетами, таксистов-бомбил, тусующейся молодёжи. В тот момент, когда меня выводили, на площади около метро не было ни души. У выхода стояла одна милицейская машина, в которую меня спешно затолкали на заднее сидение. Справа от меня сел милиционер сержант, а впереди — старший лейтенант, дежурный офицер из 5-го отделения. Левая задняя дверь открылась, и я увидел «волчонка» с красными слезящимися глазами, который грубо произнёс:

— Двигайся! Расселся! Барин!?

Естественно, увидев этого «волчонка», который первым нанёс мне удар в висок, моей ответной реакцией должно было бы быть нанесение ему наручниками удара по приблизившемуся наглому лицу. Видимо, на это-то и рассчитывали все милиционеры, находившиеся как в машине, так и около авто, чтобы пришить мне статью за нанесение телесных повреждений сотруднику правоохранительных органов при исполнении им своих служебных обязанностей. Но мной уже овладела не месть обидчику, а полное равнодушие ко всему происходящему. Я понял, что влип по-крупному и помочь мне мог только господь Бог или мой ангел-хранитель.

«Волчонок», толкаясь, провоцируя тем самым меня на драку в машине при свидетелях, уселся рядом со мной, прижав меня к сидевшему справа милиционеру. Я опустил голову, закрыл глаза, чтобы ничего не видеть и, как холодный компресс, прижал наручники к начинавшему болеть левому глазу.

Мой отец как-то сказал: «Никогда не отвечай безумному на его безумие, чтобы и ты сам не уподобился ему. Отвечать безумному по его безумию не следует, чтобы он не был мудрецом в глазах своих».

Так мы сидели в машине минут пять. Поняв, что меня на драку в машине не спровоцируешь, «волчонок», обратившись к сидевшему на переднем сидении офицеру, сказал:

— Я передумал. Поеду домой в Измайлово на метро. Так будет быстрее.

«Волчонок» вышел из машины, и мы поехали, как выяснилось через 30 минут, в 5-е отделение транспортной милиции, которое располагалось на станции метро «Таганская».

Эти 30 минут я пребывал в постоянном страхе, так как сразу пятеро оборотней в пагонах, которые хотели меня пошмонать, влипли по-чёрному больше моего. Самым оптимальным выходом для них из создавшейся ситуации — это тихо, тайно убрать меня. И сидевшего со мной сержанта я расценивал как потенциально-го ликвидатора. Вспомнился подобный случай, происшедший с сотрудником КГБ на станции Ждановская (теперь Выхино). Тогда в убийстве майора-чекиста были замешаны сотрудники этого же 5-го отделения милиции вместе с начальником.

Мой отец говорил: «Всё в руках Божьих, кроме страха Господня».

Меня ввели в дежурную часть отделения милиции, усадили на длинную деревянную скамью, точно такие же, но в два раза короче, установлены в электричках. Подошёл капитан милиции и, глядя на меня, с нескрываемой злобой произнёс:

— Это и есть тот стрелок, что наделал шуму на всю Москву, расстреляв наших оперативников? Убить тебя мало! Сволочь!

Я поднял глаза и равнодушно, не проявляя никаких эмоций, посмотрел на здорового бугая с неприятным одутловатым лицом.

Сержант, сопровождавший меня, куда-то ушёл, и я остался один на один с ментом, жаждавшим мести за своих «волчат». Для меня сложившаяся ситуация была не из приятных. Склонив

голову и приложив наручники к заплывшему от боли глазу, я старался не думать о плохом.

Отец говорил: «Запомни, сын, даже в самой тяжёлой жизненной ситуации есть место для оптимизма».

Вернулся конвоировавший меня сержант с мужчиной средних лет в штатском.

— Это следователь. Он будет вести ваше дело, — обратившись ко мне, сказал сержант.

— Вас как зовут? — спросил я.

— Николай Иванович, — ответил человек в штатском, глядя изучающе на меня. Обращаясь к сержанту, он сказал:

— Снимите с него наручники и можете быть свободны.

Ни о чём не спросив меня, следователь ушёл. Ушёл и сержант. Я осмотрелся. Слева от меня на такой же скамье лежала в чёрном пальто спящая женщина, положив голову на свои ладони. Прямо предо мной в пяти метрах у противоположной стены на стуле сидел парень явно не русской национальности. Справа стояла ещё одна скамья и на ней за длинным узким столом сидела молодая чернявая привлекательная женщина. Одета она была в лёгкое демисезонное чёрное полупальто. С ней кокетничал и вёл легкомысленную беседу сидевший напротив на табурете милиционер, сержант лет тридцати. Это был дежурный сотрудник 5-го отделения. У стола стояла ещё одна скамья, спинкой прислонённая к наполовину стеклянной стене, за которой располагались офицеры дежурной части, работавшие за пультом оперативной связи. В стене было вырезано окошко, а также имелась стеклянная дверь.

Испросив разрешения у сержанта, я переместился на скамейку, стоявшую у стеклянной стены, закрыл глаза и представил, что нахожусь в самолёте, летящем рейсом Москва — Владивосток. Я был уверен, что со мной займутся не ранее девяти часов утра, когда придёт на службу начальство.

Всё это время я обдумывал, как давать показания, которые должны были быть правдоподобными и работать на меня. В-первых, я решил без представителей таможенного комитета никаких показаний не давать и никаких документов не подписывать. Ужасно болела голова, а боль в левой ноге усиливалась так, что хотелось стонать. По прошествии часа пребывания в отделении милиции под арестом я спросил дежурного, можно ли сходить в туалет. Он объяснил, что в туалет можно ходить только один раз через каждые три часа, не чаще.

В туалете я умылся, намочив носовой платок, сделал холодную примочку на подбитый глаз, «слил воду» и осмотрел ногу. Всё левое бедро до колена с внешней стороны представляло собой синее пятно, до которого было больно дотронуться.

Чем дольше я сидел в милиции, тем больше мной овладевало чувство озлобленности ко всем работникам милиции. В девять часов обратился к дежурному капитану с просьбой позвонить на службу, чтобы сообщить о себе. Получил отказ в грубой форме, да ещё с угрозой, что он меня посадит в камеру. Хотел прилечь на скамейке. Тут же подскочил сержант и с угрозой посадить в камеру дал понять, что спать можно только сидя, не снимая верхней одежды. В помещении было достаточно тепло, а сидеть в пуховом пальто было сушей пыткой.

Ровно в девять часов пришёл толстый следователь с папками и сел за стол в торце. За дверью собралось много народа. Толстый следователь попросил меня сесть на скамейку за стол, после чего разложил на столе папки с уголовными делами и стал вызывать по одному человеку из коридора на собеседование. Как я мог понять позднее, мой окровавленный вид избитого арестанта он использовал для устрашения допрашиваемого. <...>

Ровно в полдень ко мне подошёл майор милиции и спросил:

— Рассказывайте, что натворили? За что задержаны?

— Извините, а вы, собственно, кто будете и почему я должен перед вами отчитываться? Вы представьтесь, — посмотрев на незнакомца в милицейской форме снизу вверх, спросил я.

— Начальник пятого отделения транспортной милиции Гончаров Валерий Викторович.

— Отлично. Я сотрудник Главного научно-информационного вычислительного центра Государственного таможенного комитета Емельянов Эрнест Фёдорович, — доложил я. — Вам как рассказать, кратко или с подробностями?

— Можно кратко.

Не вставая со скамьи, на которой сидел, я в течение минуты рассказал стоявшему предо мной майору, что на станции Планерная на меня напали бандиты, избили меня, и я вынужден был в целях самообороны применить газовое оружие. Избавившись от нападавших, я обратился к постовому милиционеру о помощи и задержании бандитов. Но задержанным и арестованным оказался я — офицер правоохранительных органов, сотрудник Государственного таможенного комитета Российской Федерации. Поскольку я был одет в форму таможенного офицера, нападение на меня приравнивается нападению на сотрудника правоохранительных органов. Закончил я свой рассказ, сказав, что всем напавшим на меня по Закону грозит уголовное наказание в виде лишения свободы от трёх до пяти лет.

— Завтра же я намерен подать заявление в суд на напавших на меня ваших сотрудников, поэтому попрошу назвать их фамилии.

Майор, стоя в метре от меня, спокойно, не перебивая, выслушал мою версию о случившемся. Когда я закончил, он сказал:

— Зря вы инкриминируете нашим сотрудникам нападение на сотрудника правоохранительных органов. Они не знают таможенной формы.

— Майор, вы же знаете лучше меня, что незнание Закона не освобождает их от ответственности, — надев зимнюю форменную шапку с кокардой в виде «краба» вокруг герба СССР, парировал я попытку начальника отделения милиции оправдать своих. — И потом ваши сотрудники совершили ещё одно нарушение — вероятно, по незнанию. Несмотря на неоднократные просьбы, мне до сих пор не дали возможности связаться по телефону ни с семьёй, ни с руководством Государственного таможенного комитета. Должен вам официально заявить, что без представителей таможенного комитета я никаких показаний давать не буду.

— Капитан, — обратился майор к дежурному, находившемуся за стеклянной стеной. — Дайте нам телефон. — И, обращаясь ко мне, спросил, — Какой номер телефона у вашего руководства?

Я назвал телефон заместителя директора по общим вопросам Лебедева Владимира Алексеевича. Майор набрал номер. Трубку взял Лебедев В.А.

— С вами говорит начальник пятого отделения милиции. У нас со вчерашнего вечера находится ваш сотрудник Емельянов Эрнест Фёдорович. Правда, его наши сотрудники немножко помяли. Но это ему будет только на пользу. Прошу вас приехать в отделение, которое находится на станции метро «Таганская», для составления протокола задержания и решения вопроса о дальнейшем задержании вашего сотрудника.

Положив трубку телефона, майор, не говоря ни слова, ушёл.

Через час я увидел шедшего по коридору в мою сторону Лебедева В.А., одетого в серо-голубой форменный мундир подполковника таможенной службы.

Рассказ В.А. Лебедева о дальнейших событиях в отделении милиции

Я приехал в отделение через полчаса после телефонного звонка. Прошёл в кабинет начальника, где меня уже ждали следователь, помощник прокурора транспортной милиции и начальник. Мне показали рапорт о задержании Эрнеста Фёдоровича, составленный пятью сотрудниками отделения милиции, которые, по словам Эрнеста Фёдоровича, напали на него на станции метро «Планерная». Там было написано, что он нарушал общественный порядок, приставал к женщинам в вагоне метро, сквернословил, ругаясь матом, угрожал газовым пистолетом сотрудникам милиции, пытавшимся урезонить его. Он был избит, так как оказал сопротивление сотрудникам милиции, и поэтому должен быть арестован, до суда помещён в Лефортовскую тюрьму и понести наказание в виде тюремного заключения сроком от трёх до пяти лет. Всех пятерых построили, и мне были показаны на телах двух сотрудников милиции огнестрельные следы, причинённые им в момент задержания Эрнеста Фёдоровича. У одного было обожжено левое ухо, а у другого щека и травмирован левый глаз, который постоянно слезился.

После этого следователь, помощник прокурора — миловидная женщина лет тридцати пяти — и я прошли в другой кабинет, где со слов Эрнеста Фёдоровича было записано в протокол всё происшедшее в метро. Я обратил внимание, что следователь некоторые детали формулировал с трактовкой явно не в пользу сотрудников милиции. То есть его симпатии были на стороне Эрнеста Фёдоровича. Когда после прочтения Эрнест Фёдорович подписал протокол, помощник прокурора попросила меня выйти вместе с ней из кабинета. Мы прошли к начальнику отделения милиции, где она изложила своё решение по происшедшему случаю. Обращаясь к начальнику отделения милиции, она сказала:

— Вам не кажется странным, что пятеро ваших сотрудников, профессионалов в своём деле, не смогли задержать одного человека? Согласно письменным показаниям постового, дежурившего на станции «Планерная», это Эрнест Фёдорович попросил задержать напавших на него ваших сотрудников. И милиционеру Емельянов Эрнест Фёдорович добровольно сдал оружие и предъявил своё удостоверение личности офицера Государственного таможенного комитета.

— Они не смогли его задержать, так как он стрелял им прямо в лицо, — попытался оправдать своих сотрудников начальник отделения милиции.

— Тогда почему ваши сотрудники не стреляли в него на поражение? После его первого выстрела они имели полное право стрелять на поражение. Почему? — спросила помощник прокурора.

— У них не было оружия. Они закончили дежурство и табельное оружие сдали. Они ехали домой, — ответил начальник отделения милиции.

— Как не было оружия? Они же написали в своём протоколе, что находились на дежурстве при исполнении служебных обязанностей. Не кажется ли вам странным, что все пятеро после дежурства, вместо того чтобы ехать со станции Тушинская в сторону центра, как вы говорите, домой, сели в вагон поезда метро, следовавшего в обратную сторону на станцию «Планерная»?

— Да, действительно, это трудно объяснить, — был ответ начальника отделения милиции.

— А я считаю, что мотивация их действий состояла в том, что они, увидев в пустом вагоне двоих спящих пьяных мужчин и дремавшего Эрнеста Фёдоровича, решили их почистить. Почистить содержимое карманов и бумажников. В нашу прокуратуру последнее время поступали телефонные звонки с жалобами на мелкие грабежи задремавших в поезде

метро мужчин и именно на Таганско-Краснопресненской линии метро. Причём словесные портреты тех, кто их грабил, как ни странно, совпадают с внешностью ваших сотрудников, которые причастны ко вчерашнему случаю. Я склонна верить каждому слову потерпевшего — Емельянова Эрнеста Фёдоровича и не вижу основания к его заключению под стражу до суда, так как нет состава преступления с его стороны. А вот относительно ваших сотрудников я противоположного мнения. Удалось выяснить, что, заведя в метро таможенника в форме, ваши опера решили, что в его сумке наверняка имеются баксы или наркотики. А когда в руках таможенника они увидели пистолет, то это утвердило их подозрение. И они стали действовать, но не профессионально, а как неопытные, начинающие щипачи. Думаю, десяти дней вам будет достаточно, чтобы сделать оргвыводы по данному случаю и принять решение о наказании всех пятерых сотрудников за низкий профессиональный уровень и участие, не побоюсь этого слова, в групповом бандитском нападении на сотрудника, офицера Государственного таможенного комитета, который, согласно Таможенного Кодекса, так же является представителем правоохранительных органов, нападение на которого карается строго по Закону. Если через десять дней дело по случаю с Емельяновым не будет закрыто следователем, то прокуратура будет готовить к передаче в суд.

В заключение помощник прокурора отметила, что Эрнест Фёдорович вёл себя исключительно грамотно как в метро, так и оказавшись арестованным в милиции.

* * *

Третий фрагмент

Наступил Новый 1995 год, и с первого рабочего дня в ГНИВЦ началась подготовка к празднованию 5-летия создания ГНИВЦ ГТК России (5 мая).

7 февраля 1995 г. утром меня вызвал Чёботов Ю.А. и поставил задачу: завтра выехать в Калининград и выполнить организационные мероприятия по проведению в Калининграде совещания с участием прибывающих в Россию специалистов из Франции, ответственных за решение вопросов по адаптации в таможенных органах Калининградской области французской автоматизированной системы SOFIX.

В Калининград начальнику регионального отдела ГНИВЦ Бенецкому Эдуарду Михайловичу я сообщил, что по сведениям, полученным из посольства Франции, 10 февраля в город Калининград московским самолётом придут четверо французских специалистов:

Ф. Гра — руководитель проекта SOFIX,

Жан Лебо — начальник проекта по средствам вычислительной техники,

Мартинати — сотрудник французской таможни,

Стендель — сотрудник французской таможни.

Позднее на один день к ним должен присоединиться генеральный директор фирмы BULL Жегалин Олег Иванович, который будет переводчиком на совещании. Фирма BULL определена как ответственный поставщик для таможен Калининградской области средств вычислительной техники и телеобработки, обеспечивающих функционирование системы SOFIX.

Бенецкий Э.М. должен был согласовать с начальником Калининградского таможенного управления генерал-майором таможенной службы Краснянским Игорем Юрьевичем мероприятия по аренде конференц-зала для проведения совещания, размещение в гостинице французской делегации, организацию питания участников совещания и обеспечение обратными билетами.

8 февраля 1995 г., за два дня до начала совещания, я и начальник отдела телеобработки и защиты информации

ГНИВЦ Светушкин Владимир Матвеевич выехали поездом в Калининград. Ехали в двухместном купе фирменного поезда. За 17 часов в дороге Владимир Матвеевич мне много рассказал о своём родном дядьке, о нашем легендарном командарме Первой конной армии Будённом Семёне Михайловиче. Тогда я узнал, что Светушкин В.М. потомственный казак и является товарищем атамана Московского казачества. В Калининграде ему предстояло исследовать все существующие в области сети передачи информации (пограничников, железнодорожников, армейские и сеть ФрансТелеком). Результатом работы должны были быть рекомендации на их пригодность к использованию в среде ИВС «Контроль» ГТК России для обеспечения сбора таможенной информации с таможенных постов для последующей передачи достоверной информации с таможен в Калининградский региональный отдел ГНИВЦ.

Вечером, в первый день пребывания в Калининграде, решили посидеть в пивном баре, попить фирменного пивка с креветками. Поздно вернувшись в гостиницу, я не закрыл дверь в номер, так как поспешил в туалет.

— Есть тут кто-нибудь? — услышал я женский голос, находясь ещё в туалете. Выйдя, я увидел стоявшую предо мной с пышной, откровенно открытой грудью блондинку в чёрной юбке, плотно обтягивавшей объёмные крепкие бёдра. Разрез белой шёлковой блузки чуть ли ни до пупка оголял её необычайных размеров женские перси. Было ясно, что этот разрез необходим хозяйке, чтобы каждый мужчина, попадавший в сферу энергетического магнетизма красотики, мог по достоинству оценить «товар».

Позади блондинки стояла другая нежданная гостья — полный антипод первой: высокая брюнетка, худая, на лицо далеко не красавица, с маленькими мальчишескими формами бёдер и груди. У неё было только одно преимущество перед

подругой: она выглядела моложе лет на десять. Если первой можно было дать лет тридцать, то вторая тянула на все двадцать.

— Здравствуйте, ночные феи! Какой добрый волшебник принёс мне таких очаровательных гостей? — по-хозяйски строго спросил я.

— Дверь была не заперта. Мы вошли. У вас есть зажигалка? — спросила блондинка.

Я, хоть и не курил, но всегда в командировку брал зажигалку в комбинации с открывалкой бутылок — подарок фирмы NCR.

После того как блондинка с артистическим фасоном прикурила, она, кокетливо глядя мне в глаза, сказала:

— Можем обслужить по высшему разряду.

— Не совсем понимаю, какие услуги вы предлагаете? — прикидываясь протестом, спросил я.

Пройдя в комнату и устроившись по-кошачьи в кресле, блондинка ознакомила меня с оказываемыми услугами.

— Можем остаться у вас на всю ночь. Это будет стоить сто тысяч. Если пожелаете, чтобы у вас остались две девушки — я и Рая, тогда цена, естественно, удваивается.

— И что же меня ждёт? — спросил я блондинку.

— Вначале мы проведём получасовой эротический массаж, после чего вместе с вами сольёмся в сказочном экстазе любви. Вы испытаете необычайные ощущения лёгкости и восторга. Ваша душа отойдёт сначала в неземное царствие покоя и умиротворения. Ваш мозг «занулится» до такой степени, что вы полностью отрешитесь от всех земных дел и забот. Мы наполним ваше тело благодатной истомой. Таких сеансов может быть столько, сколько вы сможете в течение ночи до восхода солнца. Гарантируем, что вы испытаете тотальное ликование души и тела. Из мира восторга и внутреннего трепета сердца и плоти, сравнимого только лишь со зрелищем извержения

раскаленной магмы из кратера вулкана, мы плавно перенесём вас в земные реалии.

— А в какое время солнце взойдёт? — поинтересовался я.

— Завтра, как и сегодня, солнце взойдёт ровно в семь часов. Кроме того, к тому, что я сказала, могу добавить, что мы сможем обеспечить вам и разрядку, и энергетическую подзарядку, естественно, только через вашу упругую «соломинку».

Я слушал её и думал: «Боже, какие хорошенькие — и проститутки! В кошельке командировочных денег в обрез, только-только хватит на оставшиеся дни командировки. К тому же жена заказала купить копчёной рыбки, тёши, и надо было немного сэкономить командировочные. Сегодня надо выспаться. Завтра в 15 часов предстоит встречать в аэропорту французов, а поздно вечером директора ГНИВЦ Чёботова Ю.А. Надо быть в форме. От выпитого пива голова отяжелела, а тут ещё эти “зажигалки”. Ладно, можно немножко и поразвлечься».

Глядя в глаза блондинки, я произнес:

— Ясно. Значит, вот ту очаровашечку зовут Рая, а тебя, красавица, как величать?

— Я разве не представилась? Ирина. Или просто Ира. А это — Рая. Вы правильно подметили: мы с ней подружки, но я старшая в нашей команде.

— Вот как, у вас тут целая команда? Если я правильно понял, согласны остаться обе девушки, но платить надо двести?

— Совершенно верно, — одарив меня лукавой улыбкой, ответила Ира.

— В таком случае оставайтесь обе. Я согласен со всеми условиями предоставляемых услуг, — резко произнёс я.

— У нас правило: деньги — вперёд, — объяснила Ира, полностью уверенная, что перед ней неопытный в подобных делах клиент. — Иностранцам об оплате мы никогда не напоминаем. Они начинают разговор с оплаты и сразу после

достигнутой договорённости достают доллары из кошелька и кладут их на стол или стул.

— Разумеется, — самоуверенным тоном воскликнул я и, достав из кармана брюк кошелёк, бросил его на стол. Я знал, что там осталась мелочь от положенных туда утром денег, планируемых к трате сегодня. Основная доля командировочных была в бумажнике, который находился в боковом кармане пиджака.

— Всё, что в кошельке — ваше, девчата! Мне эти деньги не нужны. Так что гуляем. Выпьем, девчата, — и я достал из сумки бутылку водки, привезённую из Москвы.

— Во-первых, на работе мы не пьём, а во-вторых, как тебя зовут? — спросила Ира.

— Зовут меня Эрик. Ну, что приступим к эротическому массажу? Девчата, так хочется восторга души и ликования плоти! Так вы сказали?

— Не совсем так, — произнесла Ира. — А денежки?

— Так вот они, денежки, — и с этими словами я взял со стола свой бумажник, и вытряхнул на стол всё содержимое. Зазвенела мелочь, раскатившись по столу, зашелестели российские бумажные купюры. Девчата с нескрываемым интересом наблюдали за моими манипуляциями.

— Подожди, мужик. Здесь всего двадцать пять. Этого и на одну девушку мало. Даже на полдевушки не хватит.

— Да вы что?! — с деланным удивлением произнёс я и стал пересчитывать деньги. — Действительно, всего двадцать пять. Девчата, но это всё, что у меня есть, а так хочется ликования души и тела. Может, договоримся на полдевушки, то я предпочёл бы верхнюю часть очаровательной блондинки.

— Подожди со своим ликованием. Если хочешь, чтобы мы остались, найди ещё денег, — с явным раздражением произнесла Ира. Рая в это время сидела на кровати и безмолвствовала.

— Где же я в такой поздний час найду ещё денег? — спросил я.

— А ты позвони своему товарищу. Ты же в гостинице не один, — давила на меня Ира.

— И то верно.

Я снял трубку телефона, посмотрел карту гостя гостиницы с телефонными номерами и, найдя нужный, стал набирать номер телефона Светушкина В.М. Абонент не отвечал. В комнате воцарилась тишина. Пауза явно затягивалась.

— Ладно, найди ещё тридцатник и одна из нас останется с тобой, — мягко, проявляя снисхождение к положению клиента, произнесла Ира, видя, как я настойчиво, но безрезультатно, продолжаю звонить коллеге, полный тревоги, что девушки могут уйти.

— Ира, а давай договоримся, что вы остаётесь вдвоём за двадцать пять. Твоя верхняя половинка и её нижняя, — заискивающе, лукаво произнёс я.

— Ты что, мужик, обалдел? Двоих на ночь за двадцать пять и каждую по половине. А ты большой оригинал. Так мы не работаем. Тебе и так сделали поблажку, скинули прилично за твои красивые серо-голубые глаза, — с раздражением произнесла Ира. — Мы же не одни кормимся с клиента. Приходится делиться с администратором, с дежурной по этажу, с охранником и другими прохиндеями в погонах.

— Ир, давай останемся. Время уже позднее, вряд ли кого сегодня найдём. Считай, ночь пройдёт впустую. А от твоей верхней половины не убудет, если останемся у него, — первый раз подала голос Рая.

— Ты что, подруга, обалдела? Это, по-твоему, получается, что он нас обоих снимет на ночь за двадцать пять? — всё больше раздражаясь, чуть ли не срываясь на крик, произнесла Ира.

— Да ты посмотри, Ир, мужик-то какой? Борода, усы и там, наверное, силища, что надо. Посмотри, как он нас хочет?

— Они все нас за так хотят. Нет, у тебя явно что-то с головой или так действует полнолуние. Пусть ищет деньги, если хочет.

Я с нескрываемым интересом наблюдал за девицами, не вмешиваясь в их диалог. И тут меня осенила забавная идея, и я произнёс:

— Девчата, значит решено: вы остаётесь, — я быстро, не давая опомниться девицам, произнес, — значит так! Я сейчас проведу с вами ночной сеанс «любви втроём». Я прошёл в Австрии специальную школу интимных услуг и моя специализация — любовь втроём. Я специально приезжал в ваш город, чтобы открыть филиал московский школы акробатического секса с ночным секс-клубом и стриптиз-бар. Бар будет в гостинице на первом этаже, а клуб в подвальчике в соседнем доме. Там же будет и Калининградский филиал первой в России школы акробатического секса. Для проведения практических занятий с обучаемыми по курсу «Оригинальная техника акробатического секса» мне нужны гуттаперчевые сексапильные ассистентки. Подбор кадров на конкурсной основе уже начали мои коллеги — такие же ветераны эротического фронта, как и я. Нужного сорта девиц здесь хоть отбавляй. Только в Калининграде, городе путан и моряков, нет должной организации этого бизнеса. Но если вы сегодня пройдёте мой кастинг, то считайте себя зачисленными без конкурса.

Девчата, ошарашенные таким оборотом, смотрели на меня как на инопланетянина, только что спустившегося с небес на землю. Не давая им опомниться и сказать хоть слово, я продолжал:

— В начале будет часовой сеанс эротического дуплет-массажа. Как в игре в бильярд: дуплетом и в две лузы. Вы испытаете глубоко оргазмальное ликование души и тела. Я вас перенесу в изумительный мир — мир внутреннего

трепета, вулканических извержений чувств и энергетики. Если вы пожелаете, могу сделать так, что вы не вернётесь в этот серый, безрадостный мир полукапитализма и царящего беспредела, мир, полный неопределённостей, тревог и забот. Как, согласны?

Закончив свой монолог, я умолк и с любопытством уставился на девиц, сложа на груди сильные с обнаженными бицепсами руки. Первой пришла в себя «старшая в команде» блондинка Ира.

— Ты чего, мужик, ненормальный? Явно тебя мама, а может папа, в детстве уронили головой на каменный пол.

— Ир, ну давай останемся. Он так интересно говорил, — жалостливо просила подругу Рая.

— Ты что, тоже рехнулась? Да вы оба с ума сошли. Не видишь — он же над нами издевается, за идиоток принимает, — с раздражением, переходя на крик, старалась образумить подругу Ира.

— Ир, посмотри какие у него ручищи. Он же сильный. Я бы осталась, — с явно выраженным чувством досады и обиды на подругу сказала Рая.

— Вот и оставайся, если тебе нужны его волосатые ручищи, а не деньги. Но тогда ко мне больше не подходи с просьбой одолжить денег на такси и заплатить долг в баре, — сказав это, Ира решительно встала и быстро пошла на выход из номера.

— А жаль, — произнесла Рая и последовала за подругой.

Я остался в номере один. Принял душ и спокойно заснул.

10 февраля 1995 г. Этот день был насыщен хлопотами по предстоящей встрече в аэропорту французской группы специалистов и вечерней встрече директора ГНИВЦ ГТК России генерал-майора таможенной службы Чёботова Юрия Алексеевича. С ним летел и Жегалин О.И. Ещё раз проверив

готовность гостиницы «Интурист» к приёму французов, конференц-зал, а также согласовав в ресторане «Интуриста» меню на обед и товарищеский ужин, я с руководством Калининградского регионального отдела — Бенецким Э.М., Кульченко К.А., Кадочкиной С.Ф. — проработал проект плана работ по адаптации французской автоматизированной системы SOFIX к российскому законодательству, а также поэтапный план работ по подготовке таможен к установке средств вычислительной техники и телеобработки, поставляемых фирмой BULL. Проекты планов уже к окончанию рабочего дня согласовали с руководством Калининградского таможенного управления.

В 15 часов в аэропорту Калининграда приземлился московский самолёт ТУ-134, на котором прилетели французские специалисты. Из аэропорта поехали в гостиницу. Французы заполнили гостевые карточки для поселения. Каждому из них при сдаче карточки администратору я оказывал помощь в качестве посредника. Последним подошёл к окошку администратора маленький толстенький мордастый сотрудник французской таможни Мартинати. Расплатившись долларами (300 \$) за три дня пребывания в гостинице, он протянул стодолларовую купюру и по-английски произнёс:

— Мне, пожалуйста, русскую девушку, блондинку с пышными формами, в номер завтра в 18.00.

Администратор взяла валюту и, несколько раз кивнув понимающе головой, сказала по-английски:

— Заказ принят. В 18 часов будьте в номере. Девушка будет у вас в номере ровно час до 19 часов. Если надо будет продлить время, то не забудьте позвонить администратору и договориться о продлении.

Я не всё понял в диалоге, состоявшемся на английском языке между администратором гостиницы и французом, так

как в школе, в институте и в аспирантуре изучал немецкий язык. Но суть уловил: он заказал нашу путану на час на завтра в 18 часов, за что заплатил авансом 100 долларов.

А.Г. ШЕВЧЕНКО

АФГАНСКИЕ СТРАНИЦЫ — выпуск 2
(см. «Архив наследия — 2010)

Материал, публикуемый ниже, дополняет статью автора, который провёл детские годы в Афганистане, куда на рубеже 50-х — 60-х гг. советское государство командировало его русских родителей, работавших до этого в военно-строительных учреждениях. Свои детские впечатления и поздний анализ ситуации в Афганистане после Второй мировой войны А.Г. Шевченко ещё к 2010 году оснастил основательными выдержками из научной литературы, выходящими за привычные габариты нашего Сборника. Сегодня это дополнение к прежнему тексту поможет вернее оценить нынешнюю беспокойную обстановку с активизацией мусульманской идеологии и обновлением политической жизни в Центральной Азии.

На всё, что мне пришлось увидеть и услышать, наложились разнообразные сведения, почерпнутые из различных опубликованных источников — записок путешественников, исторических и этнологических трудов, исследований учё-

ных-исламоведов. Принципиальное значение в данном плане имели работы таких учёных, как А.Е. Снесарев и И.М. Рейснер. Первый — генерал Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937) — был известен как крупный знаток мусульманского Востока и его военно-политического потенциала ещё до 1917 г. Его лекции об Афганистане, прочитанные в 1919–1920 гг. на восточном отделении Академии Генерального Штаба РККА, затем были изданы отдельной книгой¹. Второй — востоковед и дипломат Игорь Михайлович Рейснер (1898–1958), один из ранних советских исследователей Афганистана, неоднократно бывавший в стране с начала 1920-х гг.². Особенность их трудов, которые отличает не только научная добросовестность, но и благожелательная заинтересованность по отношению к предмету исследования, составляет опора не только на письменные источники, но в значительной мере на живые свидетельства и впечатления от пребывания в стране, личное общение с представителями различных слоёв афганского общества.

Ниже речь пойдёт о природном своеобразии той историко-географической области, где протекало формирование и историческое развитие народов Афганистана (то, что русский географ евразийской школы П.Н. Савицкий обозначил понятием «месторазвития»). На востоке данная область ограничена верхним и средним течением реки Инд и Сулеймановыми горами; на Западе границей является восточная оконечность Иранского нагорья (горы Мирджаве) и, в южной оконечности, цепь солёных озёр Систана; северную границу обозначают течения рек Пяндж, Аму-Дарья, Мургаб; наконец, юг ограничен нагорьем Белуджистана. Главный массив Гиндукуша в центре страны и примыкающие к нему горные цепи (Парапамиз, Кух-и-Баба, Бенд-и-Даукан, Бенд-и-Баян и др.), составляющие обширный горный массив, делят страну на две части — северную (Афганский Туркестан) и южную (Систан, Регистан).

За исключением реки Кабул, впадающей в Инд, бассейны всех остальных рек (Гильменд, Герируд, Аргандаб (Аргендаб) и др.) имеют замкнутый характер. Такое сочетание горных массивов и степных пространств в значительной мере определяет и то разнообразие ландшафтов, свидетелем которого, как сказано выше, был автор этих строк.

Наиболее же обстоятельный анализ афганского «месторазвития» в данном аспекте сделал выдающийся русский биолог Николай Иванович Вавилов (1887–1942), под руководством которого в 1924 г. Государственным институтом опытной агрономии и Всесоюзным институтом прикладной ботаники и новых культур в Афганистан была отправлена агробиологическая экспедиция. Помимо чисто агробиологических задач экспедиция ставила своей целью также экономико-географическое изучение страны. В ходе неё учёным удалось обследовать все главные земледельческие зоны Афганистана, в том числе и в труднодоступных горных районах северо-востока страны (область Кафиристана). По итогам экспедиции Н.И. Вавилов в 1929 г. опубликовал книгу «Земледельческий Афганистан». В ней учёный представил яркие характеристики ландшафтного разнообразия страны. Так, по его наблюдениям, *«весь предгорный северный Афганистан можно характеризовать как область преимущественно лёссовидных почв, пастбищ, сухих лугов, богарных посевов. Естественные ресурсы дикой растительности привлекают сюда кочевников со всего Афганистана и даже из смежных районов нашего Туркестана. Караваны находят здесь в изобилии корм»*³. Отсюда — доминирование в хозяйственном укладе местного населения кочевого скотоводства: *«Открытые, не защищённые какими-либо естественными преградами районы северного Афганистана являются преимущественным сосредоточием кочевого и полукочевого населения. Не всегда находишь указанные на старых географических картах посёлки: периодически они передвигаются*

с места на место. По естественно-историческим условиям обширные предгорья северного Афганистана предназначены для производства шерсти, для кочевого хозяйства»⁴.

Однако здесь же располагается и один из древнейших на Среднем Востоке очагов интенсивного культурного земледелия, каковым является Гератский оазис в речной долине Герируда. Как отмечает учёный, преодолев высокогорный перевал на пути от Кушки к Герату, путешественник видит удивительную картину: *«Перед ним открывается словно сплошное зелёное озеро — Гератская долина. Город сливается с полем, минареты, мечети, кладбища перемежаются с садами, полями. Собственно город за стенами — ничтожная площадь. Ширина долины доходит до 30 километров около Герата, сужаясь к востоку и западу. Весь оазис представляет собой сплошную культуру; одна деревня примыкает к другой, составляя как бы целый, сплошной огромный город-сад, город-поле. Пологие берега Герируда с аллювиальными довольно глубокими почвами, легко орошаемыми, с достаточным количеством воды, способствовали созданию здесь интенсивнейшей земледельческой культуры, напоминающей собой, как мы увидим в дальнейшем, и по плотности населения, и по своему типу хозяйства, самые интенсивные оазисы Востока — Дамаск, Египет»⁵.*

Дальше к югу ландшафт снова резко меняется: *«Через несколько часов по выходе из Герата к югу путник вступает в пустыню, начинаются огромные бесплодные, безлюдные пространства»⁶.* Однако преодолев эту пустыню, путешественник попадает в другой оазис — Кандагарский, крупнейший в стране центр культурного садоводства: *«Кандагар, приютивший значительное земледельческое население и являющийся важнейшим торговым центром южного Афганистана, представляет собой самый крупный оазис в пустыне. В трёх километрах к востоку от Кандагара караван уже выходит в настоящую пустыню с редкими растениями полыни, верблю-*

жьей колючки, солевыми выцветами почв. Пройдя от Газни сотни километров пустыни, караван входит в Кандагаре в тенистые сады, аллеи из тутовых деревьев. Издали выделяются пирамидальные кипарисы. Кандагарский оазис орошается семью каналами из р. Аргендаба... Во всём Афганистане это главный рынок плодоводства. Базар в Кандагаре осенью и зимой завален крупными гранатами превосходного качества, айвой, виноградом. Из Кандагара караваны вывозят тысячи пудов свежих и сушёных фруктов в Индию. Если широкие и пологие берега р. Герируда с легко проницаемыми наносными почвами около Герата способствовали развитию полеводства и огородничества, то здесь узкие прибрежные полосы с каменистыми неглубокими почвами привели к развитию интенсивного плодоводства»⁷. К югу же от Кандагара вновь начинается обширная зона песчаных пустынь — Регистан («Страна песков»).

Этим, однако, природное разнообразие страны не исчерпывается — совершенно оригинальное сочетание ландшафтов являет собой Джелалабадская низменность на юге Афганистана: «Спускаясь от Кабула к Индии, по долине реки Кабул к Джелалабаду, путешественник видит перед собой совершенно своеобразный ландшафт, переносящий его в субтропики. На высоте в 600–800 м на значительном протяжении к востоку и западу от Джелалабада и в особенности около самого города расположены прекрасные рощи апельсинов и лимонов, группы финиковой пальмы с вызревающими плодами, сады с богатейшей субтропической растительностью, аллеи из пирамидальных кипарисов... Клочок ландшафта Индии перенёсся как бы случайно в соседний суровый горный Афганистан. В зимнее время, когда Кабул покрывается снегом, правительство переезжает из Кабула в Джелалабад, где в это время цветут магнолии и лимоны. Влияние Индийского океана, тропической Индии сказывается здесь, как нигде в Афганистане... Ланд-

шафт составляет оригинальная дикая растительность,... поразительно напоминающая долину Иордана в Палестине»⁸. Как отмечает в связи с этим Н.И. Вавилов, «трудно представить больший контраст, чем бесплодные Баквийская и Гильмендская пустыни и цветущий оазис Джелалабада с могучей своеобразной южной растительностью. Субтропики как бы неожиданно вклинились в угрюмый, горный, пустынный Афганистан»⁹.

Наконец, уж абсолютно ни на что не похожей и совершенно необычной для Афганистана является зона горных лесов Кафиристана на северо-востоке страны: *«Перед европейцем, попадающим в эту неведомую страну, до сих пор почти неисследованную, неожиданно открываются ландшафты, напоминающие родные картины: гуща соснового и кедрового леса, вековые сосны, кедры, бурелом. Перед глазами проходит смена хвойного леса лиственным... Лиственные леса представлены главным образом характерными гигантскими дубами... Сборы диких плодов, диких орехов, диких гранатов составляют основу питания обитателей Кафиристана. Трудно найти на земле более изолированные очаги земледельческой культуры... Так же, как Джелалабадская низменность с её субтропической растительностью, лесные массивы Кафиристана и несколько напоминающий их район Хоста в юго-восточном Афганистане являют внедрение пригималайских элементов в Среднюю Азию»¹⁰.*

Таким образом, афганская историко-географическая область (не всегда исторически совпадавшая с государственными границами Афганистана) сформировалось на стыке весьма разнообразных ландшафтных ареалов — среднеазиатского, северо-индийского, гималайского. Обширные горно-степные и пустынные зоны кочевого скотоводства тесно соседствуют с очагами интенсивного земледелия, причём весьма древнего происхождения. Об этом, в частности, свидетельствует вы-

явленные экспедицией Н.И. Вавилова многообразие эндогенных сортов пшеницы: *«Ботаническое исследование состава пшениц экспедицией во время путешествия... открыло поразительное ботаническое разнообразие этой культуры, выделяя Афганистан по богатству разновидностей мягкой и карликовой пшеницы среди всех стран земного шара. По мере проникновения в глубь страны, к юго-востоку, перед нами всё более и более обнаруживались новые эндогенные формы, впервые встреченные в Афганистане»*¹¹.

Именно такое ландшафтное разнообразие, определяющее, в свою очередь, разнообразие хозяйственно-бытовых укладов разных народов страны и создаёт, как отмечал выдающийся русский этнолог и историк Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992), наиболее благоприятные условия для этногенеза. Причём, по мнению учёного, если горно-степное пограничье — место возникновения новых этносов, то системы горных хребтов *«удобны для сохранения реликтовых этносов-персис-тентов (пребывающих в состоянии гомеостаза. — А.Ш.)»*¹². В Афганистане можно наблюдать и то, и другое.

<...> Всё этническое разнообразие населения Афганистана, вполне соответствующее его природно-ландшафтному разнообразию, можно было видеть и на городских базарах, и во время различных праздников и официальных церемоний. Это многообразие народов и племён, в частности, отметил ещё в начале 16 в. выдающийся полководец, мыслитель и поэт, создатель Империи Великих Моголов, Захир ад-Дин Мухаммад Бабур (1483–1534), который в своём знаменитом труде «Бабурнаме» писал о населении Кабульского вилайята (провинции) своей державы: *«В Кабульской области живут различные племена. В долинах и равнинах живут аймаки, тюрки и арабы, в городе и некоторых деревнях живут сарты, в других деревнях и областях обитают Пашаи, Параджи, Таджики, Бирки и Афгани. В горах Газни живут племена Хазара и Никудери;*

среди хазарейцев и никудерийцев некоторые говорят на могольском языке. В горах к северо-востоку находятся селения кафиров, например, Катур и Гибрик, на юге — поселения афганцев. В Кабульской области говорят на одиннадцати или двенадцати языках: арабском, персидском, тюркском, могольском, индийском, афганском, пашаи, параджи, гистри, ламгани. Ни в какой другой области, насколько известно, не живёт так много различных племён, говорящих на разных языках»¹³.

Точная численность населения Афганистана к настоящему времени определяется лишь приблизительно. В 1962 г. (когда в стране побывал автор этих строк) оно составляло 15 млн человек, в 1976 г. (канун «апрельской революции») — 19,8 млн. Гражданская война к 1990-м гг. унесла более 1 млн жизней. Более 5,5 млн человек (около трети населения) ныне проживает за пределами страны. Только в Пакистане в конце 1989 г. 3,7 млн человек имело статус «афганский беженец». Значительные группы беженцев осели также в Иране и Китае. По некоторым оценкам к началу 1990-х гг. на территории страны проживало около 10–12 млн человек. Надо отметить, что практически все народы Афганистана до настоящего времени сохранили традиционную социальную организацию и бытовой уклад, а пуштуны (афганцы), хазарейцы, белуджи — родо-племенные структуры¹⁴.

Наиболее значительную этническую общность Афганистана, давшую наименование стране, составляют афганцы (пуштуны), составляющие 42–45% населения страны. Язык пушту, являющийся государственным языком страны, принадлежит к иранской группе индоевропейской языковой семьи. Общая численность афганцев оценивается приблизительно в 30,5 млн человек, из которых лишь треть (около 10 млн, по последним данным — не более 5–6 млн) проживает на территории Афганистана, остальные составляют основное население Северо-западной провинции Пакистана. Около 1 млн проживает

в Иране. В Российской Федерации к началу 21 в. проживало 9,8 тыс. афганцев. Формирование этнического единства афганцев, связанное с возникновением первых самостоятельных государственных образований, относится к 16–18 вв., тем не менее до настоящего времени сохраняется традиционное племенное деление, играющее в жизни народа значительную роль. Выделяются субэтнические племенные группы — дуррани, гильзаи, вазиры, хоттаки, афридии, шинвари, моманды, юсуфзаи, попользаи, оракзаи, хугиани, сафи, какары и др. Общее число племён достигает 400.

Наиболее значительной и влиятельной племенной группой являются дуррани (абдали), проживающее юге и юго-западе страны — около 2 млн человек. По наблюдению генерала А.Е. Снесарева, среди других афганских племен дуррани не только самые храбрые, но и традиционно наиболее образованы, гораздо меньше подвержены суевериям и предубеждениям против иностранцев¹⁵. Именно дуррани принадлежит инициатива этнополитической консолидации афганских племён и создания в 18 в. на территории Афганистана первого независимого государственного образования, известного как Дурранийская держава. Именно тогда занявшие среди других афганцев доминирующее положение абдали и получили наименование дуррани («жемчуг»)¹⁶. Все афганские монархи, от основателя первого афганского государства Ахмад-шаха Дуррани до Мухаммада Захир-шаха, принадлежали к роду баракзаев племени дуррани. Другой крупной племенной группой, традиционно выступавшей соперником дуррани, являются гильзаи (1,5 млн чел.), населяющие область Кандагара и юго-восточные районы страны по обе стороны афгано-пакистанской границы.

Сам этноним «афганцы» имеет относительно позднее происхождение. Первые упоминания об афганцах можно встретить в арабских и персидских источниках 10 в. Так известный арабский путешественник, историк и географ Абу-ль-Хасан

Али ибн-Хусейн Масуди (умер ок. 957 г.) при перечислении «тюрок» (кочевых народов) Бадахшана называет и народ «ай-ган» («афган»). С 13–14 вв. термин «Афганистан» уже систематически используется в этно-географическом смысле — как населённая афганцами территория от Сулеймановых гор до Герата. Лишь с начала 19 в. данное наименование используется для обозначения государства¹⁷. Однако сами афганцы возводят своё происхождение к гораздо более давним временам. Согласно легендарной родословной, афганцы (пуштуны, самоназвание — патаны) ведут своё происхождение по прямой линии от Афгана — внука библейского царя Саула, являя собой одно из потерянных колен Израилевых, подвергшееся «вавилонскому пленению» после разрушения Иерусалима царём Навуходоносором в 586 г., а затем, уже после падения Нововавилонского царства, поселённое персидским царём Киром Великим на восточной окраине его державы. Общим же родоначальником афганских племён считается потомок Афгана Каис, при жизни Мухаммада принявший ислам, получив при этом имя Абдур-Рашид и прозвище Патан («руль», «весло»). От сыновей Абдур-Рашида традиционно ведётся родословная основных афганских племён и родов. Причём, как отмечает, например, И.М. Рейснер, эта легендарная родословная имеет и чисто практическое значение в качестве регулятора родоплеменных отношений¹⁸.

По замечанию генерала А.Е. Снесарева, такого рода легендарные генеалогии — весьма распространённое на Востоке явление: многие народы Центральной Азии любят возводить своё происхождение к царям ветхозаветного Израиля или же к потомкам Александра Македонского и его сподвижников: *«Вы в этом случае встречаетесь со своеобразной гордостью народа, который хочет себя привязать к историческому кораблю и вместе с тем намекнуть, что он знаком с литературными источниками, в которых о нём упоминается. Не имея сво-*

их исторических данных или — очень смутные, многие восточные народности воспринимают и верят в такие легенды, которые имеют наиболее установившуюся репутацию и наибольшее распространение, а среди таковых на первое место должна быть поставлена Библия. Отсюда всюду находимый в Средней Азии Соломон, его престол (Тахти-Сулейман), который вы найдёте около Оша, в Сулеймановых горах и т.п., отсюда и легенда о еврейском происхождении того или иного народа. Среди знати этим проявляется своеобразная феешенбельность восточной аристократии»¹⁹.

Проведённые ещё в начале 19 в. лингвистические исследования языка пушту не выявили его родства с семитскими языками. Реальное происхождение афганцев связано с миграцией индоарьев. Расселившиеся на территории страны индоарийские (индоиранские) племенные группы, этнически близкие народам Иранского нагорья и Северной Индии, в разной степени ассимилировав автохтонные этносы, и составили основное население Афганистана в древний период его истории, став первоначальной этнической основой древних пактианов (пуштунов). Их племенную область Пактию в районе нынешних Сулеймановых гор в 5 в. до н. э. впервые зафиксировал Геродот в своём описании провинций Ахеменидской державы²⁰.

Вместе с тем некоторые исследователи, признавая в целом мифологический характер афганских преданий, вместе с тем допускают, что эти предания определённым образом отражают реальное участие древнееврейских элементов в этногенезе афганцев. К этой гипотезе, например, склонялся известный русский историк-востоковед Василий Васильевич Григорьев (1816–1881) в своём труде «Кабулистан и Кафиристан», опубликованном в 1867 г.²¹. Как бы то ни было, нельзя не видеть, что при всей своей легендарности такого рода родословные имеют и вполне реальную историческую основу: народное самосознание зафиксировало таким образом глубокую исто-

рическую память о весьма древнем происхождении афганцев. Об этом свидетельствуют, в частности, оригинальная духовная и политическая культура афганцев, особенности их национального характера.

Военно-племенной уклад жизни афганцев (близкий к тому, что Ф. Энгельс именовал «военной демократией») определил и особенности их традиционного политического устройства. Большие семьи, возглавляемые старейшинами — спинжирай (дословно — «белобородый»), состоящие в родстве, составляют род (кохлал), во главе которого стоит старшина-малик. Несколько родственных родов объединяет клан (хель), которые, в свою очередь, входят в состав племени (каум), возглавляемое вождём — ханом, который, однако, выступает не как всевластный правитель-аристократ, а как общественно признанный лидер, власть которого ограничена нормами и институтами традиционной демократии. Центральным её звеном является джирга (дословно — «сходка», «круг») — собрание-совет, принимающий решения на основе консенсуса. Низшую ступень составляет сабха-джирга, ведающая внутренней жизнью одного селения, в работе которой могут принимать участие все желающие, включая женщин. Более высокий уровень являет собой самти-джирга, призванная решать внешние задачи племени, в состав которой входят старейшины и представители духовенства. С возникновением афганского государства джирга становится важнейшим элементом государственного строя: Лоя джирга (Большая джирга), включающая племенных ханов и авторитетных улемов, давала санкцию на власть афганским монархам (до 1973 г.).

После объединения страны под властью династии Баракзаев традиционная племенная аристократия афганцев (пуштунов) составила верхний военно-служилый слой в сословной структуре Афганского государства, известный под наименованием сердаров (сардаров). Сердары обычно занимали высшие

государственные посты, однако, как отмечал И.М. Рейснер, *«продолжая сохранять весьма тесную связь с родным племенем, сердар, тем самым, имеет за собой известную долю политического веса, независимо от его настоящего служебного положения... Одновременно государственная власть берёт под свою защиту и покровительство права сердара над его родным племенем. Должность племенного вождя становится окончательно наследственной и подлежит утверждению эмира»*²². Тем самым в структуре Афганского государства определяется положение племенных ополчений (лашгар), которые *«становятся чем-то вроде общего резерва афганской армии — мульки-сарвар, или кассандары»*²³. Отсюда — отмечаемый исследователем особый патриархально-племенный характер афганской монархии: *«Если в глазах широких масс (особенно неафганцев) эмир является неограниченным монархом и самодержцем, то для сердаров он лишь первый среди равных, наиболее могущественный и сильный из племенных вождей»*²⁴.

Таким образом, сама политическая система Афганского государства первоначально являлась лишь своеобразной модификацией традиционной афганской родо-племенной иерархии и надстройкой над ней, лишь постепенно эволюционируя в направлении абсолютной, позже — конституционной, монархии. Отсюда, в частности, — та патриархальная простота в отношениях между афганским правителем и его подданными, в 19 в. так поражавшая европейцев. Известный английский разведчик Мак-Грегор отмечал в 1871 г., что в Афганистане *«господствует известная простота и демократизм, вряд ли свойственный другим восточным странам. Люди, принадлежащие к низшим классам, одетые в рубище, покрытые грязью, свободно обращаются к эмиру со своими жалобами и запросами. Они входят и занимают места перед ним без всяких церемоний, прямо переходят к делу, с тем свободным и чуть нахальным видом, который так свойственен афган-*

скому характеру. Личная свобода расцвела в Афганистане в невиданной на Востоке степени»²⁵.

Помимо афганцев-пуштунов, другим крупным ираноязычным этносом Афганистана (вторым по численности) являются таджики. Их общая численность составляет около 8,3 млн человек, из которых около 3,7 млн (по последним данным — 3 млн) проживает в Афганистане (25% его жителей), главным образом, на севере и западе страны. В отличие от пуштунов, таджики являются оседлыми земледельцами, составляя также большинство городских жителей. С 10–11 вв. таджикский этнос выступает как носитель высокой ирано-таджикской культурной традиции, во многом сформировавшей культурный облик Афганистана и его народов, в частности, — высоко-развитого литературного новоперсидского языка фарси-дари, который вплоть до новейшего времени имел официальный статус и играл роль основного языка культуры и науки в странах Центральной Азии. В среде пуштунских сердаров, а до середины 20 в. язык фарси-дари играл роль, сходную с французским у русского дворянства в 18–19 вв. Для большинства населения Афганистана характерно фарси-пуштунское двуязычие.

Вместе с тем в этнополитической системе Афганистана, в сравнении с афганцами-пуштунами, таджики традиционно занимали подчинённое положение: если первые — это, как правило, лично свободные кочевники-воины, имевшие родоплеменное самоуправление с довольно развитыми институтами «военной демократии», то вторые составляли податное земледельческое сословие, на которое возлагалось также несение государственной трудовой повинности — бегар. Причём уже с момента образования первого Афганского государства в 18 в. значительные массы таджиков оказались в поземельной зависимости от пуштунских сердаров, по сравнению с которыми сохранившая частично свои права традиционная таджикская знать находилась в подчинённом положении.

По наблюдениям генерала А.Е. Снесарева, сделанным на рубеже 19–20 вв. относительно таджиков, *«этот своеобразный и замкнутый народ живёт своей изолированной жизнью»*²⁶.

Таким образом, пуштуно-таджикское двуединство Афганского государства не было паритетным. Отношения двух самых крупных этнических общностей страны нередко носили конфликтный характер, принимая характер вооружённых выступлений против кабульского правительства. Одним из наиболее крупных в их ряду было, в частности, восстание бадахшанских таджиков в 1890 г. — в период правления эмира Абдурахман-хана (1880–1901). Определённые черты такого пуштуно-таджикского противостояния носила и первая гражданская война в Афганистане 1928–1929 гг., приведшая к падению реформаторского режима эмира Амануллы-хана: предводитель восставших Бачаи Сакао («Сын водоноса»), ненадолго занявший кабульский престол под именем «эмира Хабибуллы», был таджиком. Большинство же пуштунских племён, принявших участие в свержении Амануллы-хана, восприняли Бачаи Сакао как «таджикского узурпатора законной пуштунской власти», что в итоге обеспечило победу сердара Надир-хана, ставшего новым афганским монархом²⁷. Из событий последнего времени в данном плане можно отметить, что таджиком был и на таджиков опирался видный полевой командир Ахмад-шах Масуд, который в 1990-е гг. вёл ожесточённые военные действия против формирований движения «Талибан», поддержанного пуштунами.

Помимо афганцев-пуштунов и таджиков, к иранской группе индоевропейской языковой семьи принадлежит и ряд других народов Афганистана. Это, прежде всего, чараймаки («четыре народа») — этнически близкая таджикам группа народов, проживающих вдоль иранской границы (провинции Бадгис и Герат), общей численностью 500–600 тыс. человек. В их числе выделяются джемшиды (около 130 тыс., возводят

свое происхождение к легендарному иранскому царю Джемшиду, вследствие чего часто противопоставляют себя другим чараймакам), фирузкухи (около 150 тыс., предположительно, восходят к потомкам жителей крепости Фирузкух в иранском Мазендеране, переселённых в Афганистан Тимуром в 1403–1404 гг.), таймени (около 130 тыс.), теймури (около 120 тыс., свой этноним производят от имени Тимура, покорившего их в конце 14 в.). В этногенезе чараймаков, предположительно, помимо ирано-таджикских, приняли участие также тюрко-монгольские элементы. Отсюда — монголоидные черты их облика. Характерно наименование одной из субэтнических групп тайменей — кыпчак.

Другая ираноязычная общность Афганистана представлена так называемыми памирскими народами (иногда их именуют также памирскими таджиками). Их общая численность — около 200 тыс. человек, в том числе в Афганистане — до 70 тыс. (по другим данным — до 100 тыс.). Проживают также в Таджикистане (основное население Горно-Бадахшанской а.о.), Иране, Пакистане, Китае. В Афганистане населяют высокогорные долины Афганского Бадахшана. Выделяются племенные субэтнические группы ваханцев, ишкашимцев, шунганцев, мунджанцев, сарулемцев, сангигцев, сарыкальцев, орошорцев, энджулемцев. В силу своей географической обособленности, памирские народы оказались на периферии таджикского этногенеза, сложившись в особую общность со своими памирскими языками восточной подгруппы иранских языков, которые к настоящему времени в значительной мере вытеснены фарси-дари.

На юге страны — в провинциях Гильменд, Кандагар — расселены белуджи (около 100–170 тыс. человек), основная этническая территория располагается в соседнем Пакистане — провинция Белуджистан (общая численность — 5,7 млн человек, проживают также в Иране, Таджикистане, Туркмени-

стане). Из других ираноязычных народов в составе населения Афганистана можно указать персов (до 40 тыс.), бахтиаров, курдов, ормури (по 5 тыс.) и др.

Из народов тюркской группы алтайской языковой семьи в стране наиболее многочисленны узбеки — около 1,5–1,7 млн человек, компактно проживающие в северных провинциях Афганского Туркестана (Фариаб, Джузджан, Тахар, Кундуз, Балх, Саманган, Баглан, Бадахшан). Основные племенные группы афганских узбеков — каттагаи, сарай, минг, кунграт, дузмен, тюрк, барлас, карлук. По образу жизни и роду занятий, социальному статусу были близки к таджикам. Вхождение их этнических территорий в состав Афганского государства также сопровождалось конфликтами — известно восстание каттагайских узбеков в 1889 г. Причём, по замечанию генерала А.Е. Снесарева, в исторической памяти узбеков прочно запечатлелось их доминирующее положение в ряде центрально-азиатских государственных образованиях, а потому господство афганцев-пуштунов воспринималось узбеками особенно болезненно: *«У них ещё жива связь с русским Туркестаном, где их сородичи ещё недавно сидели на бухарском и хивинском престолах. Живётся им в Афганистане не сладко под властью авганцев, которых они, как сказано, ненавидят и вправе считать выскочками на средне-азиатской арене»*²⁸, вследствие чего *«между авганцами и узбеками пролегла такая пропасть, через которую нельзя перекинуть никакого моста. Если таким мостом и можно до некоторой степени считать Ислам, то и то только до некоторой степени»*²⁹. В ситуации гражданской войны 1980–90-х гг. проявились тенденции этнической консолидации афганских узбеков (в зоне, контролируемой воинскими формированиями узбекских моджахедов полевого командира Рашида Дустума).

Второй по численности тюркский народ Афганистана составляют туркмены (350–400 тыс. человек), компактно про-

живающие на северо-западе страны в междуречье Мургаба и Сухраба (провинции Герат, Кундуз, Баглан, Нимруз, Тахар). Особую группу составляют афшары и близкие им кызылбаши, относимые к тюркским народам Ирана, по языку и культуре близкие к иранским азербайджанцам — 35–40 тыс. человек (общая численность — до 500 тыс.). Их переселение на территорию Афганистана происходило в 18 в. в ходе завоевательных походов иранского правителя Надир-шаха (1736–1747), включившего значительные территории Афганистана в состав своей империи. Проживают главным образом в провинциях Кабул и Кандагар. Киргизы (25–30 тыс. человек) компактно проживают в Ваханском (Афганском) коридоре провинции Бадахшан. Афганские киргизы сохраняют племенное деление: основные племена — адигене, мунгуш, ичилик. В провинции Кундуз проживают казахи (5 тыс. человек). Из других тюркских народов в составе населения Афганистана присутствуют также каракалпаки (3 тыс.), уйгуры, татары (по 2 тыс.).

Особую тюрко-ирано-монгольскую этническую общность Афганистана составляют хазарейцы, компактно населяющие горную область Хазараджат в Центральном Афганистане (провинции Гор, Бамиан, Урузган, где они составляют большинство населения), а также в провинциях Герат, Бадахшан, Нангархар. Численность в Афганистане — 1,6–1,7 млн человек (по последним данным — около 1 млн, поскольку в ходе гражданской войны значительные группы хазарейцев мигрировали в соседний Иран). Этническое самосознание народа связывает его происхождение с походами Чингисхана, его полководцев и преемников в 13–14 вв.: сами хазарейцы считают себя потомками монгольских воинов их армий, осевших в афганских горах. Сохраняется племенное деление (основные хазарейские племена — шейхали, бесуд, дайзанги, урузганы, джагури, дайкунти, фулади, якауланг). До конца 19 в. сохраняли самостоятельность и были подчинены эмиром Абдурахман-ханом

с помощью племенных ополчений кочевых пуштунов, которым эмир после этого передал летние пастбища хазарейцев. В составе Афганского государства хазарейцы были одной из наиболее бедных и бесправных групп. В ходе гражданской войны понесли значительные потери. Примечательно, что помимо хазарейцев, возводящих себя к потомкам монгольских завоевателей, в числе других народов Афганистана сохранился этнос, непосредственно генетически с ними связанный. Это моголы (20 тыс. человек), сохранившие архаичный диалект монгольского языка, а также ярко выраженные монгольские элементы в фольклоре и материальной культуре. В настоящее время моголы компактными группами проживают в провинциях Гор, Герат, Бадгис, Газни.

Автохтонным народом Афганистана довольно древнего происхождения являются нуристанцы (кафиры) — группа народов в горно-лесных районах северо-востока страны (историческая область Кафиристан, провинции Бадахшан, Лагман, Кунар), относящиеся к дардской (индоарийской) группе индоевропейской языковой семьи. Общая численность в Афганистане — 150 тыс. человек (по последним данным — 50–100 тыс.), проживают также в сопредельных районах Пакистана. В числе наиболее значительных нуристанских племён выделяются кати, вайгали, ашкун, парун. Некоторые нуристанские племена связывают своё происхождение с воинами армии Александра Македонского, осевшими в стране после его индийского похода. Вплоть до конца 19 в. они упорно отстаивали свою независимость и сохраняли приверженность традиционным верованиям, восходящим к индоарийской мифологии (верховное божество-демиург Имри, богиня плодородия Дисани и др.), вследствие чего получили от мусульман наименование кафиров («неверные»). В 1896 г. были силой подчинены эмиром Абдуррахман-ханом и принудительно обращены им в ислам, после чего их историческая область из Кафиристана

была переименована в Нуристан («Страна света»), а племена, её населяющие, получили нынешнее наименование. Тем не менее стремление к независимости в среде нуристанцев продолжало сохраняться. В результате они одними из первых вступили в вооружённую борьбу против послеапрельского революционного режима, причём уже под исламскими лозунгами: весной 1979 г. возникло движение «Свободный Нуристан», организовавшее собственные воинские формирования «Союз исламских воинов» и в августе того же года, на взятых под контроль территориях, провозгласившее «Независимую исламскую республику»³⁰. К дардской группе помимо нуристанцев относятся пашаи (лагманцы), проживающие в горных долинах рек Кабул и Кунар (провинции Лагман, Каписа, Кунар), общей численностью 70–100 тыс. человек, а также тирахи (20 тыс.) провинции Нангархар. К индоарийцам относятся также выходцы из Индии и Пакистана (пенджабцы, гуджератцы, бенгальцы, синдхи и др.), проживающие в городах (15–20 тыс. человек).

Из других народов в составе населения страны можно отметить арабов (35 тыс. человек): их компактные группы ныне проживают в северных провинциях Балх, Джузджан, Саманган, Фариаб. Наконец, потомками древнего доарийского населения Афганистана являются брагуи, относящиеся к дравидийской языковой семье и проживающие на юге страны в области Регистан (провинции Нимруз, Гильменд, Кандагар). Численность в Афганистане — 45 тыс. человек (проживают также в соседних пакистанских провинциях Белуджистан, Синд, общая численность — 830 тыс.).

Следует отметить, что вплоть до 1960-х гг. все непустунские народы Афганистана не обладали всей полнотой прав и в сравнении с афганцами (пуштунами) находились в подчинённом положении, причём межэтнические противоречия в стране всегда носили острый характер, а этническое и племенное са-

мосознание доминировало над общегосударственным. Генерал А.Е. Снесарев писал в связи с этим, что *«по составу населения Афганистан не представляет одной сплочённой крепкой нации, и, значит, ту государственную задачу, которая потребует единства и прочности мысли, одинаковости общего настроения и всестороннего самопожертвования Афганистан выполнить не может. Он может работать отдельными очагами, как и показывает его история, но не общей массой; вспыхиваями, но не прочно и не длительно»*³¹. Родоначальником самого понятия «афганской нации» («миллат-и афгани») считается выдающийся исламский мыслитель, религиозный и политический деятель Джамал ад-Дин аль Афгани (1839–1897), однако попытки реформаторов-младоафганцев, считавших себя его последователями, в 1920-е гг., пользуясь поддержкой эмира Амануллы-хана, воплотить этот идеал в жизнь, взяв за образец кемалистскую Турцию, окончились неудачей: как отмечают исследователи, афганский национализм, внедряемый сверху как государственная идеология, лёг на абсолютно неадекватную ему гетерогенную почву экономически отсталого и этнически расколотого общества³².

Лишь Конституция 1964 г. провозгласила национальное равноправие граждан страны, однако фактическое неравенство продолжало сохраняться и после этого. Путь к формированию единой полиэтнической гражданской нации, если таковая в условиях Афганистана вообще была возможной, предстоял долгий и трудный. Гражданская война, начавшаяся в стране вслед за «апрельской революцией» 1978 г. и в значительной мере носившая характер межэтнического и межплеменного противоборства, фактически уничтожила всё, что было достигнуто в данном направлении в предыдущий период. Можно, например, отметить, что новые революционные лидеры страны с самого начала упустили инициативу и не использовали благоприятную возможность привлечения на свою сторону непуганых

народов, которые могли связать со свержением дурранийской властной элиты надежды на повышение своего статуса. Вместо этого по инициативе Хафизуллы Амина была развёрнута репрессивная кампания против этнических меньшинств, как отмечено выше, толкнувшая многих из них в ряды непримиримой вооружённой оппозиции.

Вплоть до начала 1960-х гг. афганская королевская армия по своим боевым возможностям значительно уступала военной организации (лашгар) афганских (пуштунских) племён. Последнее далеко не случайно: военно-племенная организация, как и сами традиции племенного воинского братства — неотъемлемая часть традиционной политической культуры афганцев. По словам И.М. Рейснера, сама *«племенная организация афганцев всегда имела черты военного братства»*³³, причём, как отмечает учёный, у афганцев, в сравнении с другими народами региона, можно видеть *«более высокие формы военной организации, непосредственно сросшиеся с организацией племенной»*³⁴.

Традиционный кодекс чести афганца — Пуштунвали (Пуштунваляй), составляющий предмет особой национальной гордости, нормы которого имеют всеобъемлющий характер, включает принципы бадал (право на воздаяние за нанесённую обиду или ущерб, допускающее и кровную месть), «тура и мерана» (защита родины и очага, дословно — «меч и мужество»). По сигналу барабана каждый боеспособный мужчина племени обязан вступить в бой с врагами. Уклонившийся объявляется «бигаират» (малодушным) и подвергается отлучению от своего племени. Строго предписывается не оставлять на поле боя убитых и раненых — нарушение данного правила не может компенсировать никакая победа. Позором считается быть раненым в спину. Женщинам в семье погибшего воина не полагается выражать горя, если убитый оставил наследника, способного держать оружие. Вообще, оружие считается не-

отъемлемым атрибутом мужчины: «Для женщины украшения, а для мужчины оружие — не в тягость»³⁵.

В результате, как уже отмечалось выше, племенные ополчения — лашгар — являли собой внушительную военную силу, не раз демонстрируя высокие боевые качества. Как отмечал в связи с этим генерал А.Е. Снесарев, «для войны требуются от народа следующие качества: патриотизм, хладнокровие, мужество, физические силы, выносливость и терпеливость. Анализ военных качеств авганца показывает, что все эти качества в нём есть налицо»³⁶. При этом «нельзя забывать, что масса авганцев по своей природе воины и кавалеристы; если даже они не будут иметь тактических навыков, будут слабо подготовлены, не сплочены для строевых занятий, то всё же, благодаря природной привычке работать оружием, умению обращаться с лошадьми, знанию местности, патриотизму и мужеству, эти резервы сделают своё дело»³⁷.

Разумеется, как отмечается далее, с европейской точки зрения такие воинские формирования кажутся весьма уязвимыми — отдельные отряды с трудом подчиняются дисциплине и единому командованию, слабо выполняют общую директиву, а потому, как правило, не выдерживают фронтального боевого столкновения с регулярными войсками и склонны больше к ведению партизанской войны. Однако нередко такое впечатление бывает обманчивым, поскольку мощная религиозная и патриотическая мотивация может частично компенсировать отсутствие европейской дисциплины и выучки. Действительно, здесь «с внешней стороны нет той дисциплины, которую мы привыкли видеть в европейских армиях... Но это не должно вводить нас в заблуждение. Авганская армия включает в себе немало элементов, которые могут заменить нашу европейскую дисциплину. Прежде всего, авганская армия — это дружная семья магометан, которая готова, как один, постоять за знамя пророка, а это знамя будет поднято при всякой

войне. Затем, авганцы проникнуты фантастической любовью к своей родине и к свободе, и эта основная черта народа прочно объединит их в минуты войны. Наконец, и железная дисциплина не будет забыта, когда настанет война»³⁸.

Не случайно в числе других занятий афганцев вплоть до середины 20 в. играли военные предприятия, к чему предрасполагала и сама их вышеотмеченная военно-племенная организация, и соседство с древними и богатыми очагами восточных цивилизаций. По словам И.М. Рейснера, *«на пороге Индии, неисчерпаемого резервуара богатства, кочевая масса имеет естественный стимул к военному присвоению в ущерб чисто хозяйственной деятельности»³⁹*. С этим связано, в частности, интенсивное продвижение афганских племён на территорию соседней Индии — вплоть до конца 18 в. *«целые афганские племена переселяются в Индию, образуя отчасти наёмные армии, отчасти прослойку военно-бюрократической знати»⁴⁰*. В связи с этим можно привести весьма примечательный факт: в числе других отраслей довольно развитого домашнего ремесла самым распространённым и доходным промыслом было изготовление холодного и огнестрельного оружия. Так, афганские (пуштунские) племена вазиров и хайбарских афридиев освоили производство многозарядных винтовок, а позже — пулемётов и (у вазиров) примитивных пушек. Так, к началу Второй мировой войны только в зоне кочевых племён по обе стороны тогдашней индо-афганской границы действовало до 3 тыс. оружейных мастерских⁴¹.

Важная роль в осуществлении принципа «тура и мерана» принадлежит обычаю «тижа-иходел» (дословно — «класть камень мира») — временному прекращению межплеменной вражды в случае угрозы иностранного вторжения. Вследствие этого любому агрессору всегда приходилось иметь дело не с одним племенем, а с их коалицией. Вот почему, хотя образования самостоятельного государства земли афганских племён

входили в состав различных государственных образований, однако ни один завоеватель так и не смог их до конца покорить. Как отмечал в связи с этим ещё в 1959 г. афганский историк профессор Мухаммад Али, *«афганцы скорее будут безропотно переносить невзгоды и нищету, чем согласятся на иностранное господство, каким бы прогрессивным и многообещающим оно ни было»*⁴². Сам агрессор при этом рассматривался лишь в качестве ещё одного иноземного племени, на которое распространялся принцип «бадал».

Примечательно в этом плане объяснение ситуации на индо-афганской границе (в пограничной зоне «независимых племён»), данное послом Афганистана в Москве Султаном Ахмад-ханом советскому послу в Кабуле Бакулину в феврале 1945 г.: *«Около сотни лет англичане управляют нашими племенами в так называемой “полосе независимости”, но они ничего им не дали, даже не научили их понимать, что такое Англия. Абсолютное большинство населения этих племён представляют англичан как одно из племён, которое нападает на них, убивает, а они, в свою очередь, убивают англичан. Большинство из них даже не знает, что Англия — большое государство»*⁴³.

Российско-афганские отношения имеют весьма длительную историю, причём они напрямую связаны с ключевыми моментами становления афганского государства. Первые попытки российского правительства установить дипломатические отношения с первым самостоятельным государством афганцев — Дурранийской державой — относятся к 1760-м гг. Обострение отношений его правителя Ахмад-шаха Дуррани с пекинским двором маньчжурского богдыхана Цянь Луна вызвало пристальный интерес в Санкт-Петербурге. Вследствие этого, по указу Коллегии иностранных дел от 16 декабря 1763 г., астраханским губернатором генерал-майором Бекетовым в Афганистан был направлен армянин на

русской службе капитан Богдан Асланов. Осенью 1764 г. он добрался до Герата, однако встретиться с Ахмад-шахом, находившимся в индийском походе, ему так и не удалось. Тем не менее миссия Богдана Асланова в плане дальнейших контактов двух государств всё же имела важное значение. Он впервые доставил в Россию достоверные данные об Афганском государстве и его правителе Ахмад-шахе Дуррани, которые изложил в отчёте о путешествии, представленном в июле 1765 г. в Коллегию иностранных дел⁴⁴.

Помимо других традиционных занятий — поливного земледелия, кочевого скотоводства, домашнего ремесла, — значительную роль в хозяйственной жизни афганцев всегда играла транзитная торговля с соседней Индией, на почве которой среди кочевых племён выделилась особая группа, монополизировавшая этот род занятий, — повинда. К началу 20 в. эта торговля приобрела значительные масштабы: одно только племя назир ежегодно снаряжало караваны в 16 тыс. верблюдов. Причём к тому времени всё большее место в афганской торговле наряду с Индией занимала Россия: в 1901–1913 гг. экспорт русской мануфактуры в Афганистан вырос в 8 раз, а общий торговый оборот между двумя странами — в 3 раза⁴⁵.

Большую роль в торговых операциях играла племенная аристократия, многие представители которой со временем превратились в крупных купцов-оптовиков. Как отмечал в связи с этим И.М. Рейснер, *«сердары и чиновничья верхушка участвуют или непосредственно в торговле, или же входят членами в своеобразные компании купцов-профессионалов. В этом случае влияние сердара обеспечивает остальным компаньонам покровительство властей»*⁴⁶. При этом активными участниками торговых сделок нередко выступали и сами афганские монархи: *«Сам эмир занимает положение первого купца в государстве, пользуясь монополией по продаже и скупке некоторых товаров, таких как каракуль и ляпис-лазурь. Целый*

ряд оптовых и розничных лавок на кабульском базаре становится эмирской собственностью»⁴⁷.

Хотя, по наблюдениям исследователей, в течение всего 20 в. значение племенной транзитной торговли неуклонно падало ввиду возрастания конкуренции иностранных торговых фирм, однако ещё в 1960-е гг. всё обилие разнообразных товаров, в том числе и европейского производства, которое мы могли наблюдать на гератском базаре, доставлялось караванами из соседнего Пакистана. Когда караванные маршруты оказывались перекрыты из-за периодического обострения афгано-пакистанских отношений, базар быстро пустел.

Во второй половине 20 в. феномен «религиозного возрождения» стал фактом жизни большинства стран и народов, причём первенство в данном процессе принадлежит исламскому миру. В этом плане даже на фоне других мусульманских стран Афганистан выделялся особо. В целом этнорелигиозная структура населения Афганистана к концу 20 в. выглядела следующим образом. Ислам исповедует почти 100% населения страны, причём около 80% являются суннитами, среди которых абсолютно доминирует ханифитский мазхаб. Вместе с тем некоторые народы придерживаются шафиитского (белуджи, курды) и ханбалитского (арабы) мазхабов. Шииты составляют в Афганистане религиозное меньшинство. Шиитский ислам исповедуют хазарейцы (кроме представителей субэтнической группы дехи-зейнат, являющихся суннитами), а также часть чараймаков (джемшиды, теймуры), афшары, кызылбаши, моголы, персы, бахтиары, памирские народы. Последние являются приверженцами особого сектантского шиитского течения исмаилитов. Широкое распространение имеют различные суфийские братства, наиболее крупными и влиятельными среди которых являются чиштийя (распространилось из северной Индии), сухравердийя, накшбандийя, кадирийя (имеет распространение среди афганских арабов)⁴⁸.

Помимо ислама на территории Афганистана в разные периоды его истории имели распространение зороастризм, буддизм, христианство, иудаизм. Вообще доисламский культурный пласт Афганистана весьма значителен. Территория современного Афганистана исторически была частью так называемого «пояса древних цивилизаций», протянувшегося от Средиземного до Жёлтого моря. Как свидетельствуют данные археологии, уже в 3–2 тысячелетиях до н.э. эта территория стала зоной расселения древних индоарьев, создавших в долине реки Гильменд, в районе Кандагара и Кветты (Пакистан) высокоразвитые очаги земледельческой культуры. Однако индоарьи не были первыми, кто поселился на этой земле. Ко времени их расселения здесь уже жили многочисленные протодравидийские племена, создавшие в долине Инда высокоразвитую древнюю цивилизацию (Мохенджо-Даро, Хараппа). Предположительно, именно с территории Афганистана с 4 тысячелетия до н.э. происходила миграция протодравидов в Индостан, где они положили начало многим народам Южной Индии.

В 1 тысячелетии до н.э. территория Афганистана — часть древней Бактрии, в 539–530 гг. до н.э. покорённой Киром Великим и вошедшей в состав обширной древнеперсидской империи Ахеменидов. Её разгром Александром Македонским и его индийский поход 327 г. до н.э. на время сделали Афганистан частью эллинистического культурного мира. После смерти Александра и распада его империи территория Афганистана к северу от Гиндукуша — часть державы Селевкидов, а с 250 г. до н.э. — эллинистического Греко-Бактрийского царства.

Следующий период, когда Греко-Бактрию сменило государство Гуйшуань, вошедшее в историю как Кушанское царство (1 в. до н.э. — 4 в. н.э.), наблюдалась культурная переориентация: эллинизм вытеснялся влиянием индийской культуры, что выразилось в распространении буддизма, которому покровительствовали кушанские правители. Именно тогда

складывается грандиозный буддийский пещерный храмовый комплекс Бамиана с высеченными в нишах скалы гигантскими статуями Будды. Этот выдающийся памятник древнего доисламского периода истории Афганистана, свидетельство культурного богатства его народов, пережил вместе со страной все исторические катаклизмы с их бесчисленными войнами, однако не смог пережить изощрённого варварства нашего времени: в 2000–2001 гг. он был взорван талибами.

Влияние индийской культуры и буддизма на территории Афганистана сохранялось и позже. Как отмечал И.М. Рейснер, *«китайские пилигримы ещё в V в. находят в Афганистане главным образом иранское осёдлое население, многочисленные буддийские ступы и монастыри»*⁴⁹. В своей знаменитой книге «Открытие Индии» Джавахарлал Неру отмечал, что *«даже в самой Индии мало районов, где имеется такое множество древних памятников и следов индийской культуры преимущественно буддийского периода, как в Афганистане»*⁵⁰. Причём буддизм здесь сосуществовал с зороастризмом, о чём свидетельствует относящийся к данному времени археологический объект — святилище Сурх-Котал (Красный холм) в 15 км от города Пули-Хумри. В 5–6 вв. распространяется также христианство в его несторианской форме: с 6 в. в г. Мерве (ныне г. Мары, Туркменистан) находилась кафедра несторианского митрополита. Многочисленные несторианские общины, однако, были уничтожены в 13–15 вв. в ходе нашествия монголов и завоеваний Тимура.

К настоящему же времени иноверцы-немусульмане в составе населения страны представлены незначительно. Это главным образом индусы и сикхи (5–7 тыс. человек), проживающие в городах Кабуле, Герате, Кандагаре, Джелалабаде. Многочисленной группой среди городских жителей страны в средние века были евреи-иудаисты, принадлежавшие к этнолингвистической (фарсиязычной) общности среднеазиатских

(бухарских) евреев (яхуди), однако впоследствии происходило неуклонное её сокращение. До начала 1960-х гг. еврейская община Афганистана насчитывала 5 тыс. человек. В Кабуле и Герате, где в основном было сосредоточено еврейское население страны, действовали синагоги. В последующие годы, вследствие выезда в Израиль, их число сократилось до 1 тыс. Об их дальнейшей судьбе ничего не известно. Предположительно, остатки еврейской общины в стране были уничтожены талибами. До 1990-х гг. в Кабуле действовала армянская церковная община. Среди столичных жителей имелаась также небольшая группа парсов-зороастрийцев, выходцев из Индии.

Примечательно, что исламизация Афганистана произошла далеко не сразу и растянулась на несколько столетий. В 652 г. арабские войска взяли Герат, однако лишь в 707 г. аббасидский наместник Хорасана выдающийся арабский полководец Кутейба ибн Муслим, предпринявший завоевание Средней Азии, подчинил Балх. Окончательное же покорение Афганистана арабами произошло только в 813 г., когда завоеватели овладели Кабулом. Районом же Сулеймановых гор арабские войска овладеть так и не смогли, а проживавшие там пуштунские племена исламизированы в тот период ещё не были. Прочное и глубокое укоренение ислама среди народов Афганистана произошло лишь в 10–12 вв., когда его территория стала частью обширной мусульманской державы Газневидов (962–1186 гг.).

Её основатель Махмуд Газневи (967–1030, правил с 998 г.), известный как один из крупнейших полководцев мусульманского Востока, одновременно выступал и как строгий ревнитель исламского правоверия, привлекая в свою столицу видных улемов и знатоков фикха, авторитетных духовных лиц, которых он включил в состав газнийского маджлиса (совещательного собрания). Примечательно, что учителем Махмуда Газневи был выдающийся учёный-богослов Эш-шейх Ходжа Ахмед Булгари («Ходжа Булгари») — выходец из Волжско-

Камской Булгарии. Это свидетельствует, что научные и культурные связи между различными регионами мусульманского мира были в тот период уже довольно регулярными. Сам Ходжа Булгари почитается мусульманами как подвижник и святой: уже в наше время, в 1971 г., над его могилой в Газни был воздвигнут мраморный мавзолей⁵¹. В тот период афганские города Газни, Герат и Термез становятся важными центрами мусульманской образованности, а сам Афганистан именно с этого времени становится важнейшей частью мусульманского мира и исламской цивилизации.

Начиная с этого периода религиозная картина Афганистана характеризуется абсолютным доминированием ислама, объединяющего разнородное население страны в единое целое. Причём перед лицом начавшейся в 18–19 вв. европейской экспансии религиозное единство различных мусульманских этносов, как и приверженцев различных исламских течений и мазхабов, всегда выступало на первый план. Генерал А.Е. Снезарев писал в связи с этим: *«Мусульмане на востоке между собой ссорятся, враждебны друг другу, целые века препираются из-за обрядовых тонкостей, но когда вы имеете с ними дело как европеец, то перед вами будет только мусульманин, независимо от того, к какому толку он принадлежит»*⁵². Вместе с тем в новой и новейшей истории ислама и мусульманского мира Афганистану принадлежит особая роль: именно здесь возникло то религиозно-политическое движение исламской солидарности, выступающее за единство мусульман всего мира перед угрозой европейской экспансии на основе возвращения к первоначальному неискажённому исламу, которое получило наименование «панисламизма». Основоположником панисламизма как раз и считается уже упомянутый Джамал ад-Дин аль Афгани, хотя его деятельность в тот период, когда мыслитель сформулировал свои основные идеи (после 1869 г.), протекала уже за пределами Афганистана.

Принципиально важные замечания, касающиеся специфики афганского ислама и феномена панисламизма, высказывали в своих трудах генерал А.Е. Снесарев и И.М. Рейснер. Принцип «имандари», вошедший в «Пуштунвали», предусматривал не только порядочность и добросовестность, но в первую очередь — религиозное благочестие. Глубокая исламская религиозность в этом плане всегда была наиболее важной составляющей афганского национального характера, что особо отмечал генерал А.Е. Снесарев в своих наставлениях для командного состава РККА: *«В области политики средний авганец развит слабо, <...> в области религии он знает несравненно больше и довольно прочно; в первой ему свойственно свободомыслие и огромное любопытство, в сфере второй он нетерпим и допускает обсуждение лишь в области общих рассуждений и обмена фактическим материалом. Эти слова намечают собою тот тон ваших собеседований, который будет наиболее целесообразен: в политике будьте свободны, не особенно стесняясь выбором материала, лишь бы только он был красочен, в области религии будьте сдержанны и терпимы, умейте найти и указать на положительные стороны ислама, которые ему действительно присущи. Нет лучшей лести для азиата, как доброе слово по адресу его религии»*⁵³. В этих условиях любое иностранное вторжение, особенно если агрессоры являются иноверцами (сикхи, затем англичане, позже — советские войска), всегда воспринималось афганцами как покушение на веру, а война против них приобретала характер джихада. У пуштунских племён сложилась традиция: при возникновении внешней опасности объединяться вокруг наиболее почитаемого духовного лидера — «святого человека» (улема, шейха, пира), который и объявлял джихад. Как писал в связи с этим И.М. Рейснер, «охрана “чистоты ислама” и объединение правоверных стали боевыми лозунгами афганцев. После победы религиозная идеология афганцев приобретает

ещё более непримиримый, воинствующий характер... и афганские эмиры недаром воспринимают звучные титулы царей ислама, светочей веры, недаром занимаются серьёзной богословской трактовкой вопроса о священной войне. Защита ислама становится политической программой афганской борьбы за независимость»⁵⁴.

Из всех стран региона только исламский Афганистан, в течение 19 в. два раза переживший иностранную оккупацию, так и не стал ни колонией, ни полуколонией европейских держав, а в начале 20 в. твёрдо встал на путь политической независимости. В этих условиях *«сам ислам получает в афганской обстановке мессианское значение. Нельзя забывать, что на всём протяжении Средней Азии Афганистан остался едва ли не единственным нетронутым уголком доколониального Востока. Немудрено, что афганский народ в сознании идеологов-панисламистов получает мессианский ореол: ему, дескать, выпала на долю особая историческая задача, он народ, избранный Богом, чтобы освободить Восток от европейского ига»⁵⁵.*

После того, как в Турции, Иране и Индии ислам, по мнению афганских духовных лидеров, подвергся порче и искажениям в результате усиления европейского влияния, Афганистан стал восприниматься как Богом данная страна — «Афганистан худадад», сохранившая чистоту веры, вследствие чего призванная к первенству во всём исламском мире. Не случайно, например, эмир Хабибулла-хан (правил в 1901–1919 гг.) отказался признать халифом правоверных турецкого султана Мехмеда Решата V, возведённого на престол в результате младотурецкой революции 1908 г.

Официальным главой исламской уммы Афганистана до 1973 г. считался король (падишах), для которого, согласно Конституции 1964 г., обязательным являлось исповедание доминирующего в стране ханифитского мазхаба суннитского ислама. Однако реально духовное лидерство принадлежало мощному

слою мусульманских духовных лиц (до 260 тыс. человек к середине 1970-х гг.), обладавшему чертами развитого корпоративного сообщества, высшее звено которого составляли улемы (учёные знатоки калама и фикха), сейиды (выходцы из семей, возводящих свою родословную к потомкам пророка Мухаммада и его сподвижников), духовные предводители и наставники суфийских братств (шейхи, ишаны, хазраты, пиры). В их числе особое положение занимают авторитетные семьи духовных лиц — Моджаддеди (столичный район), Багдади (Кандагар), Кярих (Герат), Каян (Бадахшан) и др. Степенью их поддержки в значительной мере определялась устойчивость политического режима страны.

Наиболее показательным в данном плане является пример наиболее влиятельной семьи потомственных улемов Моджаддеди, ведущих своё происхождение от праведного халифа Омара. Реальным основателем династии можно считать шейха Ахмада Моджаддед алф-и саки бен Маулама Абдул Ахада (1564–1625), который приобрёл первенствующее положение в тот период, когда большая часть территории станы входила в состав индийской державы Великих Моголов. В 17–19 вв. представители рода Моджаддеди занимали видное положение не только среди духовных авторитетов Кабула, Кандагара, Газни, но также Пешавара, Дели, Яркенда (Синьдзян). В политической же истории Афганского государства 20 в., по мнению исследователей, трудно найти события, не связанного с участием представителей клана Моджаддеди. В начале 20 в. Сахиб-заде Абдулла-хан Моджаддеди примыкал к младоафганскому движению конституционалистов, находившемуся в оппозиции к режиму эмира Хабибуллы-хана. К младоафганцам был близок герой третьей англо-афганской войны за независимость 1919 г. Фазль Мухаммад Моджаддеди.

Однако вскоре весь клан Моджаддеди оказался в резкой оппозиции к реформаторскому курсу эмира Амануллы-хана, в

значительной мере способствовал его свержению. По их инициативе 28 декабря 1928 г., в разгар антиправительственного восстания Бачаи Сакао, улемы северных провинций страны выпустили фетву, в которой, в частности, говорилось: *«Да не будет скрыто от нас, населения всего Афганистана, что мы раньше признали своё подданство эмиру Аманулле-хану... при условии, чтоб он не совершал дел, противных велению великого Шариата... Поэтому, принимая во внимание все незаконные действия и порчу религиозных убеждений эмира Амануллы-хана, возбудителя разврата и мятежа, неверие которого доказано, и необходимость покорности которому от нас отпала, мы, все мусульмане, и особенно население северных провинций, желая прекратить своё подданство ему, устраняем его от царствования над нами и с настоящего времени признаём себя, согласно Божьему велению и указаниям великого Пророка и его асхабов, истинными подданными Хабибуллы-хана (имя, которое принял Бачаи Сакао. — А.Ш.), человека честного, слуги народа, ревнителя чистой веры Мухаммеда, прекрасного нравом, храброго, мужественного и любящего своих подданных. Мы совершенно добровольно признаём его правителем Кабула с тем, чтобы он вёл дела правления соответственно Божьим велениям, и с тем, чтобы само его правление производилось согласно законам Шариата»*⁵⁶.

Вместе с тем реальной поддержки со стороны афганских улемов мятежник не получил, что и предопределило его быстрый разгром войсками сардара Мухаммада Надир-хана, бывшего военного министра Амануллы-хана. Поддержку Надир-хану оказал влиятельный улем Фазль Омар Моджаддеди (Шер-Ага), ещё в 1924 г. высланный Амануллой-ханом из страны. Вскоре другой влиятельный представитель клана Мухаммад Садек Моджаддеди на джирге в Кабуле 16 октября 1929 г. предложил избрать Надир-хана королём. Правители новой династии — Надир-шах и его преемник

(с 1933 г.) Мухаммад Захир-шах — стремились заручиться поддержкой традиционных исламских лидеров: в 1930 г. в качестве высшей инстанции по религиозным делам был создан Совет улемов («Джамиат-е улема»), в котором представители клана Моджаддеди сразу же заняли лидирующее положение. Позже, однако, его представители несколько раз высылались из страны и подвергались тюремному заключению по обвинению в антиправительственной деятельности.

Новая революционная власть, утвердившаяся в апреле 1978 г., с самого начала вступило в конфронтацию с исламскими религиозными лидерами, обрушив на них репрессии. В январе 1979 г. по личному приказу Хафизуллы Амина — в то время второго человека в революционном руководстве — были расстреляны все представители клана Моджаддеди, находившиеся на тот момент в Кабуле (всего 21 человек), в том числе глава клана Мухаммад Ибрагим Моджаддеди, имевший почётный титул «Зая аль-машайех» (Светоч среди шейхов). Однако другой представитель клана Себгатулла Моджаддеди 12 марта 1979 г. выпустил фетву о начале вооружённой борьбы с безбожным коммунистическим правительством. Именно после этого гражданская война в стране приняла особенно ожесточённый характер. Многочисленные шаги последующих лидеров Демократической Республики Афганистан — Бабрака Кармаля, а затем Наджибуллы — в сторону примирения с исламскими духовными лидерами уже не встречали доверия и воспринимались как вынужденные и запоздалые, что в итоге и предопределило падение послеапрельского режима в 1992 г., через три года после вывода советских войск. Короткий период после этого, в апреле–июне 1992 г., Себгатулла Моджаддеди занимал пост главы временного правительства Исламского Государства Афганистан, уступив его затем Бурхануддину Раббани. Через два года, однако, и Раббани, и Моджаддеди, и другие умеренные исламские лидеры традиционного типа уже в ходе

нового витка гражданской войны оказались оттеснёнными от власти исламскими радикалами движения «Талибан», само возникновение которого в условиях панисламистского Афганистана отнюдь не было случайным⁵⁷.

Значительно более близкие связи с правящей династией имела другая семья сеидов Гейлани (Багдади), ведущая своё происхождение от знаменитого халифа Али бен Талиба, зятя и двоюродного брата пророка Мухаммада. К ней принадлежал известный суфий братства «Кадирийя» Сеид Хасан Ага, имевший большой авторитет в Кабуле в конце 19 в. После второй англо-афганской войны английские власти добились его высылки в Бомбей, где Сеид Хасан Ага получил от местных мусульман почётное наименование «Накиб Саиба» (дословно — «господин и предводитель»). Лишь в 1901 г. он смог вернуться в Афганистан. Его внук Сеид Ахмад Гейлани (р. 1931) долгое время являлся неофициальным советником короля Захир-шаха и продолжал поддерживать афганского монарха и после отстранения от власти. Так, уже в 1980-е гг., в разгар гражданской войны, будучи членом Совета джихада, он выступил за объединение вокруг Захир-шаха всех основных группировок афганских можахедев. В 1992 г. его племянник Сеид Сулейман Гейлани входил в правительство Раббани в качестве министра иностранных дел⁵⁸.

Таким образом, тесная взаимосвязь религии и политики, характерная вообще для исламского мира, в Афганистане выражена особенно отчётливо. Причём это характерно как для королевского, так и для современного Афганистана: ни одна политическая сила не способна обрести сколько-нибудь широкую социальную базу вне традиционных исламски ориентированных слоёв, равно как и любые преобразования и реформы возможны лишь в той мере, в какой они вписываются в их исламский образ мира. В противном случае успех не может гарантировать никакая внешняя поддержка. Этого не в со-

стоянии понять оказалось советское руководство 1970-х — 1980-х гг., пытавшееся сохранить у власти «прогрессивный» режим в Кабуле с помощью ввода в страну советского воинского контингента. Современный российский исламский философ Гейдар Джахидович Джемаль (р. 1947) в связи с этим писал: *«Столкновение с другой психологией власти, иным образом легитимности должно было оказаться для неискушённого общественного сознания шоком. Это произошло во время войны в Афганистане. “Им, афганцам, говоришь о правительстве в Кабуле, а они отвечают: «Наш президент — Аллах»», — примерно так выглядел моментальный политический снимок “напуганного мусульманина”, размноженный советскими масс-медиа»*⁵⁹. В этом, пожалуй, и находит своё выражение афганский исламский религиозно-политический феномен.

В дальнейшем развитии афганского общества и государства деструктивные тенденции возобладали над конструктивными. Как отмечал в связи с этим современный военно-политический аналитик Евгений Филиппович Морозов, *«свержение королевской власти в 1973 году разрушило хрупкий, веками выстраивавшийся баланс в отношениях племён, центральной власти и местных властей»*⁶⁰. В этих условиях послехрущёвское руководство СССР не выдержало последовательно линию советско-афганского сотрудничества без вмешательства в его внутренние дела, вследствие чего внушительные успехи в этом направлении, достигнутые на рубеже 1950-х — 60-х гг., оказались перечёркнутыми.

Сейчас трудно дать какой-либо надёжный прогноз относительно дальнейшей судьбы Афганистана и его народов. Можно лишь выразить осторожную надежду, что богатейшее культурно-историческое наследие страны не может так просто бесследно исчезнуть и, опираясь на него, народы Афганистана, как и другие мусульманские народы, со временем найдут

свой путь в будущее. И здесь сильная, политически и духовно суверенная Россия (если таковой ей суждено стать) ещё очень пригодится и Афганистану, и другим странам и народам Центральноазиатского региона. По свидетельствам очевидцев, в настоящее время старшее поколение афганцев по-прежнему добром вспоминает русских-«шурави», трудившихся на территории их страны полвека назад. Память о них оказалась не в состоянии стереть даже десятилетняя афганская война с участием советского «ограниченного воинского контингента». В ходе этой войны, разумеется, бывало всякое. Однако сейчас, по прошествии времени, многие афганцы всё более уважительно отзываются о русских, которых ранее воспринимали как своих врагов, тогда как американцы, оккупировавшие страну в 2001 г., несмотря на всю свою «гуманитарную помощь», вызывают лишь массовое презрение.

Здесь напрашивается историческая аналогия. Выдающийся философ и дипломат Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), блестящий знаток мусульманского Востока, в 1865–1872 гг. служивший русским консулом в европейских провинциях Османской империи, позже отмечал, насколько по-разному турецкое население Адрианополя вспоминало пребывание в городе русских войск во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и французских — в период Крымской войны 1853–1856 гг. Первые, вступив в город как враги и победители, произвели на его жителей глубокое впечатление своим бережным и глубоко уважительным отношением к исламским святыням (первым же распоряжением главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.И. Дибича все мечети были взяты под охрану) и всему жизненному укладу мусульман. Вторые же, находясь в Адрианополе как союзники турок в их войне с Россией, запомнились лишь пьяными бесчинствами в мечетях и на минаретах при полном попустительстве армейского начальства.

В своей дипломатической записке от 4 марта 1867 г. К.Н. Леонтьев так писал об этом: *«В виду грозящего разрушения империи, утратив всякую надежду на возвращение к прежнему порядку вещей, местные Турки... предпочитают всякому другому исходу — подпадение под власть России. Предпочтению тому есть много разнообразных причин: фаталистические верования в нашествие и торжество “белокурых жителей Севера”; соседство России; хорошая дисциплина наших войск в 1829 году и уважение, которое они оказывали мечетям;... страх подпасть под власть вчерашних рабов своих Греков или Сербов. О Западном владычестве они также не хотят слышать, как и о Греческом. — Все Западные народы, по их мнению, народы «безкнижные» (Китабсиз); т.е. Священные книги настоящие есть только у Мусульман, Евреев и Православных. Первым дан Коран, вторым Ветхий Завет, последним настоящее Евангелие, искажённое впоследствии европейцами. Между Улемами и простыми Турками существует также предание о том, как принял Русский Царь послание Магомета. — “Когда Магомет распространил своё владычество в Аравии, он послал всем царям письмо, приглашая их принять Ислам. Западные Цари отвечали презрительно и бросили его письмо; но Русский Царь, встав с престола, прочёл письмо Пророка, поцеловал его, приложил к челу своему и потом почтительно отвечал: — «Рады бы и Мы принять такую святую веру, но теперь уже поздно; Мы приняли Православие, и изменить ему нельзя!»”. Кошунства и насмешки французских солдат над их верованиями в 1954 году ещё более отвратили их от Запада. И так им остаётся один выбор — желать Русского нашествия»⁶¹.*

С поправкой на нынешнее время, вполне можно допустить, что в случае с Афганистаном мы имеем дело с неким аналогичным феноменом, свидетельствующем о глубинной цивилизационной близости православных и мусульманских

народов. В этом случае работа в Афганистане советских специалистов, в числе которых были и мои родители, не могла исчезнуть бесследно.

Примечания

1. *Снесарев А.Е.* Афганистан. М.: Госиздат, 1921.
2. *Рейснер И.М.* Афганистан. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929.
3. *Вавилов Н.И.* Избранные труды в 5 томах. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959–1964. Т. 1. Земледельческий Афганистан. 1959. С. 60.
4. Там же.
5. Там же. С. 61.
6. Там же.
7. Там же. С. 62–65.
8. Там же. С. 66.
9. Там же. С. 68.
10. Там же. С. 70.
11. Там же. С. 214.
12. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2008. С. 254.
13. *Бабур З.-М.* Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. С.А. Азимджановой. Ташкент, 1993. С. 145.
14. Западная Азия: этнополитическая ситуация. М.: Наука, 1993. С. 119.
15. *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 100.
16. *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. В 2-х томах. М.: Наука, 1964–1965. Т. 2. Афганистан в Новое время. С. 88.
17. *Массон В.М., Ромодин В.А.* Указ. соч. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. С. 235.
18. *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 20.
19. *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 99.
20. *Геродот.* История. М.–СПб.: Эксмо-Мидгард, 2008. С. 282, 284.

21. *Массон В.М., Ромодин В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 22.
22. *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 98.
23. Там же.
24. Там же.
25. *Вавилов Н.И.* Указ. соч. С. 21.
26. *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 129.
27. Западная Азия... С. 122.
28. *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 130.
29. Там же. С. 129.
30. Западная Азия... С. 125.
31. *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 129.
32. Западная Азия... С. 122.
33. *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 95.
34. Там же. С. 98.
35. *Сликин М.Ф.* Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995. С. 52.
36. *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 169.
37. Там же. С. 175.
38. Там же. С. 176–177.
39. *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 98.
40. Там же. С. 54.
41. *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 11.
42. *Сликин М.Ф.* Указ. соч. С. 117.
43. Там же. С. 10.
44. *Ганковский Ю.В.* Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Советское востоковедение, 1958, № 2. С. 82–87.
45. *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 118.
46. Там же. С. 134.
47. Там же.
48. *Шпажников Г.А.* Религии стран Западной Азии. Справочник. М.: Наука, 1976. С. 191–208.
49. *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 70.

50. *Неру Д.* Открытие Индии. В 2-х кн. М.: Политиздат, 1989. Кн. 1. С. 374.
51. *Давлетишин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. М., 1990.
52. *Снесарев А.Е.* Указ. соч. С. 105.
53. Там же. С. 109–110.
54. *Рейснер И.М.* Указ. соч. С. 135.
55. Там же. С. 135–136.
56. Там же. С. 261–262.
57. *Сликин М.Ф.* Указ. соч. С. 97.
58. Там же. С. 98.
59. *Джемаль Г.* Освобождение Ислама. М.: УММА, 2004. С. 97.
60. *Морозов Е.Ф.* Загадка Афганистана // Москва, 2007, № 6. С. 130.
61. *Леонтьев К.Н.* Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865–1872). М.: РОССПЭН, 2003. С. 121–122.

Ю.М. КУКС, Т.А. ЛУКЬЯНОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ФРЕСКИ

В конце 10 в. русские княжества восприняли вместе с христианством развитую культуру Византии. Её мастера построили на Руси первые каменные храмы, а также украсили их интерьеры мозаикой и фресками. Тогда Византия, оставаясь единственной прямой наследницей эллинистического мира, применила художественные достижения античности к духовному опыту христианства. Культура, привносимая на Русь, отличалась глубиной религиозного содержания и виртуозностью технических приёмов. Высокий уровень учителей ставил перед Киевской Русью сложные задачи.

В изучение древнерусской монументальной живописи наряду с традиционными методами искусствознания (как анализ творческого процесса при создании произведений) входит и технологическая история фресок. Основу её составляют изучение письменных источников и анализ результатов физико-химических исследований. Это позволяет проследить, как на протяжении почти тысячи лет складывалась и развивалась на Руси технологическая культура монументальной живописи, с отказом от одних материалов и приёмов письма, чтобы заменить их другими.

Исследование позволяет выявить технологические особенности древнерусской фрески в период 14–16 вв. и сравнить с технологией фрески 11–12 вв. и на рубеже 17–18 вв.

В 14 в. технология фресковой монументальной живописи начинает всё более напоминать технологию станковой — иконописи. В основании фресок применяется белоснежная полированная штукатурка, очень похожая на меловой иконный левкас. Каким же образом древнерусским художникам удавалось создавать на стене основание живописи, аналогичное иконному левкасу на досках? В первые века после крещения Руси повсеместно использовалась византийская технология приготовления штукатурного основания фресок на основе обычной извести, тонкомолотого известняка и кирпичной пыли. Такая штукатурка позволяла тщательно заглаживать поверхность, но цвет её не был белым.

Позднее использовали длительно выдержанную известь. Её кристаллическая фракция позволяла получать белоснежные полированные поверхности без добавления грубых керамических и известковых наполнителей. Технологическая культура таких штукатурных оснований монументальной живописи, очевидно, пришла из Сербии и других балканских стран, подвергшихся влиянию афонских мастеров. При обследовании монументальной живописи Сербии 12–16 вв. можно увидеть в составе белых штукатурных левкасов крупные солоmistые наполнители, но, скорее всего, на выдержанной извести без добавления песка, известняка и молотой керамики. В России солоmistые армирующие добавки могли применяться ещё в 15 в., но были они не такими крупными, как в сербской живописи, а к 16 в. были полностью заменены на тончайшие льняные волокна, позволявшие создавать полированные, тщательно заглаженные основания живописи.

Кроме перечисленных особенностей наиболее важным фактором устойчивости древней монументальной живописи

становятся клеевые связующие. Для затворения мелового левкаса в иконописи традиционно использовались клеи на основе желатина: осетровый клей, рыбий клей и другие клеи из отваров животного происхождения.

Для настенной живописи, особенно в неотапливаемых помещениях, такие составы были непригодны. Аналитические исследования указывают на то, что в составе настенных штукатурных оснований живописи использовались клеи на основе белка молока казеина или отваров зёрен злаков.

Для сравнения технологий древнерусских фресок 10–12 вв., характеризующих начальный византийский период становления фресковой живописи на Руси, были выбраны образцы штукатурных оснований фресок в таких архитектурных памятниках:

- Георгиевский собор в Старой Ладогe, 12 в.;
- Успенский собор в Старой Ладогe, 12 в.;
- Ефросиниевская церковь Ефросиниевского монастыря в Полоцке, 12 в.;
- Десятинная церковь в Киеве, 10 в.;
- церковь Спаса на Нередице, кон. 12 в.;
- трапезная Киево-Печерской лавры, 12 в.;
- Успенский собор Киево-Печерской лавры, кон. 11 в., фрагмент наружной росписи;
- Софийский собор в Киеве, 11 в., из раскопок 1940 г.

Памятники древнего зодчества с фресковыми росписями — церковь Георгия в Старой Ладогe и церковь Спаса на Нередице — принадлежат к самым значимым памятникам 12 в. По решению ЮНЕСКО в 1992 г. церковь Спаса на Нередице включена в Список Всемирного наследия.

Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладогe 1167 г., по мнению В.Д. Сарабьянова, созданы греческими мастерами. Оставаясь ярким проявлением византийского искусства, они являются при этом неотъемлемой частью древнерусской культуры 12 в.

Считается, что роспись Георгиевской церкви содержит намёк на военное событие. Это предположение основано на местонахождении в диаконнике необычной для него сцены единоборства Георгия со змием. Военным событием могла быть безуспешная осада Ладоги шведами в 1164 г.: вскоре после этого и была воздвигнута церковь, посвящённая св. Георгию как небесному покровителю воинов.

В.Д. Сарабьянов пишет: *«Фрески Георгиевской церкви не имеют буквальных стилистических аналогий в искусстве своего времени, однако они обладают несомненным внутренним родством со многими памятниками конца XII века, разбросанными в самых разных частях византийского мира <...>. Если духовная и художественная традиция, отразившаяся в старолadoжских фресках, в глобальном плане несомненно восходит к Константинополю, то многие конкретные проявления художественных форм находят более убедительные параллели в искусстве Новгорода конца XII века — во фресках Благовещенской церкви в Аркажах (1189 г.) и Спасской церкви в Нередице (1199 г.)»¹.*

Особенно привлекают внимание замечания В.Д. Сарабьянова о работе фрескистов при росписи церкви: *«Специальный помощник фрескиста с раннего утра или с предыдущего вечера покрывал слоем штукатурки тот участок стены, который предполагалось расписать за рабочий день. Художник выполнял рисунок на данном участке, а затем, при участии одного или двух подмастерьев, которые помогали ему в исполнении более простой части работ, полностью расписывал намеченный объём. На стыках этих дневных участков образовывались швы, которые, проявившись со временем, отчётливо показывают теперь, с какой скоростью работали средневековые фрескисты. Темп работы мастеров, расписавших Георгиевскую церковь, буквально поражает. Так, например, купольное “Вознесение”, насчитывающее 24 фигуры и занима-*

ющее площадь около 23 кв. м, было написано за шесть дней двумя художниками, которые работали не одновременно, а по очереди»².

Авторы публикуемой статьи выявили состав левкаса под фресковую роспись из извести и карбонатного наполнителя. Карбонатный наполнитель в виде известняка был взят, вероятно, из волховских горизонтов, что свидетельствует о знакомстве мастеров с геологией данной местности. Эти мергелистые известняки придавали извести особые прочностные и гидравлические свойства за счёт естественного глинистого состава. Вероятно этот же известняк использовался и для приготовления извести путём прокаливания.

Логично предположить, что левкасчики, работавшие в тесном контакте с византийскими художниками, выполняли их указания по подготовке поверхности стен под живопись, изготавливая штукатурное основание в полном соответствии с византийской технологией, но на основе местных материалов.

Совершенно аналогичные результаты получены при исследовании оснований живописи в Спасо-Ефросиниевской церкви Полоцка.

Храм Спаса на Нередице построен около 1198 г. при новгородском князе Ярославле Владимировиче в память о двух погибших сыновьях. Роспись выполнена в 1199 г. и связана с ранней новгородской иконографией. Как отмечал В.Н. Лазарев, «... работавшая в Нередице артель живописцев очень торопилась с выполнением заказа. Поэтому она заведомо отказалась от строго продуманного плана ...»³. Многие исследователи считают, что для росписи храма Спаса на Нередице характерен ряд архаических черт. Общий характер исполнения фресок указывает не на константинопольские истоки стиля, а на принадлежность местным мастерам. И, тем не менее, одним из исполнителей, а может быть и руководителем, вероятно, был всё-таки художник с греческим происхождением — Оли-

сей Гречин (Гречин — грек), хорошо знакомый с византийской технологией росписей.

Церковь Спаса на Нередице отделяют от Георгиевской церкви в Старой Ладогe 150 км по реке Волхов и период почти в тридцать пять лет. Можно было бы предположить о технологическом сходстве фресковых грунтов. Но состав штукатурного основания росписей Спаса на Нередице больше напоминает состав киевских штукатурных оснований, например, образец штукатурки из трапезной Киево-Печерской Лавры.

Микрохимический анализ штукатурного основания живописи церкви Спаса на Нередице указывает на использование совершенных технологических традиций византийского искусства, а именно: известково-цемячного штукатурного основания живописи без добавления песка с гидравлическими карбонатными породами в качестве наполнителя.

При визуальном и микрохимическом исследовании образцов ранней живописи Киевской Руси — штукатурного основания фрагмента в наружной росписи Успенского собора Киево-Печерской Лавры (конца 11 в.) и штукатурного основания росписи киевского Софийского собора (также 11 в., из раскопок 1940 г.) — обнаружено, что для известкового раствора использован мергелистый известняк с гидравлической примесью пылевидной цемянки⁴. Он же, вероятно, был и источником для обжига извести. Кроме того при анализе штукатурного основания живописи Десятинной церкви в Киеве выявлена гидравлическая добавка на основе вулканической пепла чёрного цвета (фракция до 0,25 мм), которая могла быть получена из залежей в районе горы Арарат. Песчаный наполнитель в этом растворе присутствует лишь в виде примеси в количестве 5–7 %.

В коллекции образцов, собранной В.В. Филатовым, имеется образец штукатурного основания живописи 11–12 вв., добытый при раскопках у трапезной Киево-Печерской Лавры. Как

и нередицкая штукатурка, это серовато-розовый раствор, по составу типичный для византийско-киевских архитектурных традиций. В его составе известковое вяжущее и наполнитель из керамики с толчёным известняком при полном отсутствии песка. Прочность раствора высокая — 80–90 кГ/см² (определена прибором ИПС — МГ4) при толщине намета 30 мм. Штукатурка нанесена в два слоя, по 12–15 мм каждый.

В.В. Филатов в статье «К истории техники стенной живописи в России» сообщает результаты исследования штукатурного основания живописи в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря в Пскове: *«Ярко выраженная цемяночная штукатурка с обилием больших и мелких частиц обнаруживается в Спасо-Преображенском соборе XII в. Мирожского монастыря в Пскове. В этой, как и других штукатурках XII века, частицы керамики равномерно распределяются по всей толще штукатурного слоя»*⁵.

Во всех исследованных образцах 10–12 вв. прослеживаются сходные технологические черты в подготовке штукатурного основания живописи. Это известковые составы выше средней прочности, с добавками на основе известковых туфов, вулканических пеплов, обожжённой глины (цемянки). Эти составы отвечают римской традиции, описанной ещё Витрувием, — на основе известкового вяжущего с различной степенью гидравличности и наполнителей. Самый распространённый наполнитель — кирпичная крошка и обломки мергелистых известняков.

Анализ и идентификация органического связующего в составе штукатурных оснований живописи выполнены на образцах таких памятников, как Георгиевский собор в Старой Ладоге, Десятинная церковь в Киеве, храм Спаса на Нередице, фрагмент штукатурки с красочным слоем из раскопа у трапезной Киево-Печерской лавры. Очень похожие по минералогическому составу штукатурные основания живописи в храме

Спаса на Нередице и во фрагменте штукатурки с красочным слоем из раскопа у трапезной Киево-Печерской лавры были затворены составом на основе растительного клея. Штукатурное основание живописи из Георгиевского собора в Старой Ладоге также было затворено клеевым белковым связующим.

Добавление растительного клея в состав известковых строительных растворов упомянуто в «Сказании о св. Софии Цареградской» (12 в.). Там говорится о том, как «хитрец мастер» готовил известковый раствор для фундаментной кладки часони:

*«посих вново котлѣхъ варимъ каше ѡчмень, и сводою тою мешахоу извистъ и скѣдель вводи мѣсто; (въ) таково-
вый сукропъ клеевать, ꙗко древа глѣмаго вербѣи сусѣка-
юще вкотлы коупно съ ѡчмены; и творахоу корыта...»⁶.*

Эта рецептура подтверждена при исследовании образцов кладочных растворов из монастырей Крита и Сербии, проведённом авторами данной статьи.

Можно утверждать, что в использовании растительного клея византийская технология штукатурных левкасов под живопись совпадала с технологией кладочных растворов.

ПОЗДНИЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ И ПОСТВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОДЫ В ТЕХНОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ

В связи с ослаблением политической роли Византийского государства в 13 в. в древнерусских землях складывается собственная художественная культура. В 14 в. здесь начала формироваться, а затем расцвела новая, чрезвычайно многодельная и трудоёмкая технологическая культура подготовки извести, создававшая левкасы, уникальные по прочностным и климатическим свойствам. Эти штукатурные левкасы изготавливались без каких-либо наполнителей. В них нет большого количества гидравлических добавок, цемянки, песка. Для приготовления такого, чисто известкового левкаса нужны: много-

летняя, специально подготовленная известь — выдержанная, промытая, вымороженная и практически полностью карбонизованная, а также растительные волокна и органические клеи. Эстетической особенностью фресок, написанных на таких левкасах, была полированная поверхность. Она усиливала цветочность живописи.

В 1204 г., впервые за свою девятивековую историю, Константинополь был побеждён и захвачен крестоносцами. Почти на двадцать лет позже, в 1223 г., отряд русских князей был разгромлен войском Чингисхана на реке Калке. Десятью годами позже внук Чингисхана Батый перешёл через Урал и начал широкое завоевание и разграбление Руси.

В 13 в. на бывших территориях Византии возникли новые национальные государства — Болгария и Сербия, но византийское влияние по-прежнему определяло высокий уровень культуры и искусства, восхищавших славянские народы.

Обследование монументальной живописи в монастырях Сербии, предпринятое авторами статьи, показало, что с 12–13 вв. там уже бытовал метод живописи, основанный на чисто известковых штукатурках, но со значительным количеством волокнистого грубого наполнителя.

Афон с 10 в. был очагом культурного обмена между греческими, славянскими, грузинскими, сирийскими и даже латинскими монахами. В 14 в. здесь возродился исихазм и увеличилось число монахов из славян.

Влияние Афона и балканских стран сказалось и в технологии монументальной фресковой живописи на Руси.

С 1376 по 1406 г. русскую церковь возглавлял святитель московский Киприан, ставший преемником святителя Алексия.

Монашеский путь Киприан начал в Болгарии, а продолжил в Константинополе и на Афоне, около 1373 г. был послан на Русь для примирения литовского и тверского князей с митрополитом Алексием.

При Киприане на Русском Севере был основан ряд монастырей, развивалось церковное строительство, расписывались церкви по всей Руси. На его правление приходится русский период творчества Феофана Грека и начало творческого пути Андрея Рублёва. Вероятно, с деятельностью Киприана связан и технологический переход с ранневизантийского способа фресковой живописи на афонский (балканский) — с известково-карбонатных цемяночных растворов на чисто известковые, выдержанные, без наполнителей.

Для исследования штукатурных оснований, выявления технологических особенностей древнерусских фресок 14–16 вв., характеризующих период расцвета фресковой живописи на Руси, были выбраны образцы штукатурных оснований фресок в таких памятниках, как:

— собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря во Пскове, 1313 г.;

— Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве, 1420 г.;

— собор Успения на Городке в Звенигороде, ок. 1400 г.;

— собор Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, 1502 г.;

— Смоленский собор Новодевичьего монастыря, росписи 1578 г.;

— собор Рождества Богородицы Пафнутьева-Боровского монастыря, 1650 г.;

— Преображенская церковь (б. Троицкая) в Б. Вязёмах, 1602 г.

В Снетогорском монастыре роспись фресками собора Рождества Богородицы осуществлена при Митрополите Киевском и всея Руси Петре (1308–1326 гг.). Фрески дошли до нас далеко не в полном объёме. Раскрытие их из-под побелки началось ещё в 1909 г., периодически возобновлялось экспедициями Центральных Государственных реставрационных мастерских

(ЦГРМ) в 1920–1930-х гг. и было завершено работами 1948–1949 гг. И.Б. Голубева и В.Д. Сарабьянов в своей статье пишут: *«Апофеоз Снетогорского ансамбля — “Страшный суд” <...> В мировой живописи снетогорский Апокалипсис по полноте сюжетов, сложнейший символами их изводов не имеет подобия. Здесь псковские мастера утвердили начало новой живописной школы. Некоторая внешняя непоследовательность снетогорской программы живописи, разрывающейся на отдельные блистательные куски, — также показатель становления школы. Анализ росписей показывает, что именно этот памятник монументальной живописи стоит у истоков псковской иконографической традиции»*. И далее: *«Художник снетогорских фресок как будто на ходу осваивает приёмы и законы фресковой техники. <...> росписи Снетогорского собора отчётливо показывают, что псковская культура уже в начале XIV столетия вполне осознанно воспринимала новые духовные идеи и настроения и творчески реализовывала их в своём самобытном искусстве»*⁷.

Это восприятие новых идей просматривается не только в стилистике живописи, но и в технологии материалов росписей. И самым ярким свидетельством этого влияния стало создание живописи в ряде памятников Руси 14–16 вв.

При микроскопическом и микрохимическом исследовании штукатурного основания собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря можно видеть, что на смену византийской технологии известково-цемячных растворов, окрашенных в розовый цвет, приходят белые, достаточно однородные грунты, толщиной около 10 мм, характерные для стран Балканского полуострова — например, Сербии. Здесь штукатурный левкас из свежегашёной извести имеет наполнитель из карбонизованной выдержанной извести. Но, в отличие от сербских штукатурок, основа в Снетогорах выполнена из известково-песчаного раствора, аналогично витрувиевским рецептам начала эры.

Цемянка в виде отдельных частичек присутствует лишь в качестве незначительной добавки. Прочность верхнего слоя не выше среднего и составляет 20–25 кГ/см².

Такие же двухслойные штукатурные основы были обнаружены А. Виннером в стенописях Успенского храма на Волотом поле (1363 г.), церкви Фёдора Стратилата (1368 г.), церкви Спаса на Ильине (1378 г.), исполненных Феофаном Греком⁸ или же под его руководством. А. Виннер считает, что эти грунты ещё уступают по многим параметрам более поздним грунтам с однородным строением. Этот период в технологии стенописи Древней Руси можно считать переходным после полосы застоя, связанной с татаро-монгольским игом.

Лучшие достижения русской иконописи во время подъёма духовных сил нации после татаро-монгольского нашествия сфокусировались в творчестве Андрея Рублёва. В 1405 г. Андрей Рублёв работает в Благовещенском соборе в Москве вместе с Феофаном Греком и старцем Прохором с Городца. Образцы живописи, полученные из раскопов у стен Благовещенского собора и исследованные авторами данной статьи, указывают уже на полный отход от ранневизантийских технологических традиций и на явное влияние афонской технологической школы. Росписи выполнены по чисто известковым штукатурным левкасам, иногда нанесённым тонким слоем на блоки белого камня, из которых был сложен нижний объём собора. Штукатурное основание живописи 1416 г. во вновь отстроенном Благовещенском соборе отличается незначительно.

В 20-е гг. 15 в., во время игуменства Александра, Андреем Рублёвым был расписан собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Настенная роспись в этом соборе — последняя работа великого художника. Во время росписи храма к 1420 г. А. Рублёв был «в старости честной уже». Росписи в соборе практически не сохранились. Они были сбиты со стен ещё в 16 в., а в 17 и 18 вв. собор расписали заново. Небольшие

фрагменты сбитых росписей хранятся в музее имени Андрея Рублёва. Кроме этого на откосах северо-восточного и юго-восточного оконных проёмов средней апсиды Спасского собора сохранилась орнаментальная роспись, имеющая авторский рисунок. Композиции орнаментов представляют собой вертикальную тёмную полосу со вписанным в неё рядом из пяти медальонов. Каждый медальон имеет свой тщательно выполненный геометрический рисунок. В распоряжении авторов статьи оказались небольшие фрагменты росписей оконных откосов, площадью не более 0,5 см², позволившие, тем не менее, провести физико-химические исследования.

Петрографическая характеристика образцов штукатурного основания живописи позволяет говорить о уже значительно отличающемся от византийского способе подготовки известкового левкаса для живописи. При толщине однородного штукатурного левкаса до 13 мм, выполненного в два слоя, в основном составе обоих слоёв не обнаружено какого-либо наполнителя. В качестве армирующего наполнителя введена рубленая солома. В щелевидных порах, возникших при послойном нанесении штукатурного основания, наблюдаются коричневые порошкообразные включения, из-за чего цвет левкаса не выглядит вполне белым.

По мнению Л.И. Антоновой и Г.В. Попова, живопись выполнялась клеевыми красками по сырому грунту. Они же отмечают, что материалы и техника живописи в росписях Спасского храма имеют значительное сходство с росписями собора Успения на Городке в Звенигороде, выполненными около 1400 г.⁹.

От росписи храма Успения на Городке сохранились лишь отдельные фрагменты, раскрытые в 1918 г. экспедицией Комиссии по сохранению и раскрытию древнерусской живописи, под руководством Н.Д. Протасова, в составе художника-реставратора Г.О. Чирикова, столяра П.П. Кодичева и

фотографа О.Н. Крашенинникова. В том же году, в отчёте, составленном И.Э. Грабарём, было высказано и первое предположение об авторстве фресок: *«... краски дают богатую гамму тонов, которая, в связи с общим характером рисунка и типов ликов, заставляет говорить о руке мастера рублёвской школы»*.

Микроскопические и микрохимические исследования образца живописи в соборе Успения на Городке, проведённые авторами статьи, также показали, что штукатурное основание со слегка кремовым оттенком, толщиной 11–12 мм, не имеет наполнителя. Прочность раствора, как и в Спасском соборе, средняя и составляет около 25–30 кГ/см². В штукатурке видны следы от стеблей резаной соломы (толщина до 1 мм, длина до 10 мм), которые полностью истлели, что может косвенно свидетельствовать об использовании смеси свежей гидратной извести с выдержанной карбонизованной известью. Специальные же исследования связующего штукатурного основания в живописи обоих соборов указывают на сходство состава природного органического вещества, напоминающего кровяной альбумин.

В 1502 г., спустя 12 лет после строительства собора Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, туда приехал известный живописец Дионисий с сыновьями. Это гениальный живописец, которого современники называли «началохудожником», «преславным паче всех». На дверном откосе северной стены здешнего собора Рождества Богородицы имеется надпись: *«В лето 7010-е (1502 г.) месяца августа в 6 на Преображение Господа нашего Иисуса Христа начата бысть подписывати церковь, а кончена на 2-е лето месяца 9 сентября <...>. А писцы — Дионисий-иконник со своими чадами. О, Владыко Христе, всех царь, избави их, Господи, мук вечных»*. Дионисий до этого много работал в Москве. В 1467–1476 гг. он писал фрески и иконы в Пафнутьевом Боровском

монастыре, в 1481 г. расписывал Успенский собор Московского Кремля. Его живопись связана с лучшими традициями А. Рублёва. Первые публикации И. Бриллиантова и Н. Успенского о Ферапонтовом монастыре появляются в 1898 г. к его 500-летию. Известный искусствовед Л. Лифшиц пишет, что на стенах соборной церкви Ферапонтова монастыря запечатлён *«результат многовекового опыта художественного православного богословия, представление русского общества об образах Царствия Небесного»*. Этот многовековой опыт выражался не только в *«безукоризненно точном, предельно скупом рисунке, ритме и цвете»*, но и в совершенном технологическом знании Дионисия.

Соборная церковь Ферапонтова монастыря с фресками Дионисия давно вошла в сокровищницу отечественного и мирового искусства. Фрескам Дионисия посвящены изданные во всём мире многочисленные научные исследования, фотоальбомы, сведения о них можно найти в любом издании, рассказывающем о древнерусской живописи.

Анализом росписей начали заниматься ещё в 1985 г. В институте «Спецпроектреставрация» и во ВНИИРе показали, что они выполнены на двухслойной штукатурной основе, причём оба слоя приготовлены на чисто известковом составе, представляющем собой твёрдую мраморовидную известковую массу с высокой прочностью, достигающей 100 кГ/см², армированную тончайшими льняными волокнами. Анализ извести, выполненный А. Виннером, а позднее — специалистами института «Спецпроектреставрация», показал, что известь содержит значительное количество оксида алюминия, вероятно, за счёт добавки глиноземистого сырья.

Как выяснилось при идентификации органических связующих, в состав этого левкаса введено органическое связующее на основе казеина (растительного клея). Живопись выполнена в характерной для России комбинированной технике, когда ху-

дожник начинал работать по сырой штукатурке, а заканчивал роспись клеевыми красками по сухому. Причём у Дионисия краски затворены яичным желтком, приготовленным особым образом — на известковой воде¹⁰.

Левкас, очень похожий на ферапонтовский по цвету, строению и прочности, имеет живопись в соборе Успенского монастыря в Свияжске. Заложен собор был, вероятно, в 1555 г. псковскими мастерами под руководством Постника Яковлева и Ивана Ширия, строивших и Казанский Кремль. После возведения собор был расписан в технике фрески. Роспись датируется ориентировочно 1561 г. Автор фресок неизвестен. Одна из гипотез связана с возможной работой в соборе художников-монументалистов, присланных митрополитом Макарием либо рекомендованных царицей Анастасией. В 1899–1900 гг. стенопись собора реставрирована артелью Н.М. Сафонова. Фрески были поновлены практически по всей поверхности. Часть поновлений выполнена клеевыми красками, а в некоторых местах фрески записаны масляными красками. Следующие реставрации проводились в 1964 г. под руководством художника-реставратора Д.Е. Брягина и в 1972–74 гг. под руководством художника-реставратора И.П. Ярославцева.

Первые исследования живописи в соборе Успенского монастыря проведены в 1980 г. По заданию МОСНРПМ художник-реставратор высшей категории И.П. Ярославцев и начальник отдела физико-химических исследований института «Спецпроектреставрация» И.А. Кулешова произвели отбор образцов первоначального штукатурного основания и красочного слоя живописи Успенского собора в Свияжске для определения состава её штукатурного основания и некоторых пигментов.

Из результатов количественного химического анализа следовало, что первоначальный штукатурный раствор был приготовлен на высокомагнезиальной извести, полученной из доломитизированного известняка. Известь штукатурного

раствора была полностью карбонизирована и содержала гидравлические добавки в виде гидросиликатов и гидроалюминатов кальция и магния. Наполнителей в виде кварцевого песка обнаружено не было. Прочность раствора оценивалась как высокая. В первоначальных исследованиях анализ органических связующих, которые существенно влияют на прочность и сохранность живописи, не проводился.

Для исследования художниками-реставраторами Межобластного научно-реставрационного художественного управления (МНРХУ) В.Ф. Косушкиным и З.А. Захаровой в 2010 г. были предоставлены образцы первоначального штукатурного основания фресок в Успенском соборе г. Свияжска. На основании проведённых исследований можно сделать предположение о наличии в штукатурном составе белка казеина, который, в частности, и обеспечивает штукатурному левкасу очень высокую прочность. Тем не менее, живопись выполнялась по тонкому известковому рыхловатому слою интонакко, вероятно из-за быстрого подсыхания известкового левкаса.

С именем Дионисия связана и история росписей в соборе Рождества Богородицы Пафнутьева Боровского монастыря. *«Старец же рече ему, Дионисие, Бог да благословит тя, начни доброе дело»* — эту надпись и изображение самого Дионисия в верхней части композиции цикла жития Пафнутия Боровского, на северной и южной стенах церкви поместили художники в 1644 г., когда расписывали новый собор Рождества Богородицы Пафнутьева Боровского монастыря.

Собор построен в конце 16 в. на месте первой деревянной церкви Рождества Богородицы, а затем и первого белокаменного собора, который был расписан в 1467 г. Дионисием. Между 1584 и 1586 гг., по повелению и на средства царя Фёдора Ивановича, под руководством Бориса Годунова вместо старого белокаменного строится новый кирпичный храм. Отдельными чертами он напоминает Успенский, Архангельский

и Благовещенский соборы Московского кремля, а особенно — церковь Преображения в Больших Вязёмах. Новые росписи датируются 1644 г. по надписи, сделанной под стенным письмом поверх цоколя на трёх стенах: *«Лета 7152 (1644) Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы подписана на стенах иконным письмом при державе Благоверного и крестолобивого Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси и при его благоверной и крестолобивой Царице и Великой княгине Евдокее Лукиановне и при его благоверных чадах при благоверном царевиче Князе Алексие Михайловиче и при благоверной царевне Княжне Анне Михайловне и при святейшем Кир-Иосифе Патриархе Московском и всея Руси и при игумене Иосифе и при келаре старце Пафнутие (Еропкине) с братиею»*. В 2007 г. в соборе проводились очередные реставрационные работы, задача которых, по словам реставраторов, — *«восстановление целостности иконографической структуры росписей храма для богослужебной практики, <...> и при этом стремление к максимальному сохранению подлинной авторской живописи»*. Исследованиями установлено, что роспись собора выполнена в комбинированной технике по чисто известковому левкасу средней прочности. В состав левкаса введено органическое природное связующее на основе белкового клея.

Аналогичный левкас обнаружен и при исследовании Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Монастырь основан в 1524 г. великим князем московским Василием III в честь возвращения иконы Смоленской Богородицы на том месте, где образ передали смолянам в 1456 г. по случаю победы над литовцами и возвращения в состав Русского государства Смоленского княжества. Смоленский собор — первое каменное здание в монастырском ансамбле, однако отсутствие летописных известий о строительстве и росписи собора оставляет перед исследователями открытым вопрос о датировке фресковых

росписей. Датировка первоначальных росписей затруднена ещё и тем, что в 17 в. в соборе дописаны новые композиции, в середине 18 в. (1759 г.) фрески поновлены масляными записями, а в конце 19 — начале 20 вв. были отреставрированы И.М. Сафоновым. Тогда многие участки первоначальной росписи были покрыты олифой, заменены реставрационными дополнениями и прописаны.

В Смоленском соборе Новодевичьего монастыря хорошо сохранилась монументальная живопись 16 в. Согласно стеной летописи, опоясывающей цокольную часть храма над ярусом «полотенец», роспись была выполнена в «первое лето» царствования Бориса Годунова, то есть в 1598 г.

Вопрос о датировке фресок Смоленского собора подробно рассмотрен в современной работе Н.В. Квливидзе¹¹.

Первоначальная датировка фресок 1598 годом, проведённая Н.Е. Мнёвой в 1950-х гг., основана на упомянутой выше стеной летописи. Немногим позднее Л.С. Ретковская, основываясь на тексте дополнения к духовной грамоте Василия III, составленного в 1523 г., изменила датировку на более раннюю — 1525–1530 гг., и она надолго утвердилась в науке. В период с конца 1980-х гг. по 2000 г. на основании проведённых реставрационных (С.С. Подъяпольский) и историко-архитектурных исследований (А.Л. Баталов, В.В. Кавельмахер) делается вывод о строительстве Смоленского собора не ранее середины 16 в. Также, по мнению Н.В. Квливидзе, «... на вторую половину столетия как время создания фрескового ансамбля Смоленского собора указывает ряд признаков, например, включение в программу росписи развёрнутого ветхозаветного цикла, представляющего иллюстрации пророческих видений»¹². Подобные библейские циклы, по мнению Н.В. Квливидзе, появляются во второй половине 16 в. в росписях Успенского собора Свияжска (конец 1550-х — 1560-е гг.), кремлёвского Архангельского собора, церкви Преображения в Больших Вязёмах (конец 16 в.).

Современная датировка фресок Смоленского собора возвращается к 1598 г. и связана с восхождением на престол Бориса Годунова. С точки зрения датировки росписей одной из самых обсуждаемых является композиция «Осада Константинополя», где изображена победа византийской столицы над вражеским войском благодаря заступничеству Богородицы. На фреске патриарх опускает в воды залива ризу Богородицы — реликвию, хранившуюся во Влахернском храме. Это символизирует преемственность в почитании ризы как защиты и покрова от столицы Византии к столице Руси. С написанием композиции исследователи связывают одержанную дипломатическим путём победу Бориса Годунова над крымским ханом Казы-Гиреем, окончившуюся подписанием мира: *«... 29 июня в Петров день, а 2 июля 1598 г., в день праздника Положения Ризы Богородицы во Влахернах, Борис Годунов, одержавший “бескровную победу” на Оке, торжественно вошёл в Москву»*¹³.

Таким образом, росписи в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря с исторической и политической точки зрения оказываются «программными», утверждающими новую идеологию Московского государства как преемницы Византии и определение Москвы как Третьего Рима, канонически закреплённое на Поместном Соборе 1589 г.

Технологический анализ росписей в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря указывает на сходство штукатурных левкасов и стратиграфии красочного слоя с церковью Рождества Богородицы в Пафнутьевом Боровском монастыре и с церковью Преображения в Больших Вязёмах.

В начале 17 в., а именно в 1606 г., по пути в Москву, в храме в Вязёмах молилась невеста Лжедмитрия I-го Марина Мнишек. Путешественница в своих дорожных записях отметила, что церковь воистину царская, красиво украшенная. Этот замечательный памятник годуновского зодчества создан на средства Б. Годунова при его резиденции. Установлено,

что роспись церкви выполнена в комбинированной технике по чисто известковому левкасу средней прочности. В состав левкаса введено органическое природное связующее белковой природы.

Когда пишут о технологии подготовки штукатурного основания для древнерусских фресок, как правило, цитируют фрагмент из рукописи, датируемой самым концом 16 в. и составленной епископом Нектарием: *«А известь бы была старая, лет пяти или десяти; а что старее, то лучше. <...> Статья вторая тож. А старых мастеров состав, будет похощеишь, чтоб вечно будет письмо и выводить из левкасу емчюгу по тому же обычаю, как писано прежь. А выводить емчюгу: лето целое наливать и покрывать да оцеживать дни и нощи, да к зиме огрести левкас в кучу да погрести с рогозами. И тою зимою левкас вымерзнет и отлежится, и выстурит из него и достальная емчюга. И на новую весну с велика дня вскоре наливати его водою нажидко попрержнему все также, и наливать нацеживать недель шесть, и достальная емчюга из левкаса выдет. И как учнет на левкасу вода чиста ставать, и на верху не будет ничего и потом <...> что тот же левкас будет вечен, крепок и чист. И как тот левкас будет поспевать к стенному письму, и лен вычесать начисто, чтобы был без костицы, усечь его намелко, вмешать его в левкас в тот, а левкас был бы густ гораздо. Да толчи еловые коры мелко с мукою и сеять чисто частым решетом, да смешать ее с ячменем варить пополам, да сварить ее водою в котле гораздо, и уварив, процедить частым решетом, — ина будет клей, сильной. И тем клеем поливать по левкасу, да посыпать мукою овсяною чистою и посыпать тою мукою немного. Да еще слыхан есть, что положить в тот же левкас желчи коровьи, да со всем тем убивать гораздо пестами, чтобы было убито гораздо, как тесто пшеничное тянулось».*

Как видно из этого фрагмента, епископ Нектарий говорит о способе подготовки извести под живопись. Он заключался в многократном промывании извести, выдержанной до десяти лет, и последующем её вымораживании. Химический смысл данного процесса заключается в искусственной карбонизации извести — превращение гидроксида кальция в карбонат кальция по реакции: $\text{Ca}(\text{OH})_2 + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O} = \text{CaCO}_3 + 2\text{H}_2\text{O}$. Эта рецептура подтверждается всей историей развития фресковой живописи Древней Руси.

Литература

1. Кукс Ю.М., Лукьянова Т.А., Яснова Л.Ю. Предварительные итоги реставрации настенной росписи XVI–XVIII веков в храме Преображения с. Большие Вязёмы // Троицкие чтения 2003–2004 гг., МК МО, Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2004.
2. Кукс Ю.М., Лукьянова Т.А. Возрождение старинных технологий // журнал «Реставратор». М., 2004.
3. Кукс Ю.М., Лукьянова Т.А. Физико-химические исследования материалов живописи // Глава 6 в книге под ред. В.В. Филатова «Реставрация произведений русской иконописи». М., ПРО-ПРЕСС, 2007. С. 123–132.
4. Лукьянова Т.А., Кукс Ю.М. Памятники культуры — уникальные свидетельства древней технологии /Наука и современность — 2011: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. Часть 1 / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, изд-во НГТУ, 2011. С. 75–83.
5. Лукьянова Т.А. Технологические особенности фресковой живописи XVI века на примере росписей собора Успения Пресвятой Богородицы Успенского монастыря г. Свяжска // Там же. С. 84–94.

6. Лукьянова Т.А. Памятники культуры — уникальные памятники древней технологии // Электронный журнал «Артикульт», 2011. № 2. Российский государственный гуманитарный университет / Факультет истории искусства, <http://articult.rsuh.ru/article.html?id=1649292>.

7. Лукьянова Т.А. Технологические особенности древнерусских фресок // Ярославский педагогический вестник, 2012. № 3. С. 214–218.

8. Кукс Ю.М., Лукьянова Т.А. Вопросы технологии древнерусской фрески // Ярославский педагогический вестник, 2012. № 4. С. 265–269.

9. Кукс Ю.М., Лукьянова Т.А. Вопросы технологии древнерусской фрески. Продолжение // Ярославский педагогический вестник, 2013. № 1. С. 222–226.

10. Лукьянова Т.А., Кукс Ю.М. Древняя технология монументальной живописи // Технология изобразительных искусств. Сборник статей. Вып. 2. 2012. С. 6–27.

11. Лукьянова Т.А., Кукс Ю.М. Технологические особенности приготовления материалов древнерусской настенной живописи // Там же. С. 28–49.

12. Лукьянова Т.А., Кукс Ю.М. К вопросу о применении природных органических связующих в материалах монументальной живописи // Там же. С. 50–75.

Примечания

1. Сарабьянов В.Д. Георгиевская церковь в Старой Ладог. М., Северный Паломник, 2003. С. 78–79.

2. Там же. С. 79.

3. Лазарев В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М., Искусство, 1973. С. 243.

4. Для анализа использованы образцы из коллекции В.В. Филатова.

5. *Филатов В.В.* К истории техники стеной живописи в России // Древнерусское искусство, 1967. С. 53–54.
6. Памятники древней письменности и искусства. Т. LXXVIII. СПб., 1889. С. 8–9.
7. *Голубева И.Б., Сарабьянов В.Д.* Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. М., Северный Паломник, 2002. С. 62, 64, 68.
8. *Виннер А.В.* Материалы масляной живописи. М., Искусство, 1950. С. 42.
9. *Антонова Л.И., Попов Г.В.* Андрей Рублёв. Подвиг иконописания. М., «Красная площадь», 2010. С. 559.
10. *Кулешова И.А.* Исследование росписей Дионисия в соборе Рождества Богородицы в Ферапонтове. Отчёт института «Спецпроектреставрация», 1985; *Бириштейн В.Я., Таскаева Ю.М.* Исследование связующих красочного слоя росписей Дионисия в соборе Рождества Богородицы в Ферапонтове. Отчёт ГосНИИР, 1985. С. 353–373.
11. *Квливидзе Н.В.* Иконография Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Московские епархиальные ведомости, № 7–8. 2010.
12. Там же.
13. Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АССР —	Автономная Советская Социалистическая Республика
ВКП(б) —	Всероссийская Коммунистическая Партия (большевиков)
ВНИИР —	Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации, сейчас ГосНИИР
ГАСО —	Государственный архив Смоленской области
ГДР —	Германская Демократическая Республика
ГНИВЦ —	Главный научно-информационный вычислительный центр
ГТК —	Государственный таможенный комитет
ГТУ —	Главное таможенное управление
ГУЛАГ —	Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
ГУПВИ —	Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ЕАИС —	Единая автоматизированная информационная система
ЖМП —	Журнал Московской патриархии
КВЖД —	Китайско-Восточная железная дорога
КГБ —	Комитет государственной безопасности
КПГ —	Коммунистическая Партия Германии
КПСС —	Коммунистическая партия Советского Союза
Межрабпом —	Международная рабочая помощь, международная организация пролетарской солидарности
МИФИ —	Московский инженерно-физический институт, сейчас Национальный исследовательский ядерный университет
МНРХУ —	Межобластное научно-реставрационное художественное управление

МОПР —	Международная организация помощи борцам революции, коммунистическая благотворительная организация, созданная по решению Коминтерна в качестве коммунистического аналога Красного Креста
МОСНРПМ —	Межобластная специальная научная реставрационная производственная мастерская
НГТУ —	Новосибирский государственный технический университет
НИОР —	Научно-исследовательский отдел рукописей
НКВД —	Народный комиссариат внутренних дел
НЭП —	Новая экономическая политика, проводившаяся в 1920-е гг. в Советской России
ОДВА —	Особая Дальневосточная армия
РГАДА —	Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ —	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ —	Российская государственная библиотек (бывшая Библиотека им. В.И. Ленина)
РГИА —	Российский государственный исторический архив
РККА —	Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) —	Российская Коммунистическая партия большевиков
РО —	региональное отделение
РПЦ —	Русская православная церковь
РФ —	Российская Федерация
С.В.Т.С. —	Союз ветеранов таможенной службы
СЕПГ —	Социалистическая единая партия Германии
СИХМ —	Серпуховской историко-художественный музей
СС —	сокр. от нем. Schutzstaffel (SS) (охранные отряды)
СССР —	Союз Советских Социалистических Республик
США —	Соединённые Штаты Америки

Темлаг —	Темниковский исправительно-трудовой лагерь
УВД —	Управление внутренних дел
ФРГ —	Федеративная республика Германия
ФТС —	Федеральная таможенная служба
ЦИАМ —	Центральный исторический архив Москвы
ЦК —	Центральный Комитет

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Написание имён и фамилий (то с обоими инициалами, то с одним, то без инициалов вообще) — такое, как в публикуемом тексте. Вызванные этим недоговорки и повторы снижают впечатление об уровне этого указателя, зато сокращают вероятность ошибок.

- Абарбанелл Г. — 106
Абдуррахман-хан — 267, 270–271
Абдур-Рашид (Каис, Патан) — 262
Адлер Я. — 106
Азимджанова С.А. — 293
Айа — 200–201
Айкмайер П.-П. — 106–107
Акияма С. (Санейюки) — 73, 91
Аксаков К.С. — 15, 23, 38
Аксаков С.Т. — 38
Александр — 307
Александр II — 53, 87
Александр III — 55
Александр Македонский — 262, 271, 280

Алексашин Э.И. — 218
Алексеев М.В. (Михаил Васильевич) — 4, 51, 63–71, 73–82, 86, 88–89, 93–94
Алексеев Н.М. (Николай) — 63, 69, 77, 86
Алексеева А.Н. (Анна Николаевна, урожд. Пирецкая) — 70–71, 77, 89
Алексеева Е.А. (Елизавета, урожд. Немирович-Данченко) — 69, 77, 88
Алексеева-Борель В.М. (Вера, урожд. Алексеева) — 70, 78, 80, 89, 92–94
Алексеева К.М. (Клавдия, см. Крупина К.М.) — 63, 70
Алексевы — 70, 79
Алексий — 304
Алексий II — 188
Алексий Михайлович, царевич — 313
Али, Мухаммад — 277
Альбикер К. — 171
Аманулла-хан — 267, 273, 286–287
Амин, Хафизулла — 274, 288
Амон — 29
Анастасия, царица — 311
Анастасия (Стана) Петрович-Негош (Анастасия Николаевна, принцесса Черногорская, герцогиня Лейхтенбергская, русская великая княгиня) — 72, 90
Анна Михайловна, царевна — 313
Антонов В. — 84
Антонова Л.И. — 308, 319
Аппен фон, К. — 106
Арендт — 13
Асия Галеевна — 200–202
Асланов, Богдан — 278, 294
Ататюрк — 113

- Афанасьевы (см. Алексеевы) — 77
Афган — 262
Афгани, Джамал ад-Дин аль — 273, 283
Ахемениды — 280
Ахмад Моджаддед алф-и саки бен Маулам Абдул Ахад — 286
- Бабакин — 40, 49
Бабур, Захир ад-Дин Мухаммад (З.-М.) — 259, 293
Багдади — 286, 289
Баженов В.И. — 48–49
Базаров П.А. — 72, 91
Байер Х. — 108
Байер-Ред А. — 108
Бакулин — 277
Балушек Г. — 108
Бальден Т. — 109
Бантцер К. — 158
Баракзаи — 264
Барановский П.Д. — 187
Барбиери (Барбьери) Д.Ф. (Гверчино) — 26, 38
Барбюс А. — 145, 178
Барлах Э. — 109–111, 148, 178
Барсуков Е.З. — 71, 89
Бартельс Р. — 111
Барц М. — 111
Барщевский И.Ф. — 190
Басюк В.М. — 195
Баталов А.Л. — 314
Батке Г. — 156
Батшев М.В. — 3–4, 8, 40
Батый — 304
Баумайстер В. — 111, 124

Бачаи Сакао (Хабибулла-хан) — 267, 287
Бейер Т. — 112
Бекетов — 277
Бекман М. — 112
Бекренев — 84
Беленовский В. — 195
Беллинг Р. — 112–113
Бельянинов А.Ю. — 6, 216
Бенецкий Э.М. — 243, 251
Бергер М. — 113
Беренс П. — 181
Берт — 113
Бёкштигель П.А. — 113
Билибин И. — 194
Биркле А. — 113
Бирштейн В.Я. — 319
Бишоф Э.А. — 114
Бланк К.И. — 47
Бленсдорф Э. — 114
Блюменталь Г. — 114, 141
Блюхер В.К. — 192, 200
Бойзен — 174, 179
Бор Н. — 187
Борель Э.К. — 93
Бохов Г. (Х.) — 106, 152, 179
Бояров В.К. — 217
Боярский М. — 6
Брак — 181
Брежнев Л.И. — 6, 216
Бриллиантов И. — 310
Бройер П. — 112
Брузе Г. — 114

- Брусилов А.А. — 75, 88, 92
Брягин Д.Е. — 311
Бубер М. — 116
Бугей — 26
Будда — 281
Будённый С.М. — 244
Булгаков М.А. — 4, 96–104
Булгари, Эш-шейх Ходжа Ахмед (Ходжа Булгари) — 282–283
Буркхард Г. — 115
Буров А.Д. — 218
Бухарин Н.И. — 191
Бухарцев Д. — 136
Буше Ж. — 165
Быковский М.Д. — 47
Быч Л.Л. — 80, 94
Бэкон — 10
- Вавилов Н.И.** — 255, 258–259, 293–294
Вайзенборн Г. — 131
Вайзенборн Х. — 115
Вайнберг Э. — 115
Вайс Л. (Ладислас) (см. Пери Л.)
Вайскопф Ф. — 144
Вайсс Э.Р. — 116
Валери Жискард д’Эстен — 90
Валерий Иванович — 222
Валуев Д.А. (Дмитрий, Д.В.) — 8–14, 18, 21, 23, 30, 33–38
Валуев С.П. — 69, 88
Ван Дейк А. (Вандик) — 26, 38
Ванека (см. Леопольд Г.)
Василий III — 313–314

Васильев Д. — 187
Васильченко Т.В. — 105
Ватсон Ф. Блэр — 126
Вебер А.П. — 116–117
Вельде ван де, Г. — 159
Веркман Х.Н. — 116
Вигель Ф.Ф. — 30, 39
Виктор, Витя — 203–204
Вильгельм II — 162
Винклер О. — 116
Винклер Ф. — 116
Виннер А.В. — 307, 310, 319
Виргилий — 10
Виталий (мученик) — 185
Виталик (см. Рудченко В.М.)
Витрувий — 302
Владимир Александрович (великий князь, сын Александра II) — 87
Владинец Н.И. — 195
Влас — 36
Власенков В.В. — 85
Власенкова А.М. — 60, 64, 85–86
Волле Г.-П. — 118
Волков С.В. — 84–86, 94–95
Волошин М. — 212
Вольс (см. Шульце А.О.В.) — 118
Вольсфельд Э. — 118
Вольхайм Г.Х. — 118
Ворнер Г. — 119
Вюстен И. (см. Никль П.) — 119–120
Вюстен-Кэппен Д. — 120
Вяземский — 33

- Гааз — 59
Газневи, Махмуд — 282
Газневиды — 282
Гайгер В. — 120
Гайдамакова С.В. — 82
Ганковский Ю.В. — 294
Гартунг Г. — 120
Гауль А. — 148
Гафт В. — 6, 216
Гверчино (см. Барбиери Д.Ф.)
Гвидо — 26
Геббельс — 109
Гейлани — 289
Гейлани, Сеид Ахмад — 289
Гейлани, Сеид Сулейман — 289
Гейне Т.Т. — 121
Гектор — 32
Георгий — 299
Герасимов С. — 203
Гериг-Таргис Ф.-Э. — 121
Геродот — 263, 293
Герстль В. — 114, 123, 138, 167
Гёте — 9
Гиллис В. — 106
Гимпель Б. — 121
Гинденбург — 122
Гисс Л. — 122
Гитлер — 5, 116, 120, 128, 134, 148, 150, 158, 178, 182
Глихман О. — 122
Глотов А.А. — 219
Гова Г.-Г. — 122
Говорова Е.А. (Елизавета Антоновна) — 212–213

Гоголь Н.В. — 20, 37
Годаль Э. — 122
Годунов Борис — 312, 314–315
Голидей — 84
Голицын Н.В. — 33
Голубева И.Б. — 306, 319
Гольдин Л. — 99
Гомер — 10
Гончаров В.В. — 238
Горький М. — 191
Гра Ф. — 243
Грабарь И.Э. — 309
Грабе Х.Д. — 134
Грановский Т.Н. — 24, 38
Граф А. — 122
Грец Р. — 123
Гржимек В. — 123
Грибель О. — 123–124
Григорьев В.В. — 263
Гримме О. (Гримм А.) — 124
Грисхабер Х.А.П. (ХАП) — 124
Громан Г. — 124
Громова У. (Ульяна) — 203
Гросс Г. — 124–126
Грундиг Г. — 126, 147, 182
Грундиг Л. — 127, 147
Гугенхейм — 126
Гуддорф В. — 174
Гумилёв Л.Н. — 259, 293
Гурская Н.Г. — 84, 95
Гуссман — 131
Гюнтер К. — 127

- Давлетшин Г.М. — 295
Давыдов — 58
Дебшиц — 168
Деникин А.И. — 76, 93
Дерен — 181
Дёблин А. — 145
Джемаль Г.Д. — 290, 295
Джемшид — 268
Дибич И.И. — 291
Дикер (Дикер-Брандейс) Ф. — 127
Дикс О. — 127–128, 156, 178
Дионисий — 309–312, 319
Дирлевангер — 126
Дисани — 271
Добужинский М. — 212
Додель В. — 128
Додель Ф. — 128
Дорш Ф. — 178–179
Драганов В.Г. — 220
Дрейер Р. — 142
Дроздовский — 93
Дуда Ф. — 129–130
Дуррани, Ахмад-шах — 261, 277–278
Дустум, Рашид — 269
Дэн Ф. — 129
Дюрер А. — 18, 36
- Евдокея Лукиановна, царица — 313
Егорыч — 102
Екатерина II — 194
Елагин В.А. (Елаг.) — 29, 32, 39
Елагина А.П. — 10, 35

Елагины — 10

Емельянов Э.Ф. (Эрнест Фёдорович, Эрик) — 6, 216, 219, 222, 238–242, 247

Ермолов А.П. — 72

Ермолова — 29

Ерошкин Н.П. — 83

Жегалин О.И. — 243, 250

Жорж-Пико (Пико) Ф. (Франсуа) — 71, 90

Жуковский В.А. — 35

Заболотский А.И. — 58

Заварзин В.С. — 218

Заголуздин Е.А. — 218

Зандберг Г. — 129, 131

Зариньш (Зарриньш, Зарин, Зариньш) Р.Г. — 5–6, 193–195

Засецкий Г. — 16, 20

Захарова З.А. — 312

Захир-шах, Мухаммад — 261, 288–289

Зеэмон-Вехслер Х. — 131

Земская Н.А. — 98

Зефков — 115

Зингер — 191

Зитте В. — 131

Зойферт — 145

Зофер Б. — 131

Иванов В.Ф. — 81

Иванов М.В. — 4, 51, 82, 94

Игнатьева Г.П. — 84

Иеккель В. — 131, 159

Израиль — 262

- Иисус Христос — 309
Ильинский В. — 195
Ильичёв Л.И. — 195
Имри — 271
Иноземцев Ф.И. — 22, 32, 37
Иосиф, игумен — 313
Иоханссон Э. — 131
Ирина (Ира) — 246–248, 250
Исаковский М. — 208
- Каан Э.Ф.В.** — 132
Кавелин К.Д. — 10–11, 35
Кавельмахер В.В. — 314
Каден Г. — 132
Кадочкина С.Ф. — 251
Казы-Гирей — 315
Каис (см. Абдур-Рашид)
Кайль А. (см. Эк Ш.)
Кайльзон М. — 109
Каминский И. — 206
Кампс Г. — 132
Кандинский В. — 108, 135, 161
Кант — 10
Капнист П.И. — 65–67, 86
Карабаева Е.М. — 187
Кардорф К. — 132
Карл — 208, 210–211
Карлос — 9
Кармаль, Бабрак — 288
Карнеджи (Карнеги) — 126
Каус М. — 132
Кауфман А. — 133

Кауфман фон, М.П. — 89
Каян — 286
Кведенфельд Х. — 133
Квек Г. — 133
Квливидзе Н.В. — 314, 319
Келер В. — 133
Кельин Н.Н. — 69, 77–78, 88, 94
Керенский А.Ф. — 75, 92
Керсновский А.А. — 83
Кестинг Э. — 133
Кёлер О. (см. Бальден Т.) — 109
Кивиц Х. (Марсо М.) — 133
Киприан — 304–305
Кир Великий — 262, 280
Киреевский И.В. — 34, 39
Киреевский П.В. — 39
Кирилл Владимирович (великий князь, двоюродный брат Николая II, в эмиграции самoproвозгласил себя Кириллом I) — 68, 87
Кир-Иосиф, патриарх — 313
Кирхнер Э.Л. — 134
Клаузиус — 175
Классен Г. — 134
Клее П. — 135, 161
Клопфляйш М. — 135
Кляйн Ц. — 135
Кляйншмидт П. — 135
Кнауф Э. — 116
Кнупп — 151
Кобеко Д.Д. — 62, 85
Кодичев П.П. — 308
Кожин — 16
Кокошка О. — 109, 119–120, 127, 135–136, 141, 152, 167, 171

- Колломберт П. (Пьер) — 81–82
Колосов М.П. — 85
Кольбе Г. — 148
Кольвиц К. — 136–137, 150, 178, 180
Комеч А.И. — 189
Кондаков С. — 47, 50
Кондзеровский П.К. — 72, 91
Кононович В.А. (Вера Александровна, жена Кононовича И.И.) — 94
Кононович И.И. — 81, 94
Кононович И.К. — 81, 95
Кононович-Фернандес — 82
Кононович-Фернандес Т.И. — 81
Корбюзье — 111
Коринт Л. — 118, 172
Корнилов Л.Г. — 75, 78, 92, 94
Корнилова Н.Л. (Наталья Лавровна, дочь Корнилова Л.Г., жена Шапрона дю Ларе А.Г.) — 94
Корнюхин А.Е. — 195
Корреджио — 36
Косов А.К. — 84
Коссова Т.А. (см. Эйхгольц Т.А.)
Косушкин В.Ф. — 312
Кох Э. — 138
Кочубей В.С. — 83
Кошут — 180
Краевская — 63
Кралик Г. — 138–139
Краснянский И.Ю. — 243
Краузе К. — 138
Крашенинников О.Н. — 309
Кремер Ф. — 138, 141

Крессе — 163
Кречмар Б. — 140
Кродель К. (Карл, Шарль) — 140
Крупин В.М. (Валериан, ошибочно Владимир) — 58, 61–64, 76, 81
Крупин М.М. (Михаил) — 58, 61–64, 81–82
Крупин М.С. (Михаил Сергеевич) — 51–58, 60–62, 81, 85
Крупин С.М. (Сергей) — 4, 51–52, 58, 61–70, 72–81, 88, 94
Крупина Е.Р. (Елизавета Рудольфовна, урожд. Эйхгольц, в первом браке Фитингоф, в воспомин. Власенковой А.М. — Крупенина) — 51, 56, 58–61, 64, 76, 81
Крупина К.М. (Клавдия, урожд. Алексеева) — 51, 70, 80
Крупина М.М. (Мария, в замуж. Кононович) — 58, 62, 81
Крупина Н.М. (Надежда) — 58, 62, 81
Крупины — 52, 61–62, 65, 76–77, 80–82
Кузнецов А.М. — 93
Кукс Ю.М. — 3, 296, 317–318
Кулешова И.А. — 311, 319
Кульченко К.А. — 251
Кунц К. — 140
Купер Ф. — 16, 35
Кустодиев Б. — 212
Кутейба ибн Муслим — 282
Куфус П. — 140
Кюстин де, А. — 30, 39
Кярих — 286

Лаарен Ф. (см. Шмидхаген Р.)
Ладе К. — 141
Лазарев В.Н. — 300, 318
Ламмерт В. — 141
Ланге Г. — 141

- Ланге Х. — 141
Лангнер Р. — 141
Лансере Е. — 194, 212
Лаутербах К. — 142
Лахер М. — 142
Лахнит В. — 142–143
Лебедев В.А. — 219, 222, 239–240
Лебеденко — 42
Лебо Ж. — 243
Леваков И.А. — 47–48
Леви Р. — 142, 156
Леви Ф. — 144
Левий Матвей — 97
Левин Ю. — 142, 144
Левитас И.(Й.)Я. — 195
Леже Ф. — 111, 132
Лежнин Ю.А. — 218
Лейхт Ш. (см. Эк Ш.)
Лейхтенбергские герцоги — 91
Лейхтенбергский Г.М. (герцог, первый муж Анастасии (Станы)) — 90
Лекс-Нерлинггер А. — 144
Леман О. — 138
Лемке М.К. (Михаил Константинович) — 64–73, 86–89, 91–92
Ленин В.И. — 4, 186, 191–193, 321
Леонова Г.А. — 35
Леонтьев К.Н. — 291–292, 295
Леопольд Г. (Ванека) — 144
Лесникова Т.А. — 48–49
Лжедмитрий I — 315
Либерман М. — 132, 144

Либкнехт К. — 145
Либкнехт Р. — 145
Лида, Лидочка — 202–203
Лингнер М. — 145–146
Лист Ф. — 16, 35–36
Литвинов А.А. — 79, 94
Лифшиц Л. — 310
Лихачёв Д.С. — 197
Лодыженский А.А. — 68–69, 88
Ломар Х. (Г.) — 145
Ломоносов М.В. — 197
Лотман Ю.М. — 96, 98, 103–104
Лукьянов Д.М. — 218
Лукьянова Т.А. — 3, 296, 317–318
Луначарский А. — 178
Любиненко — 102
Людвигс П. — 142, 147
Ляховский М.В. — 218

Магомет — 292
Магритц К. — 147
Мазерель (Мазереель) Ф. — 122
Мазур П.Ф. — 195
Майднер Л. — 147
Майднер Э. — 147
Майер-Тур Г. — 148
Макарий, митрополит — 311
Макаров Ю.С. — 218
Мак-Грегор — 265
Мангуби — 99
Манн Т. — 159
Маргарита — 4, 103

- Марина Петровна (дочь великого князя Петра Николаевича) — 91
- Марквардт Б. — 148
- Марков — 94
- Маркс Г. — 148
- Маркс К. — 167
- Марсо М. (см. Кивиц Х.)
- Мартинати — 243, 251
- Маслоф К. — 148, 163
- Массон В.М. — 293–294
- Мастер — 4, 103
- Масуд, Ахмад-шах — 267
- Масуди, Абу-ль-Хасан Али ибн-Хусейн — 261–262
- Матаре Э. — 149
- Матвей — 26
- Матисс А. — 142, 150
- Матэ В.В. — 194
- Мейер К. — 149
- Мейер-Вакс Д. — 149
- Меллер П. — 149
- Меркулов И.Н. — 195
- Мефферт К. (Моро К.) — 149–150
- Мехмед Решат V — 285
- Микельанджело — 25
- Милица Николаевна (великая княгиня, сестра Анастасии (Станы)) — 90
- Митя — 18
- Михаил Фёдорович, царь — 313
- Мнёва Н.Е. — 314
- Мнишек Марина — 315
- Модерзон О. — 119
- Моджаддеди — 286, 288

Моджаддеди, Мухаммад Ибрагим — 288
Моджаддеди, Мухаммад Садек — 287
Моджаддеди, Сахиб-заде Абдулла-хан — 286
Моджаддеди, Себгатулла — 288
Моджаддеди, Фазиль Мухаммад — 286
Моджаддеди, Фазль Омар (Шер-Ага) — 287
Молл О. — 150
Мольер — 15, 18
Моньяу Ф. — 142, 150
МОПП (см. Оппенхаймер М.)
Моратти — 26
Моргунова Н.П. (Наталья Павловна) — 218, 222–223
Моро К. (см. Мефферт К.)
Морозов А. — 42
Морозов Е.Ф. — 290, 295
Моросанов И.А. — 195
Мохой-Надь Л. — 109, 150
Мункачи — 180
Мурильо Б.Э. — 25–26, 38
Мухаммад (Мухаммед) — 262, 286–287, 289
Мухина В.И. — 194
Мэйер-Грефе — 135
Мюллер Р. — 127–128
Мюнх Г. — 150
Мякота Ю.К. — 195

Навуходоносор — 262
Нагель О. — 132, 150
Надежда Петровна (дочь великого князя Петра Николаевича) — 91
Наджибулла — 288
Надир-хан, Мухаммад — 267, 287

- Надир-шах — 270
Назаров Е.С. — 49
Найде Э. — 136
Накиб Саиба (см. Сеид Хасан Ага)
Нансен Ф. — 178
Наполеон — 205
Науен Г. — 142, 151
Наумова (см. Языкова Н.А.)
Нектарий, епископ — 316–317
Немирович-Данченко Е.А. (Елизавета, см. Алексеева Е.А.) — 69
Нерлинггер О. (Нильгреен) — 151
Нерослов А. — 152
Неру Д. — 281, 295
Нестеровский Г.В. — 99, 101
Нестор — 37
Нибур — 10
Никиш Э. — 116
Никлас М. — 152
Никль П. (см. Вюстен И.) — 119
Никола I Черногорский — 90
Николаев Ф.Д. — 76, 93
Николай I — 86, 89–90
Николай II — 68, 74, 84, 86
Николай Иванович — 236
Николай Николаевич (младший) (великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Николая I, второй муж Анастасии (Станы)) — 71–72, 89–91
Николай Николаевич (старший) (великий князь, сын Николая I) — 89–90
Никудери — 259
Нильгреен (см. Нерлинггер О.)
Новосильцева Е.В. (Екатерина Владимировна) — 45, 50

Нойшуль Э. — 152

Нольде К. — 152

Нольде Ф. — 153

Норлинд Э. — 112

Носков А.А. — 67, 87

Нофман Г. — 166

Нусбаум Ф. — 153

Овербек (Овербак) Иоганн Фридрих — 18, 36

Одоевский — 33

Озер Э. (Плауэн Е.О.) — 153

Олисей Гречин — 300–301

Омар — 286

Оппенхаймер М. (МОПП) — 153

Орлик О. — 126, 144, 151, 163

Орлов В.Г. — 45, 47, 49

Орлов-Давыдов В.П. (Орлов, Давыдов) — 40–41, 45, 48–50

Орловы (Орловы-Давыдовы) — 4, 47–49

Отто Т. — 154

Павлов — 8

Панас Мирный (см. Рудченко А.(П.)Я.)

Панасян С.А. — 195

Панкок О. — 111, 144, 147, 150, 154, 173

Панов В.А. — 34–35

Пастернак Т.К. — 4, 96

Патан (см. Абдур-Рашид)

Пафнутий Боровский — 312

Пафнутий (Еропкин) — 313

Пеги Ш. — 116

Пери Л. (Ласло) — 154

Пермяков Ю.Н. — 218

- Пехштейн М. — 154–156
Пётр — 26
Пётр, митрополит — 305
Пётр Николаевич (великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук Николая I) — 72, 90
Пётр I — 84
Пик В. — 180
Пикассо — 165, 181
Пимен — 188
Питерман — 42
Плауэн Е.О. (см. Озер Э.)
Плужников В.И. — 5, 7, 185
Погодин М.П. — 24, 38
Подъяпольский С.С. — 314
Полищук М.А. — 196
Поляков Я.С. — 57
Попов А.Н. — 13, 15, 35
Попов Г.В. — 308, 319
Попова А.Л. — 218
Прокудин-Горский С.М. — 190
Протасов Н.Д. — 308
Прохор — 307
Пурман Г. — 142, 156
Пустовойтенко М.С. — 73, 92
Пушкин А.С. — 36, 317
Пфемферт Ф. — 153
Пышновская З.С. — 5, 105
Пятаков Г.Л. — 192
- Раббани, Бурхануддин — 288–289
Радзивилл Ф. — 156
Ратьков — 40

Рафаэль — 19, 25–26, 36
Рая — 246–248, 250
Редершайдт А. — 106, 156
Рейнхардт М. — 176
Рейснер И.М. — 254, 262, 265, 274, 276, 278, 281, 284, 293–295
Ренн Л. — 175
Рерих Н. — 212
Ретковская Л.С. — 314
Рёдер Э. — 156
Рёссинг К. — 157
Ривкин Б.Б. — 103
Робертсон К. — 41
Ровольт Э. — 134
Родионов С.Д. — 99–100, 102
Розенбаум П. — 141, 157
Рольфс Х. — 157
Романовский — 72, 91
Романовский Б.С. — 91
Романовы — 91, 194
Роман Петрович (сын великого князя Петра Николаевича) — 91
Ромодин В.А. — 293–294
Россинг К. — 133, 178
Росслер — 128
Рочинский С.А. — 34
Рубенс — 26
Рублёв Андрей — 305, 307–308, 310, 319
Рудзутак Я.Э. — 192
Рудников Ю.М. — 195
Рудольф В. — 158
Рудченко А.(П.)Я. (Панас Мирный) — 189
Рудченко В.М. (Виталик) — 5, 185–190, 192, 194–195

- Рудченко М.М. — 186
Русин А.И. — 68, 87
Руэ Г. — 158
Рютер-Рабинович И. — 158
Рябовол Н.С. — 94
- Савицкий П.Н. — 254
Савич — 10
Савчук Л.Г. — 219
Сагиров Н.В. — 218
Сайкс М. (Марк) — 71–72, 90
Салмин И.Д. — 224
Сарабьянов В.Д. — 298–299, 306, 318–319
Сарто дель, А. (Сорта) — 26, 38
Саул — 262
Сафонов И.М. — 314
Сафонов Н.М. — 311
Сахаров В.И. — 48
Свербеев Д.Н. (Дмитрий Николаевич, Дм. Н., Дм. Ник.) — 14, 19–21, 23–24, 31, 34, 36–37
Свербеев Н.Д. (Николай Дмитриевич, Николенька) — 21, 23, 32–33, 37
Свербеева В.Д. (Варв.) — 33, 39
Свербеева Е.А. (Кат. Ал., Kitty) — 16, 18, 21, 27, 38
Свербеева Е.Д. (Кат., Kitty) — 26, 33, 39
Свербеевы — 13, 33–34, 37, 39
Светушкин В.М. — 219, 244, 248
Своехотов М.Г. — 13
Сеид Хасан Ага (Накиб Саиба) — 289
Селевкиды — 280
Сеченов И.М. — 93
Синтенис Р. — 158

Скворцов В.Н. — 219
Слефогт М. — 150
Сликин М.Ф. — 294–295
Слуцкий М.Б. — 195
Смирнов А. — 93
Снесарев А.Е. — 254, 261–262, 267, 269, 273, 275, 283–284, 293–295
Сокол М. — 159
Соколов П.Ф. — 44
Соколова М. — 81, 94
Соловьёва Н.И. — 219
Соломон (Сулейман) — 263
Соломонски Ф.А. — 159
Сорта А. (см. Сарто дель, А.)
Сотников С.Н. — 76, 93
София Цареградская — 303
Спиро Е. — 159
Сталин И.В. — 5–6, 187, 191–193, 294
Стахович М.А. — 32, 39
Стеклов М. — 98, 104
Стендель — 243
Степченков Л.Л. — 82
Стерль Р. — 158, 175, 178–179
Суворов — 187
Султан, Ахмад-хан — 277
Сципингер А. — 159
Сычков А.А. — 219

Талиб, Али бен — 289
Тапперт Г. — 169
Таскаева Ю.М. — 319
Тимур — 268, 281

- Тихон — 10
Тихонов Ю.Н. — 294
Тойбнер К. — 169
Толлер Э. — 178
Том Х. — 169
Торн-Приккер Я. — 166, 181
Тоссу Т. — 91
Тракль Г. — 116
Троцкий — 191
Трубецкой — 67
Тургенев А.И. (Алекс. Ив.) — 4, 20, 23, 37, 44–45
Тургенев Н.И. — 37
Тухольский Э. — 178
- Ульман Г. — 160
Ульман Ф. — 160
Ульяна (см. Громова У.)
Ундина — 15
Унру фон, Ф. — 160
Уриг — 172
Успенский Н. — 310
Ухтомский — 21
Ушаков — 46
- Фадеев А. — 203
Файгль Г. — 121
Файнингер Л. — 135, 161
Фаустова Э.Н. — 6, 197
Феликсмюллер К. — 161
Фельдбауер М. — 178–179
Феофан Грек — 305, 307
Фёдор Иванович, царь — 312

Фёдор Стратилат — 307
Фёлькер К. — 161
Филатов В.В. — 301–302, 317–319
Фиори де, Э. — 162
Фитингоф — 58
Фитингоф Е.Р. (см. Крупина Е.Р.) — 58
Фламинк — 181
Флегель Г. — 141
Фогелер Г. — 162
Фраас Э. — 140, 162
Франк А. — 153, 163–164
Франк И. (см. Хунцингер И.)
Франк Ф. — 163
Фредерикс В.Б. — 83
Фреди — 129
Фридлендер Д. — 163
Фритч М. — 119
Фришман М. — 163
Фройндлих О. — 163
Фрунерт Э. — 165
Фурман П. — 165

Хаас Л. — 165
Хабибулла-хан (см. Бачаи Сакао) –267, 285– 287
Хаген Т. — 111
Хазар — 259
Хайденрайх К. — 166
Хайнцингер А. — 166
Хаман П. — 166
Хане Р. — 167
Харнаке — 174, 179
Хартфильд Д. (Херцфельде Х.) — 113, 167

- Хейман М. — 168
Хеккель Э. — 124, 168
Хенкельс Ф.Р.А. — 116
Херрман О. — 168
Хертерих Л. — 136
Херцфельде Х. (см. Хартфильд Д.)
Хипе Р. — 124
Хирш К.Я. — 168
Ходжа Булгари (см. Булгари, Эш-шейх Ходжа Ахмед)
Хольц К. — 169–170
Хомяков А.С. (Хом., Ал. Ст.) — 12–13, 16–18, 30, 33, 35
Хомякова Е.М. — 16
Хомяковы — 22
Хофер К. — 129, 149, 151, 153, 169, 178, 181
Хофман В. — 169
Хофман фон, Л. — 132
Хофман Э. — 171
Хрущёв — 191
Хуббух К. — 171
Хунцингер И. (Франк) — 171
Хут Н.Р. — 172
Хюттенбах А.Г. — 172
- Ц**вейг А. — 178
Цветнянский А.А. — 90
Целлер М. — 172
Цельнер Ф. — 172
Циммерман М. — 172
Цянь Лун — 277
- Ч**айкина Ж. — 195
Чапек К. — 178
Челноков М.В. — 66, 87

Черкашина Е. (Лена) — 222
Чернов С.С. — 317
Чёботов Ю.А. (Юрий Алексеевич) — 218, 222–223, 243, 246, 250
Чижков А.Б. — 84, 95
Чикванов — 57
Чингисхан — 270, 304
Чириков Г.О. — 308
Чупланов А.Н. — 219

Шавельский Г.И. — 70, 89
Шадр И. — 193
Шайбе Р. — 148
Шамес С. — 172
Шапир А. — 102
Шапрон дю Ларе А.Г. — 77, 93
Шарлотта — 26
Шарль И. — 173
Шарф — 151
Шарф Э. — 173
Шварц фон, А.В. — 66, 86
Швезиг К. — 173
Швиммер М. — 174
Шевченко А.Г. — 3, 253
Шевырёв — 10
Шеллинг Ф.В. — 28–29, 38
Шер-Ага (см. Моджаддеди, Фазль Омар)
Шеффер И. — 174
Шёнберг Э. — 174
Шиллер — 9
Шиннерер — 166
Шинц — 20

- Ширяй Иван — 311
Шлеммер О. — 109, 174
Шлёцер — 21, 37
Шлёцер Н. — 37
Шлёцеры — 37
Шмидт Д. — 124
Шмидт-Ротлуфф К. — 156, 174
Шмидхаген Р. (Лаарен Ф.) — 175
Шольц В. — 175
Шольц Г. — 175
Шорин Ю.Н. — 82
Шоу Б. — 178
Шпажников Г.А. — 294
Шраг М. — 175
Штадлер Т. — 156
Штауффер-Берн К. — 136
Штедель — 111
Штерн М. — 176
Штерн Э. — 176
Штерн Ю. — 176
Штиглиц А.Л. — 194
Штиллер А. — 176–177
Штремпель Х. — 176
Штриеливиц — 123
Штруп Г. — 178
Штук Ф. — 176
Штумп Э. — 178
Шульце А.О.В. (см. Вольс)
Шульце — 174, 179
Шульце Ф. — 106, 152, 178
Шульце-Кнабе Е. — 179
Шуман-Энгерт — 163

Шумахер К. — 179–180

Шумахер Э. — 180

Шуххардт Э. — 180

Щепин В.С. — 219

Щербачёв Д.Г. — 68, 88

Эбель Т. — 180

Эгельхофер — 182

Эдель П. — 180

Эйнштейн А. — 178

Эйхгольц — 57, 84

Эйхгольц А.Р. (Александр) — 57, 84

Эйхгольц В.Р. (Валериан) — 57, 84

Эйхгольц Е.Р. (Евгений) — 57, 59, 84

Эйхгольц Е.Р. (Елизавета, см. Крупина Е.Р.) — 56–57, 84–85

Эйхгольц М.Р. (Мария) — 57, 84

Эйхгольц Р.Г. (Рудольф Готтлиб) — 57, 84

Эйхгольц Т.А. (Терезия Александровна, урожд. Коссова) —
57, 84

Эк Ш. (Кайль А., Лейхт Ш.) — 180

Эль Э. — 181

Элькан Б. — 181

Эмзен Г. — 181

Эмке В. — 166

Эмке Ф.Х. — 181

Энгельс Ф. — 264

Эрнст Е. — 182

Эрнст М. — 182

Эрпенбек Ф. — 144

Юденич И.С. — 82

Юсин Б. — 99, 101

Явленский — 135, 161

Ядзевский Э. — 182–183

Языков А.М. (Александр Михайлович, Ал. М.) — 10, 29, 38

Языков Н.М. (Яз., Никол. М., Ник. М., Ник. Мих.) — 26, 29–30, 32, 38

Языкова А.М. — 8

Языкова Н.А. (Наталья Алексеевна, Нат. Ал., в девичестве Наумова) — 29, 38

Якобс В.А. — 195

Яковлев Постник — 311

Яманаси К. — 91

Янушкевич Н.Н. — 71, 90

Ярослав Владимирович — 300

Ярославцев И.П. — 311

Яснова Л.Ю. — 317

Bartels R. — 111

Bernitt I. — 111

Eichholtz R.G. — 57

Frey — 32

Frommhold E. — 184

Grieshaber H. — 116

Grzimek W. — 148

Hiepe R. — 184

Jenty — 23, 32
Jouis Pilippe — 23

Kemredy — 32
Kitty (см. Сverbеева Е.Д.) — 16, 26
Kossov T. — 57

Porter — 32
Pölkow H. — 159

Schmidt D. — 184
Sohntiener — 18
Szipinger A. — 159

Werkmann — 116
Wyatt — 26

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аахен — 147, 149
Австрия — 108, 114, 136, 140, 249
Австро-Венгрия — 150, 152
Аддис-Абеба — 173
Адрианополь — 291
Азербайджан — 162
Айфель — 131, 148
Албания — 112
Алма-Ата — 212
Алупка — 214
Альпбах — 175
Альтенбург — 115
Америка — 133, 136, 153, 161, 182, 321
Амстердам — 112, 165, 173
Аму-Дарья — 254
Англия — 24, 27–28, 35, 45, 106, 109, 112–115, 118–120, 132, 140–141, 147, 149, 159, 166–167, 172, 176, 277
Анкара — 113
Антарктида — 197

Антиб — 90–91, 120
Аравия — 292
Арарат — 301
Аргандаб (Аргендаб) — 255, 257
Аргентина — 86, 150
Аркажи — 299
Армения — 7
Арносберг — 138
Арроде — 113
Артюхово — 58
Аугсбург — 140, 178
Аузиг — 152
Ауэ — 160
Афганистан (Авганистан) — 3, 253–263, 265–273, 277–283, 285, 287, 289–295
Афганский Бадахшан — 268
Афганский коридор — 270
Афганский Туркестан — 254, 269
Афганское государство — 264–265, 267, 269, 271, 278, 286
Афины — 182
Афон — 304
Ахеменидская держава — 263
Ашаффенбург — 134

Бабельсберг — 166
Бавария — 120, 134, 171
Баглан — 269–270
Бадахшан — 262, 269–271, 286
Бадгис — 267, 271
Баден-Баден — 174
Баден-Вюртемберг — 124
Базель — 156, 165

- Байрам-Али — 83
 Баквийская пустыня — 258
 Бактрия — 280
 Балканский полуостров — 306
 Балканы — 53, 106
 Балтийская коса — 190
 Балх — 269, 272, 282
 Бамиан — 270, 281
 Барановичи — 86
 Барашево — 197
 Баркенхоф — 162
 Батумская область — 91
 Баутцен — 162
 Бахчисарай — 213
 Башкирия — 202
 Бейрут — 90
 Белая — 202
 Белград — 89, 173
 Белоруссия — 204–205
 Белуджистан — 254, 268, 272
 Бельгия — 26, 93–94, 127, 153
 Бельский уезд — 102
 Бенд-и-Баян — 254
 Бенд-и-Даукан — 254
 Бенсхайм — 135–136
 Берген — 173
 Бергер Моор — 134, 138
 Берлин — 23, 27–30, 32, 106, 108–109, 112–115, 118–124, 126–129, 131–132, 134, 136, 138, 140–141, 144–145, 147–154, 156, 158–161, 163, 165–169, 171–176, 178–182, 184
 Берлин-Вайсензее — 119
 Берлин-Шарлоттенбург — 119, 132, 151

Берн — 135
Бернек (Байрет) — 166
Бернштадт — 147
Беслан — 203
Бехово — 93
Бжег — 150
Биберево — 102
Бизенроде — 172
Билефельд — 113
Биркенвердер — 133
Ближний Восток — 90
Бломберг — 172
Блуменау — 109
Бобоедово — 58
Богемия — 37
Бодензее — 168
Боденское озеро — 128
Болгария — 89, 304
Большие Вязёмы — 305, 313–315, 317
Большой Киргизский хребет — 208
Бомбей — 289
Бонн — 106, 165
Боршод — 150
Бразилия — 109, 133
Брайтон (Брейтон) — 21–22, 24–25, 28, 37
Бранденбург — 129, 153
Бремен — 118, 156, 162
Бреслау — 159, 168
Брно — 121, 180
Брюль — 182
Брюннен — 154
Брюссель — 94, 173

- Бублиц — 135
Будапешт — 154
Бургброль — 148
Буршайд — 142, 149
Бухарест — 176
Бухар-Жирауский район — 162
Бухенвальд — 129, 150
Быхов — 92
- Вальдхайм** — 108, 149, 153, 179
Варшава — 88, 106, 173
Ваханский (Афганский) коридор — 270
Веддинг — 181
Ведель — 109
Везель — 154
Веймар — 108, 122, 127, 129, 135, 144, 150, 157, 159, 161
Великобритания — 7, 37, 81, 90, 93
Вена — 113, 127, 136, 140, 152–153, 194
Венгрия — 112, 180
Венеция (Венец.) — 31
Вертер — 113
Верхняя Швабия — 124
Византийское государство — 303
Византия — 296, 304, 315
Вильгельмсхафен — 156
Вильменсдорф — 172
Вильнёв — 136
Виндзор — 25–26, 38
Владивосток — 236
Влахерны — 315
Вознесенск — 100
Волга — 23

Волжская Булгария, Волжско-Камская Булгария, — 282–283, 295
Волотово поле — 307
Волхов — 301
Ворошиловградская (Луганская) область — 203
Ворпсведе — 119
Восток — 32, 214, 254, 256, 262, 266, 282, 285, 291
Восточная Пруссия — 190
Восточный Суссекс — 37
Вроцлав — 108, 122, 129, 132, 147, 159, 174, 176
Вьетнам — 124
Вязьма — 98, 100

Гаага — 165
Гавр — 26
Газни — 257, 259, 271, 283, 286
Галиция — 75, 140
Галле — 131, 140, 161
Гамбург (Гамб.) — 18, 20–21, 111, 119, 122, 135, 141, 148, 153, 161, 172–173
Ганновер — 122, 168
Гатчина — 84
Гаштейн — 26
ГДР — 106, 108–109, 112, 115–116, 118–119, 123, 128, 131–132, 138, 140–141, 145, 149, 151, 153–154, 159, 166–167, 171, 174, 176, 179–180, 182, 184, 204, 320
Гейдельберг — 119
Геленджик — 81
Гера — 127
Герат — 256–257, 262, 267, 270–271, 278, 281–283, 286
Гератская долина — 256
Гератский оазис — 256

- Герируд — 255–257
 Германия (Герм.) — 5, 7, 28–29, 36–37, 45, 105–106, 109, 116, 119–120, 123, 126, 132, 136, 138, 141–142, 145, 147, 151–152, 156, 161, 168, 175, 178–182, 204, 320–322
 Герника — 173
 Гёрлиц — 119
 Гибрик — 260
 Гильменд — 255, 268, 272, 280
 Гильмендская пустыня — 258
 Гиндукуш — 254, 280
 Гиттерзее — 142
 Глазго — 106
 Глаухау — 162
 Глац — 158
 Гмунден — 157
 Голландия — 112, 116, 136, 138, 141, 147, 154, 173, 176, 182
 Голливуд — 131
 Гонконг — 173
 Гор — 270–271
 Горная Силезия — 165
 Горно-Бадахшанский а.о. — 268
 Городец — 307
 Городок — 305, 308–309
 Грабиловка — 100
 Грайфштейн — Вюртемберг — 131
 Греко-Бактрийское царство, Греко-Бактрия — 280
 Гренобль — 160
 Греция — 124, 140
 Гронинген — 116
 Гуйшуань — 280
 Гурс — 145
 Гэрен — 112

Гюстров — 109, 111

Давос — 134

Далмация — 178

Дамаск — 256

Дангаст — 156, 168

Дания — 112, 140, 168

Дармштадт — 147, 180

Датская Гольштиния — 157

Дахау — 142

Дели — 286

Демократическая Республика Афганистан — 288

Держава Великих Моголов — 286

Держава Газневидов — 282

Держава Селевкидов — 280

Дессау — 108, 135, 150

Детройт — 157

Дёма — 202

Джелалабад — 257–258, 281

Джелалабадская низменность — 257–258

Джужджан — 269, 272

Диц — 160

Добельн — 168

Дон — 51, 76–78, 80

Дорогобужский уезд — 100, 102

Дортмунд — 181

Древняя Русь — 307, 317

Дрезден (Дрезд.) — 18–20, 22, 27, 29, 36, 106, 113, 115–116, 118, 121, 123–124, 126–128, 131–135, 140–142, 145, 147, 152, 158, 161–163, 165, 168–169, 171, 174, 179–180

Дуисбург — 124, 133–134

Дурранийская держава — 261, 277

Дэбельн — 140

Дюссельдорф — 106, 111, 112, 118, 120, 122, 131, 133, 138, 142, 144, 147, 149–150, 154, 172–173, 176, 181

Европа — 3–4, 8, 13, 33–34, 45, 136

Египет — 180, 256

Егорлыцкая станица — 77

Екабпилс (см. Якобштадт)

Екатеринодар — 77–79, 92

Елизаветинский парк — 42

Епишевская волость — 58

Жарынская волость — 58, 76, 93

Жарынь — 58–60, 62–64, 76, 81–82, 93–94

Женева — 112

Женевское озеро — 136

Жёлтое море — 280

Заксенхаузен — 126, 151, 166, 172, 180

Зальцбург — 108, 113–114

Запад — 32, 190, 254, 292

Западная Азия — 293–294

Западная Германия — 179

Западная Европа — 4, 194

Западный Берлин — 123–124, 126, 132, 151, 156, 158, 160, 175–176

Звенигород — 305, 308

Зегеберг — 157

Зинген — 127

Зирнах — 149

Зубово-Полянский район — 197

Иерусалим — 36, 262
Измайлово — 235
Израиль — 7, 262, 282
Империя Ахеменидов — 280
Империя Великих Моголов, держава — 259, 286
Инд — 254–255, 280
Индийский океан — 257
Индия — 169, 257, 272, 276, 278, 281–282, 285, 295
Индостан — 280
Инстербург — 148
Иордан — 258
Иран — 260–261, 268, 270, 285
Иранское нагорье — 254, 263
Иркутск — 25
Исламское Государство Афганистан — 288
Испания — 112, 120, 133–134, 140, 148, 154, 165–166, 173, 178
Италия — 13, 23, 31, 45, 81, 86, 90, 106, 112, 120, 129, 134, 136, 142, 145, 147–148, 154, 156, 160, 169, 172, 176, 178, 180, 182

Йоханнесбург — 178

Кабардино-Балкария — 162
Кабул — 255, 257, 270, 272, 277, 281–282, 286–290
Кабулистан — 263
Кабульская область, вилайят (провинция) — 259–260
Кавказ — 71–72, 90
Казань — 141
Казахская ССР — 162
Казахстан — 162, 208
Калининград — 243–244, 249, 251

- Калининградская область — 243
 Калифорния — 108
 Калка — 304
 Калькар — 151
 Калькумский лес — 124
 Кальтенборн — 127
 Кандагар — 256–257, 261, 268, 270, 272, 280–281, 286
 Кандагарский оазис — 256–257
 Каписа — 272
 Капут — 172
 Капштадт — 123
 Карагандинская область — 162
 Карл-Маркс-Штадт — 175–176
 Карлсруэ — 118, 122–124, 142, 166, 168–169, 171, 175, 178, 181
 Кассель — 154, 163
 Каськово — 100, 102
 Катур — 260
 Кафиристан — 255, 258, 263, 271
 Кветта — 280
 КВЖД — 192, 320
 Кемна — 134, 178
 Керчь — 173
 Кёльн — 134, 144–145, 148, 150, 156–158, 165, 178, 182
 Кёнигсберг — 122, 134, 136, 148
 Киев — 88, 98, 195, 298, 301–302
 Киевская Русь — 296, 301
 Киль — 111, 181
 Киргизия — 200
 Китай — 7, 188, 260, 268
 Кляйне Фестунг — 166
 Кобленц — 149, 160

Ковентри — 173
Коктебель — 212, 214
Колорадо — 108
Конго — 94
Константинополь — 299, 304, 315
Копенгаген — 134
Корея — 124
Корнеевка — 162
Корсика — 172
Костромская область — 189
Край Смоленский — 104
Краков — 152
Красная Поляна — 173
Краснодон — 203
Крацау — 131
Крефельд — 138, 151
Крит — 303
Кронбург — 131
Кронштадт — 13
Крым — 13, 88, 187, 213–215
Крымское ханство — 213
Куба — 132
Кубанская область — 80
Кунар — 271–272
Кундуз — 269–270
Курляндская губерния — 92
Кух-и-Баба — 254
Кушанское царство (см. Гуйшуань)
Кушка — 256

Лагман — 271–272
Ладога — 299

- Ла-Манш — 37
 Ландсхут — 120
 Лар — 116
 Латвия — 92, 194
 Лахен — 149
 Лахи — 85
 Леба — 156
 Лебединое (Лебединское) озеро — 45–46, 49
 Лейпциг — 18, 20, 112, 115, 120–122, 138, 145, 148, 152–153, 162–163, 174, 178–179
 Ленинград — 128
 Ленинградская область — 189
 Ливерпуль — 25
 Линц — 108
 Лифляндская губерния — 194
 Лодзь — 106, 163
 Локарно — 135
 Лондон (Лонд.) — 21–23, 25–28, 32–33, 106, 109, 113–116, 119, 123, 127, 135–136, 141, 147, 149–150, 152, 154, 159–160, 162–163, 165–167, 171–173, 176, 181
 Лопасня — 41–42, 46, 49
 Луганская область (см. Ворошиловградская область)
 Луккау — 115
 Лысково — 17
 Льеж — 173
 Любек (Любоч) — 17, 36–37, 111, 148
 Люблин — 163, 165
 Людвигсбург — 166
 Люттих — 147
- Магдебург** — 18, 111, 114–119
Мадрид — 133

Мазендеран — 268
Майданек — 165
Майн — 111, 112, 140, 154, 172, 181
Марбург — 175, 178
Мариенбад — 20
Марокко — 87
Марсель — 140
Мары — см. Мерв.
Маутхаузен — 180
Мееране — 123
Меербуш — 149
Меерсбург — 116
Мейсен — 165
Мексика — 118, 152
Мельбурн — 196
Мерв (Мары) — 83, 281
Мечетинская станица — 77
Миргород — 189
Мирджаве — 254
Михайловское — 59
Могилёв — 64, 70–71, 74–75, 86, 91
Молочница — 197
Монако — 81
Монморанси — 94
Монте-Карло — 81
Монтесито — 108
Мордовская АССР — 198
Морицбург — 136, 168
Москва — 7–8, 11, 15–16, 18, 20, 28–32, 34–35, 40, 75, 82, 93, 99, 103, 108, 128, 132, 136, 141, 152, 160, 162, 173, 181, 190, 192, 205, 222, 228, 235–236, 247, 277, 295, 305, 307, 309, 315, 322

- Московское государство — 315
 Мохенджо-Даро — 280
 Муральто — 135
 Мургаб — 83, 254, 270
 Мюльхайм-на-Руре — 133, 154
 Мюнстер — 112
 Мюнхен — 112–113, 120–122, 124, 126, 128–129, 134–136,
 140, 142, 144, 151, 154, 157, 163, 165–168, 172–173, 176, 181,
 194
 Мюнхенбухзее — 135

 Нангархар — 270, 272
 Нева — 16
 Нередица — 298–303
 Нерехтский район — 189
 Нижний, Нижний Новгород — 17
 Нижняя Силезия — 158
 Никольское — 98
 Нимруз — 270, 272
 Ницца — 88
 Нова-Фрибургу — 133
 Новгород — 13, 37, 299
 Нововавилонское царство — 262
 Новороссийск — 79
 Новоруднянская волость — 59
 Новосибирск — 317
 Новочеркасск — 77–78, 92–93
 Ной-Ульм — 173
 Норвегия — 121
 Нордхаузен — 136
 Нуристан — 272
 Нью-Йорк — 108, 112, 118, 122, 126, 153, 159, 161, 166–167

Огайо — 144
Ока — 315
Ольденбург — 156
Опава (Троппау) — 165
Оренбургская область — 202
Орша — 70
Освенцим — 115, 127, 142, 144, 153, 166, 180
Осло — 121
Османская империя — 90, 291
Оснабрюк — 153
Остероде — 180
Острава — 166
Отрада — 40, 42–43, 45–50
Ош — 263

Пакистан — 260, 268, 271–272, 279–280
Пактия — 263
Палестина — 115, 127, 258
Пансдорф — 135
Папенбургер — 166
Парапамиз — 254
Париж — 21, 23, 27–28, 30, 32, 45, 81–82, 88, 106, 109, 111–113, 118, 120–121, 132, 134–136, 138, 142, 144–145, 147, 150, 157, 159–163, 165–167, 178, 181–182, 194
Петербург (Ленинград, Петерб., Питер, С.-Петербург, Петроград) — 11, 13, 15–17, 20, 23, 29, 32–33, 53, 55, 57, 60, 62, 71, 73, 75, 84–85, 93–94, 128, 152
Петергоф — 84
Пешавар — 286
Пёхларн — 136
Пиренеи — 165
Пирна — 179

- Плауэн — 153
 Плётцензее — 178
 Поволжье — 150, 209
 Погост — 58
 Подгорный — 208, 210
 Подмосковье — 4, 40
 Позен — 129
 Полоцк — 204–205, 298, 300
 Полтава — 190
 Полтавщина — 186
 Польша — 28, 88, 106, 152, 158, 163, 165, 202
 Померания — 156, 163
 Портсмут — 27
 Потсдам — 172, 174
 Прага — 23, 31, 106, 109, 113, 119–122, 135, 141, 144, 152,
 167, 171, 178, 180
 Прожода — 82
 Пруссия — 118
 Псков — 301, 305
 Пули-Хумри — 281
 Пяндж — 254
- Равенсбрюк — 182
 Райхенберг — 131
 Растенбург — 123
 Ревель — 37
 Регистан — 254, 257, 272
 Реймс — 173, 185
 Рейнская земля — 145, 173
 Ремшайд — 154
 Республика Туркменистан — 83
 Рига — 37, 194

Рим — 20, 37, 113, 140, 162, 181, 194
Рио-Рафаэль — 109
Ройтлинген — 124
Рославль — 63, 77, 81, 99
Рославльский район — 85
Рославльский уезд — 58–59, 85, 93
Российская империя (Империя) — 52, 54
Российская Советская Республика — 195
Российское государство — 219
Россия — 4, 35, 37, 39–40, 43, 51, 53, 63, 65, 81–83, 90–92, 95, 102, 109, 194–196, 206, 217–222, 242–244, 249–250, 278, 291–292, 297, 302, 310, 319
Ростов-на-Дону, Ростов — 77, 94, 173
Росток — 109, 111, 121
Рот — 124
Ротлуфф — 174
Роттердам — 173
Рудные горы — 152
Румыния — 53
Рур — 129, 138, 157
Русский Север — 305
Русское государство — 313
Русь — 296–298, 304–306, 313, 315
РФ, Российская Федерация — 217–218, 220–222, 230, 238, 261, 321
Рюген — 112

Саарбрюккен — 181
Саксония — 140, 174
Саксонская Швейцария (Сакс. Швейцария) — 19–21, 36
Салоники — 173
Саманган — 269, 272

- Санкт-Петербург — 277
 Сан-Паулу — 162
 Свияжск — 311–312, 314, 317
 Св. Катарина — 109
 Север — 292
 Северная Африка — 136
 Северная Германия — 112
 Северная Индия — 263
 Северное Тушино — 223
 Северный Рейн — Вестфалия — 113–114
 Северо-западная провинция Пакистана — 260
 Семёновское-Отрада — 4
 Сентмихайфальва — 180
 Сербия — 297, 303–304, 306
 Серет — 74, 92
 Серпухов — 50
 Силезия — 150, 159
 Симбирск — 9–10, 34
 Симбирская губерния — 8, 38
 Симферополь — 214, 294
 Синд — 272
 Синьдзян — 286
 Систан — 254
 Сицилия — 172
 Скороходово — 85
 Слупск — 163
 Смоленск — 51, 63, 69–70, 74, 80, 82, 84–85, 93, 101
 Смоленская губерния — 57–58, 84–85, 93, 100
 Смоленская область — 84, 101, 320
 Смоленский уезд — 102
 Смоленское княжество — 313
 Смоленщина — 51, 76, 98

Снетогоры — 306
Советская Россия — 321
Сокольнический район — 228
Солнышково — 21, 23, 34
Средиземное море — 127, 280
Средний Восток — 256
Средняя Азия — 55, 213, 258, 263, 282, 285
СССР, Советский Союз — 5, 87, 106, 119, 123, 150, 162, 167, 180–181, 195, 220, 239, 290, 293, 320–321
Старая Ладога — 298, 301–303, 318
Стокгольм — 121
Сулеймановые горы — 254, 262–263, 282
Сурх-Котал — 281
Сухраб — 270
США, Соединённые Штаты Америки — 92, 112–113, 118, 122, 126, 131, 135, 152, 157, 159, 168, 173, 321

Таганрог — 79–80
Таджикистан — 268
Тарнополь (Тернополь) — 74–75, 92
Тахар — 269–270
Тахти-Сулейман — 263
Ташкент — 293
Темза — 25, 38
Темлаг — 197, 322
Темников — 197
Терезиенштадт — 127, 166
Термез — 283
Тернопольская область — 92
Тессин — 157
Тиньково (Тиняково) — 45–46
Тиньковские ключи — 45

Тироль — 175
 Тирольские Альпы — 38
 Тифлис — 71–72
 Третий Рим (Москва) — 315
 Трир — 118
 Тройсдорф — 145
 Туркестан — 255, 269
 Туркменистан — 268–269, 281
 Турция — 53, 113, 191, 273, 285
 Тушин — 106
 Тюрингия — 115

Украина — 7, 92, 109, 190, 203
 Украинская ССР — 186
 Ульм — 135
 Упсала — 178
 Урал — 304
 Урузган — 270
 Уфа — 202

Фариаб — 269, 272
 Ферапонтово — 319
 Филадельфия — 135
 Филипповский хутор — 78
 Финляндия — 75, 85, 91, 112, 178
 Фирузкух — 268
 Флоренция — 109, 112, 136, 142, 156
 Фрайберг — 115
 Франкфурт-на-Майне, Франкфурт — 18, 22, 27, 111–112, 140, 154, 172, 181
 Франция — 35, 81–82, 87–88, 90–92, 94–95, 106, 112, 118, 120, 122, 127, 132, 134, 136, 138, 140–141, 145, 159–160, 163,

165–166, 169, 172–173, 176, 178, 181–182, 243
Фрауенкирх — 134
Фрауштадт — 174
ФРГ, Федеративная республика Германия — 111, 113, 116,
118, 124, 132, 140, 147, 149, 154, 156–157, 161, 168, 172, 322

Хааг — 108
Хаген — 141, 157, 175
Хазараджат — 270
Хамм — 114
Хараппа — 280
Харьков — 152
Хатынь — 205–206
Хемменхофен — 128, 168
Хемниц — 158, 174, 176
Хонштейн — 163, 179
Хорасан — 282
Хоста — 258

Царицыно — 42
Царское село — 84
Цвикау — 141, 154
Центральная Азия — 253, 262, 266, 294
Центральноазиатский регион — 291
Центральный Афганистан — 270
Цинциннати — 144
Цюрих — 153–154, 162, 165

Чехословакия — 94, 109, 113–114, 121–122, 135–136, 141,
152, 163, 167, 179–180
Чикаго — 126, 136, 150

Шварцвальд — 151

Швейцария — 34, 111, 112, 134, 136, 149–150, 153–154, 156, 168, 172, 175, 182

Шверин — 111, 122, 182

Швеция — 7, 112, 121, 132, 140, 145, 178

Шёнбрунн — 120

Шёнеберг — 158

Шлезия — 147

Шпейер — 156

Штеттин — 142, 144

Штольп — 163

Штрохаузен — 156

Штутгарт — 111, 124, 129, 132, 157, 160, 169, 174, 179

Щучий пруд — 42

Эбензее — 166, 180

Эбро — 134

Эльба — 18, 36

Энинген-унтер-Ахальм — 124

Эренфризерсдорф — 152

Эрфурт — 172

Эссен — 114, 129, 133, 138, 141, 144, 157, 178

Югославия — 94, 112, 140, 172

Юг России — 91–92, 95

Южная Индия — 280

Южная Франция — 147, 154

Явас — 197–198

Якобштад(т)ский район — 75

Якобштадт (Екабпилс) — 92

Япония — 7
Яркенд — 286
Яуза — 294

München — 148

Содержание ПРЕДЫДУЩЕГО выпуска
(«Архив наследия — Выпуск 14», 2015 г.)

И.В. СЕВЕРЦЕВА. О полуглавиях в русской архитектуре первого десятилетия 18 века.

Н.А. ФЛОРЕНЦЕВА. Типология лепного декора на фасадах жилых и общественных зданий послепожарной Москвы.

М.В. БАТШЕВ, А.А. СЕМЁНОВ. Надгробные памятники участникам Отечественной войны 1812 года в Москве.

М.В. БАТШЕВ, Т.В. МЕДВЕДЕВА. Воспоминания Д.Н. Свербеева о князе В.Ф. Одоевском.

К.Г. ГОЛОВКИН. Охрана исторического и культурного наследия России в годы Первой мировой войны.

А.С. БЕЛОВА (ДРОЗДОВА). Воспоминания о жизни в деревне в доколхозное время и что лучше всего помню в колхозное время.

М.В. ИВАНОВ. Памяти А.Ф. Палашенкова (листая следственное дело...).

Г.С. ЧУМАЧЕНКО. Партизанское подполье Таганрога: герои и предатели.

В.И. ПЛУЖНИКОВ. Сгинувший актёр.

Г.В. СЕМЁНОВА. Музеи-заповедники как особый вид музеев.

Л. ГЕВОРГЯН. К вопросу о создании этнографического музея под открытым небом в Армении.

И.Я. ГАЮК. Культурное наследие армянской диаспоры на Украине: актуальные проблемы изучения и сохранения.

В.И. ПЛУЖНИКОВ. Русские лепестковые церкви – конвергентный аналог центрических храмов древнего Закавказья.

С.В. ИЛЕВИЧ. Зеркальные (асимметричные) пилястры.

М.А. ПОЛИЩУК. Далёкий Мельбурн. Дневник с картинками и звуками (Симпозиум по акустической экологии в Мельбурне 2003 г.).

А.Е. ГРИЦ. Архитектурные памятники Сирии.

Ю.А. ГАВРИЛОВ, А.Г. ШЕВЧЕНКО. Российские народы от переписи до переписи: этнорелигиозная динамика и структура населения Российской Федерации.

Е.М. ПАШКИН. Инженерная реставрация при сохранении памятников архитектуры.

В.П. КНЯЗЕВА, Н.С. КАВЕР. Комплексные эколого-материаловедческие исследования для успешной («устойчивой») реставрации памятников.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	3
-----------------	---

М.В. БАТШЕВ

Европа глазами славянофила.....	8
---------------------------------	---

М.В. БАТШЕВ

К истории изучения усадьбы «Отрада».....	40
--	----

М.В. ИВАНОВ

Зять главковерха.....	51
-----------------------	----

Т.К. ПАСТЕРНАК

Денежный вопрос в жизни М.А. Булгакова.....	96
---	----

З.С. ПЫШНОВСКАЯ

Художники — жертвы фашизма и его противники (Германия, 1933–1945 гг.).....	105
---	-----

В.И. ПЛУЖНИКОВ

Отблеск двух биографий.....	185
-----------------------------	-----

Э.Н. ФАУСТОВА

Из личных воспоминаний середины 20 века.....	197
--	-----

Э.Ф. ЕМЕЛЬЯНОВ

Советник таможенной службы.....216

А.Г. ШЕВЧЕНКО

Афганские страницы — выпуск 2.....253

Ю.М. КУКС, Т.А. ЛУКЬЯНОВА

Актуальные вопросы технологии
древнерусской фрески.....296

Список сокращений.....320

Именной указатель.....323

Указатель географических названий.....355

Содержание предыдущего выпуска.....379

Научное издание

АРХИВ НАСЛЕДИЯ — Выпуск 15. 2016 г.

Сборник статей

Составитель *Владимир Иванович Плужников*

Редакторы *В.И. Плужников, Т.В. Васильченко*

Указатели — *Т.В. Васильченко*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом

Российского научно-исследовательского

института культурного и природного наследия

имени Д.С. Лихачёва

Правка компьютерного набора — *Т.В. Васильченко*

Оригинал-макет — *Н.П. Лакутина*

Подписано в печать 12.12.2016.

Формат 60×84 1/16. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24. Тираж 500 экз.

Заказ № ...

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Костромской дом печати»

156000, Костромская обл., г. Кострома, ул. Мясницкая, д. 43 А.